

E-ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

TOM
vol. **4 N° 4 / 2024**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 4 № 4
2024

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 4 № 4
2024

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 4 № 4 2024

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 4 N° 4 2024

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina.

Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В., кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, академик РАО (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон).

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Енгальчев В. Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики государственного университета им. К.Э. Циолковского (Россия, Калуга)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника военного института по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI, (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

- Engalychev V.F.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics of the State University. K.E. Tsiolkovsky (Russia, Kaluga)
- Zmanovskaya E. V.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)
- Ilakavichus M. R.** – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Karayani A. G.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)
- Kirillova T. V.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)
- Kleimenov M. P.** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)
- Kostromina S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
- Lelchitsky I. D.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)
- Lyaskovska K.** – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)
- Pudovochkin Yu. E.** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)
- Rybnikov V. Yu.** – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Sitnikov V. L.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Strelnikova Yu. Yu.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Teslenko A. N.** – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)
- Utyuganov A. A.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of the Military Institute for Scientific Work – Head of the Research and Editorial and Publishing Department of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)
- Fedotov S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)
- Khusainova S. V.** – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)
- Shestakov D. A.** – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)
- Javorchikova J.** – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А...... 502

Психологические исследования девиантного поведения

Сабитова И. С. Психологические предпосылки возникновения насилия в интимно-личностных отношениях..... 504

Меркушева О. В. Эмпирическая верификация опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудника полиции на транспорте»..... 516

Психологическая коррекция девиантного поведения

Боге Чжан. Роль юридической психологии в механизме предупреждения рисков, связанных с развитием цифрового общества..... 544

Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Белянкина В. А., Бантюков И. Б. Социокультурные и психологические особенности адаптации иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России..... 557

Ерофеева М. А., Харламова Д. А. Диагностика сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества... 576

Куликова Т. И. Отношение подростков сельской местности к сквернословию в своей среде.. 586

Социологические исследования девиантного поведения

Буткевич С. А. Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений..... 599

Нятин Н. В. Основания и компоненты деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах: региональный аспект..... 611

Правовое противодействие девиантному поведению

Бурлаков В. Н., Плоткина Л. Н. Психологические и правовые аспекты защиты семьи..... 623

Криминологические исследования девиантного поведения

Баярмагнай Р. Методологические вопросы изучения коррупционных преступлений в Монголии..... 636

Обзоры и рецензии

Душкин А. С., Илакавичус М. Р. Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (Обзор международной научно-практической конференции)..... 653

Ситников В. Л., Шахматов А. В. Профилактика домашнего насилия..... 664

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A. 502

Psychological research of deviant behavior

Sabitova I. S. Psychological prerequisites for the origin of violence in intimate-personal relations..... 504

Merkusheva O. V. Empirical verification of the questionnaire “Attributive styles of the activity of a transport police officer” 516

Psychological correction of deviant behavior

Zhang Boge. Application of legal psychology in risk prevention mechanism of digital society..... 544

Psychological and pedagogical research and prevention of deviant behavior

Belyankina V. A., Bantyukov I. B. Factors of socio-cultural adaptation students - representatives of foreign states in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia..... 557

Erofeeva M. A., Kharlamova D. A. Diagnostics of the cadets’ competencies formation for the prevention of the minors’ involvement in destructive Internet communities..... 576

Kulikova T. I. Attitude of rural teenagers to profanity in their community..... 586

Sociological research of deviant behavior

Butkevich S. A. School bullying: characteristics of genesis, manifestations and prevention of deviations of interpersonal relations..... 599

Nyatina N. V. Bases and components of destructive socio-political interaction of the population in network communities: regional aspect..... 611

Legal counteraction to deviant behavior

Burlakov V. N., Plotkina L. N. Psychological and legal aspects of family protection..... 623

Criminological research of deviant behavior

Bayarmagnay R. Methodological issues of investigating corruption crimes in Mongolia..... 636

Reports on scientific events

Dushkin A. S., Ilakavichus M. R. Pedagogy and Psychology in the Activities of Law Enforcement Officers: Integration of Theory and Practice (Review of the International Scientific and Practical Conference)..... 653

Sitnikov V. L., Shakhmatov A. V. Domestic violence prevention..... 664

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-502-503

Уважаемые читатели!

Представляю вам заключительный номер 2024 года. Рубрику «**Психологические исследования девиантного поведения**» открывает статья «Психологические предпосылки возникновения насилия в интимно-личностных отношениях», посвященная исследованию социальных представлений студенческой молодежи о мотивах вступления в отношения, о причинах возникновения насилия в интимно-личностных отношениях. Полученный результат позволил предположить, что выявленные потребности и социальные установки, направленные на материальное обогащение и карьерный рост, являются психологическими предпосылками возникновения насилия в интимно-личностных отношениях.

Автор следующей работы «Эмпирическая верификация опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудника полиции на транспорте»» отмечает, что ввиду возрастания требований к компетенциям сотрудников полиции на транспорте, а также отсутствия на данный момент программ подготовки специалистов данного профиля, востребованы разработки атрибутивных технологий познания опасных явлений на объектах транспортной инфраструктуры, основанных на концепции многоуровневой трактовки стили деятельности сотрудников. Результатом исследования стало создание диагностического инструмента, позволяющего определять уровень овладения атрибутивным стилем деятельности и оценивать профессионализм сотрудника полиции на транспорте, надежность функционирования его профессиональной психики в ситуациях распознавания опасных явлений и недопущения их перехода в акты незаконных вмешательств.

В рубрике «**Психологическая коррекция девиантного поведения**» представлено исследование автора из Китая, посвященное изучению роли юридической психологии в механизме предупреждения рисков, связанных с развитием цифрового общества. Автор считает, что развитие юридической психологии способствует корректировке традиционных общественных отношений и находит отражение в законодательстве Китайской Народной Республики. В стремительно развивающуюся эпоху информатизации, перед лицом возникновения цифрового общества, крайне важно использовать исследовательские возможности юридической психологии для познания и регулирования цифровой «метавселенной».

Редакционной командой журнала для рубрики «**Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения**» были отобраны материалы, в которых исследуются различные аспекты профилактической работы поведения иностранных обучающихся, курсантов, подростков. Так, актуальность исследования «Социокультурные и психологические особенности адаптации иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России», заключается в выявлении психологических и социокультурных особенностей адаптации, психологического благополучия слушателей факультета подготовки иностранных специалистов Санкт-Петербургского университета МВД России, представителей стран ближнего и дальнего зарубежья. Выявлены психологические особенности, способствующие продуктивной социокультурной адаптации слушателей. Определены наиболее уязвимые компоненты личности слушателей, от которых зависит не только качество адаптационных способностей и временной период адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

В статье «Диагностика сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества» рассматривается подготовка будущих специалистов к профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Важным аспектом является диагностика сформированности компетенций обучающихся для оценки эффективности профессионального обучения курсантов и дальнейшей разработки стратегий образовательного процесса для достижения результата.

Завершает рубрику статья «Отношение подростков сельской местности к сквернословию в своей среде», автор которой поднимает проблему сквернословия в подростковой среде, актуальность кото-

рой обосновывается возрастающим количеством жалоб педагогов и родителей на слишком активное использование подростками сквернословия в межличностном взаимодействии. В результате выявлено, что использование ненормативной лексики представляет привычную форму личного самовыражения подростков, является одним из способов проявления взрослости и возможности занимать более значимую позицию в референтной группе.

Автор статьи «Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений», представленной в рубрике «**Социологические исследования девиантного поведения**», подверг анализу научные взгляды на проблемы подростковой агрессии и жестокости в образовательной среде, осуществления превенции школьной травли, привлечения к ответственности буллеров, их родителей и педагогов за асоциальное и антисоциальное поведение. Научная новизна работы обусловлена комплексным анализом мультидисциплинарных научных исследований различных аспектов подростковой агрессии и жестокости в современных условиях, реальных и потенциальных угроз от школьной травли и издевательств.

Целью статьи «Основания и компоненты деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах: региональный аспект» является анализ оснований и компонентов деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах сибирских регионов. Исследование проведено на основании анализа комментариев в популярных сетевых сообществах сибирских регионов Кемеровской области – Кузбасса и Томской области. По результатам проведенного исследования были определены основания, которые стимулируют онлайн-активность населения деструктивной направленности.

В рубрику «**Правовое противодействие девиантному поведению**» включено исследование «Психологические и правовые аспекты защиты семьи», в котором дана характеристика функций современной семьи, уточняется сущность понятия «личность безопасного типа», «семья безопасного типа» и рассматриваются условия их формирования. Средства защиты разнообразны, и среди них привычными являются средства воспитания и меры принуждения. Между этими регуляторами воздействия на семью всегда была связь, которая то ослабевает, то укрепляется. Пренебрежение правовыми нормами и упование на воспитание (психологию поведения в семье) или наоборот, приводит к девиантному поведению, поэтому необходима система мер.

Методологическим вопросам изучения коррупционных преступлений в Монголии посвящена статья в рубрике «**Криминологические исследования девиантного поведения**». Автор утверждает, что правовые основы для противодействия, предупреждения, выявления и расследования коррупционных преступлений являются одним из главных приоритетов для профессиональных организаций и их сотрудничества как на национальном, так и на международном уровнях. Хотя эти преступления кажутся совершаемыми исключительно между двумя лицами или сторонами – дающим и получающим взятку или преимущество, они наносят существенный вред интересам и экономике страны из-за незаконных постановлений и решений, принимаемых этими уполномоченными должностными лицами в своих личных интересах и выгодах. Последствия коррупционной преступности отличаются от других видов преступлений тем, что она затрагивает всех членов общества, независимо от их социального класса, и поэтому классифицируется как тяжкое преступление или фелония. В рубрике «**Обзоры и рецензии**» представлены информационные материалы о прошедших в Санкт-Петербургском университете МВД России научно-представительских мероприятиях – III международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» и круглого стола «Профилактика домашнего насилия», посвященного психолого-педагогическим и юридическим проблемам профилактики домашнего насилия.

Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии
и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации,
семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического
государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-504-515

Психологические предпосылки возникновения насилия в интимно-личностных отношениях (по результатам фокус-групповой дискуссии с молодежью КГУ имени К. Э. Циолковского)

Ирина Сергеевна Сабитова

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
(Калуга, Россия)

sedenkova.ir@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0667-7410

Аннотация

Введение. Насилие в интимно-личностных отношениях является серьезной социальной проблемой, затрагивающей миллионы людей во всем мире, понимание причин возникновения которого имеет решающее значение для разработки эффективных мер по его профилактике и устранению. Настоящее исследование направлено на изучение социальных представлений студенческой молодежи о мотивах вступления в отношения, о причинах возникновения насилия в интимно-личностных отношениях. **Методы исследования и результаты.** Фокус-групповая дискуссия позволила выявить ведущие потребности, побуждающие молодежь вступать в интимно-личностные отношения, и социальные установки, отражающие представления, связанные с будущим формированием семьи. Полученный результат позволил предположить, что выявленные потребности (в поддержке, страх одиночества и стремление быть «как все») и социальные установки, направленные на материальное обогащение и карьерный рост, являются психологическими предпосылками возникновения насилия в интимно-личностных отношениях.

Ключевые слова

социальные представления, ведущие потребности, социальные установки, студенческая молодежь, насилие, интимно-личностные отношения, фокус-групповая дискуссия

Для цитирования: Сабитова, И. С. (2024). Психологические предпосылки возникновения насилия в интимно-личностных отношениях. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 504–515. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-504-515.

Original paper

Psychological prerequisites for the origin of violence in intimate-personal relations (based on the results of a focus group discussion with young people at Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky)

Irina S. Sabitova

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

(Kaluga, Russia)

sedenkova.ir@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0667-7410

Abstract

Introduction. Violence in intimate-personal relations is a serious social problem affecting millions of people around the world. Understanding its causes is crucial for developing effective measures for its prevention and elimination. The present research is aimed at studying the social ideas of student youth about the motives for entering into relations, about the causes of violence in intimate-personal relations. **Research Methods and Results.** The focus group discussion made it possible to identify the leading needs that motivate young people to enter into intimate-personal relations and social orientations reflecting views related to future family formation. The results showed that the identified needs (for support, fear of loneliness and desire to be “like everyone else”) and social norms aimed at material enrichment and career promotion are psychological prerequisites for the origin of violence in intimate-personal relations.

Keywords

social perceptions, leading needs, social norms, student youth, violence, intimate-personal relations, focus group discussion

For citation: Sabitova, I. S. (2024). Psychological prerequisites for the origin of violence in intimate-personal relations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 504–515. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-504-515.

Введение

Благополучие страны во многом определяется осуществлением главного предназначения семьи – рождением детей, продолжением рода, т. е. продолжением народа. Семья – это не только союз любящих людей, но и особый социальный институт, призванный учить, воспитывать, передавать традиции, знания, опыт, формировать будущую личность, имеющую нравственный стержень, нравственные ориентиры, помогающие разобраться в сложностях жизненного пути, побуждающие человека стать ответственным за себя, за свою семью и за судьбу Отечества.

Однако институт семьи сталкивается с многочисленными проблемами, имеющими государственное значение.

Основополагающей проблемой является нарушение психологической безопасности личности внутри семьи, ведущее к высокому числу разводов и бытовых преступлений.

Одним из показателей внутреннего разрушения традиционных ценностей института семьи является и высокий процент жертв, пострадавших от насилия в семье, и совершенных убийств на этой почве¹ (Кузьмичева, 2018). Данные российской статистики показывают постоянный рост числа жертв, пострадавших от насилия, и это с учетом того, что данная проблема является латентной и не все случаи зафиксированы и учтены.

Результаты глобальных, региональных и национальных исследований свидетельствуют о том, что насилие в интимно-личностных отношениях широко распространено по всему миру² (Сефтауи, 2009). Вместе с тем, признавая значимость проблемы, ученые исследуют ее, как правило, в уже сформированных семьях, уделяя недостаточно внимания причинам и психологическим механизмам возникновения насилия в интимно-личностных отношениях молодежи. А ведь именно молодость является сенситивным периодом для построения интимно-личностных отношений, формирования образа будущей семьи.

Основная часть

Научные исследования психологических предпосылок возникновения насилия у несовершеннолетних и молодежи в настоящее время в России практически отсутствуют, а за рубежом представлены незначительным количеством научно-исследовательских работ.

Исследованиями опыта переживания насилия в интимно-личностных отношениях подростков и молодежи занимаются в основном зарубежные авторы, социологи и юристы E. M. Douglas, S. Korkmaz, C. Överlien, H. Lagerlöf, M. Mitra, V. E. Mouradian, M. McKenna (Korkmaz, Överlien, Lagerlöf, 2020; Lysova & Douglas, 2008; Mitra, Mouradian, McKenna, 2013). В России интимно-личностные отношения подростков и молодежи исследуют немногие авторы, например, Г. С. Кожухарь, Н. Г. Осипова и А. В. Лысова, К. Н. Аракелян и др. (Кожухарь, 2014; Осипова, Елишев, 2022; Лысова, 2013; Аракелян, 2014).

Значимость исследования различных форм добрачных интимно-личностных отношений (свидания, сожительство) отмечает А. В. Лысова. В одном из своих масштабных исследований на выборке из 2009 человек она выявила, что уровень совершения насилия выше в отношениях сожительства (20,5 %), чуть меньше на этапе свиданий (13,1 %) и минимален в брачных отношениях (8,9 %). А. В. Лысова и Э. М. Дуглас (Douglas) в одной из своих работ приводят результаты международного исследования насилия в добрачных отношениях на выборке из 228 студентов университетов. Высокие показатели распространенности были выявлены для всех видов насилия, агрессии и принуждения. Студенты мужского и женского пола примерно с одинаковой вероятностью становились жертвами и виновниками всех насильственных и агрессивных действий.

Э. Лагерлёф (Lagerlöf), С. Коркмаз (Korkmaz), К. Оверлиен (Överlien), а также ряд других ученых, в своих исследованиях отмечают широкую распространенность опыта переживания насилия среди молодежи за рубежом. В частности, они приводят данные статистики среди молодежи, пострадавшей от насилия в интимно-личностных отношениях (Норвегия (42,9 %) (Hellevik, 2019), в Англии (45 %) (Fox et al., 2014)), подчеркивая социальную значимость

¹ Насилие в отношении женщин (2021, 9 марта). Всемирная организация здравоохранения. Глобальный веб-сайт. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women>

² Campaign to Combat Violence against Women, including Domestic Violence (2006-2008). Council of Europe. URL: <http://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/>

данной проблемы и одновременно слишком малое количество исследовательских работ, посвященных ей. Приводятся результаты исследования шведской молодежи 2022 года, согласно которым 59,7 % (n = 526) респондентов сообщили, что сталкивались с той или иной формой насилия в интимно-личностных отношениях один или несколько раз (Korkmaz, Överlien, Lagerlöf, 2020).

С. Коркмаз (Korkmaz) и К. Оверлиен (Överlien) в исследованиях 2020 и 2021 года выявляют факторы, влияющие на подверженность молодых людей насилию. Одним из таких факторов является возможный недостаток опыта в отношениях, поскольку молодые люди могут подвергаться насилию в период своих самых первых отношений и, таким образом, не имеют представления о том, какими бывают «здоровые» отношения, что затрудняет идентификацию и интерпретацию насильственных действий как таковых. Отсутствие такого опыта приводит к нарушению психологической безопасности личности в интимно-личностных отношениях, что обычно происходит втайне от социального окружения.

Как показало исследование чатов анонимной поддержки, молодые люди в основном интересуются вопросами любви и отношений (К. Оверлиен). Автор выделила четыре основные ситуации, в которых молодые жертвы насилия ищут поддержки: 1) «Мой парень злится, но сейчас его нет» – ищущий поддержки в продолжающейся ситуации; 2) «Я не знаю, является ли поведение партнера нормальным» – неуверенность в том, как следует понимать то или иное поведение партнера, в основном касающееся сексуального поведения; 3) «Интересно, как выйти из отношений» – потребность в практическом совете. В контексте данного вопроса исследователь выявила, что при желании уйти от партнера у жертвы часто возникает страх, что оставленный партнер покончит жизнь самоубийством, и это будет ее вина. Такое положение может быть связано с возложенной девушкой на себя обязанностью заботиться о партнере, что является одной из причин терпимости к проявлениям насилия в отношениях молодых людей (Korkmaz, Överlien, Lagerlöf, 2020); 4) «Больше не с кем это обсудить» – отсутствие социальной поддержки, невозможность обсудить столь интимные вопросы с кем-либо еще в силу различных причин, например, из-за культурных или религиозных убеждений, недоверительного контакта с окружающими, отношений, скрывааемых от значимых взрослых, и т. п. Также выявлены обращения в ситуациях, когда жертве была нужна незамедлительная помощь: агрессор угрожал ей убийством или пытался это сделать, жертва не знала, как себя вести, куда обращаться.

Также в ходе анализа обращений анонимных чатов была выявлена проблема детско-родительских отношений, заключающаяся в том, что молодые люди не могли обратиться за помощью и поддержкой к родителям, боялись или не хотели рассказывать им о происходящем, также описаны обращения, в которых молодые люди сообщали о непонимании и негативном отношении родителей к их интимно-личностным отношениям в целом или конкретно к партнеру, в связи с чем альтернативным вариантом поиска помощи стал для них анонимный чат. Важно отметить, что в данном исследовании были обнаружены молодые люди, которые осознали свое агрессивное поведение в отношениях и просили поддержки и помощи в борьбе с этой проблемой. Для них было характерно чувство страха и вины, разочарования.

Американские исследователи М. Митра (Mitra), В. Э. Мурадян (Mouradian), М. МакКенна (McKenna) (Mitra, Mouradian, McKenna, 2013) выявили, что молодые люди с ограниченными возможностями, с временными или постоянными отклонениями в физическом развитии имеют больше шансов подвергнуться насилию в близких отношениях и имеют более тяжелые последствия таких отношений.

Некоторые зарубежные исследователи (Cutter-Wilson, Richmond, 2011; Furlong Woodman, Wyn, 2011; Hellevik & Överlien, 2016; Zweig et al., 2014; Hellevik, 2019) описывают сходство

(по видам проявления насилия) и отличительные особенности в интимно-личностных отношениях молодежи и среди взрослых людей. Так, например, взрослые, как правило, не только проживают вместе, но и имеют общие интересы и общий семейный бюджет, совместно воспитывают детей, в то время как молодые люди, проживающие совместно, стараются сохранить свои специфические социальные и культурные особенности, не привнося их в семью.

В целом серия данных исследований показывает фундаментальную роль анонимной поддержки для молодежи, оказавшейся в ситуации насилия в интимно-личностных отношениях, раскрывает проблему детско-родительских отношений, влияющую на опыт переживания насилия в интимно-личностных отношениях молодежи, а также потребность молодежи в получении информации о том, как строятся отношения, что является нормой в поведении партнера, а что нет.

В период взросления, когда личность находится на этапе формирования ценностей собственной жизни, актуальными становятся вопросы о смысле жизни, о дальнейших планах и целях, и немаловажным становится вопрос о значимости и необходимости формирования семейных отношений.

Выступая на Всероссийском семейном форуме «Родные-любимые» 2024 г., Президент РФ В. В. Путин отметил, что тенденция западных стран в настоящее время направлена на подмену, разрушение, забвение нормальных человеческих ценностей, традиционных семейных отношений, и призвал граждан нашей страны сберечь, укрепить и передать наши многовековые ценности будущим поколениям.

Многие современные исследования отражают представления молодежи о ценности института семьи. Так, исследования Н. В. Куриловича показывают, что, несмотря на то, что семья имеет большое значение в системе ценностей молодежи, однако молодые люди лояльны к различным формам сожительства без заключения брака и не торопятся заводить детей (Курилович, 2019).

Всероссийский центр изучения общественного мнения в 2021 году опубликовал результаты опроса населения³ с выборкой 1600 человек в возрасте от 18 лет о причинах разводов. Было выявлено, что среди наиболее распространённых причин разводов россияне указали причины психологического характера: взаимное непонимание (15 %), несовместимость характеров (8 %), искажение ценностей семьи (4 %), несовпадение ценностей (4 %), а также причины нарушения психологической безопасности личности в условиях, которые должны, напротив, способствовать ее поддержанию: нетерпимость друг к другу (6 %), ссоры, конфликты, ругань (3 %), недоверие, обман, ревность (3 %). При этом наибольший процент приходится на причины материального характера: «нет денег», «безденежье», «бедность», «низкий доход семьи», «недостаточное материальное благополучие» (33 %).

Методы и результаты

Выводы данного исследования подтверждают и результаты фокус-групповой дискуссии, проведенной в 2023–2024 годах среди студентов 1–2 курсов институтов психологии, педагогики, инженерно-технологического, естествознания, искусств и социального проектирования КГУ им. К. Э. Циолковского. Цель дискуссии – углубиться в тему в рамках непосредственного группового обсуждения среди молодежи, получить информацию об их личном опыте, но в контексте групповой динамики, которую невозможно выявить в индивидуальном обсуждении, а в последующем использовать полученные результаты для формирования частных гипотез исследования.

³ От брака до развода (2021). ВЦИОМ: интернет-сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (Дата обращения 2024-06-29).

В дискуссии приняли участие студенты в возрасте от 18 до 20 лет, в количестве 148 человек (94 девушки и 54 юноши). Студентам предлагалось ответить на открытые вопросы на тему построения семейных отношений, чтобы выявить потребности, мотивы и ценности, связанные с формированием таких отношений. «Как вы считаете, зачем молодежь вступает в интимно-личностные отношения?», «Как вы считаете, зачем создают семьи, заключают брак?», «Как вы считаете, почему в России высокий процент разводов?», «Как вы считаете, почему в интимно-личностных отношениях возникает насилие?», «Как вы считаете, почему в семейных отношениях возникает насилие?», «Какое решение проблемы насилия в отношениях вы видите?» и др.

Студентам предлагалось записать три основные причины, по которым молодые люди вступают в интимно-личностные отношения. Собранные данные позволили выявить социальные представления молодежи о ведущих потребностях, побуждающих вступать в интимно-личностные отношения, которые мы условно разделили на группы: духовные, материальные, сексуальные потребности, биологические причины, страхи и требования социума (таблица 1).

Таблица 1. Социальные представления молодежи (на выборке студентов КГУ им. К. Э. Циолковского) о причинах вступления в интимно-личностные отношения

Table 1. Social ideas of young people (on the sample of students at Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky) about the reasons for entering into intimate-personal relations

Причины	Частота встречаемости ответа
Духовные потребности	
Поддержка	19
Любовь	9
Общение	9
Забота	7
Внимание	7
Быть нужным	7
Взаимопонимание	6
Доверие	5
Делиться эмоциями	4
Защита	3
Комфорт	3
Общие цели	1
Родственная душа	1
Саморазвитие	1
Самостоятельность	1
Счастье	1
Сексуальные потребности	
Сексуальное влечение	9
Страсть	6
Возбуждение	1

Причины	Частота встречаемости ответа
Желание попробовать новые ощущения	1
Страхи	
Одиночество	13
Потребность быть в безопасности	7
Материальные потребности	
Материальное обеспечение	9
Биологические причины	
Половое созревание	4
Требования социума	
Давление со стороны родителей	9
Продолжение рода	4
Другие	
Быть «как все»	11
Стремление стать взрослым	5
Желание покинуть родительский дом	
Круто	4
Ранняя осведомленность о сексуальных отношениях	3
Интерес	3

Выявлено, что ведущими причинами вступления в интимно-личностные отношения среди молодежи являются потребность в поддержке, страх одиночества и стремление быть «как все».

Выявленные потребности можно охарактеризовать как потребительские, т. к. они направлены на получение определенной выгоды для собственной личности через вступления в интимно-личностные отношения, то есть вступая в интимно-личностные отношения для удовлетворения выявленных потребностей, молодой человек имеет намерение получать различного рода поддержку (материальную, моральную), не отличаться от общей социальной массы, компенсировать страх остаться одиноким. При этом потребности духовного, нравственного характера отражаются в сознании молодежи в меньшей степени, а ведь именно они являются фундаментом для построения семьи и сохранения долговременных отношений.

Полученные результаты позволяют предположить, что в интимно-личностных отношениях могут возникать ситуации, в которых по реальной или мнимой причине партнер не может или перестает удовлетворять потребность в поддержке или совершает действия, которые оцениваются одним из партнеров как ведущие к разрыву отношений, тем самым усиливая страх остаться одиноким и быть не «как все». В данном случае значимым становится то, что неудовлетворение потребностей, беспокойство, тревога и ощущение страха, как правило, приводит к агрессии (Берковиц, 2004; Ильясов, 2017; Шестакова, Дорфман, 2009). Как известно, агрессия является сильной эмоцией, которую сложно контролировать, в связи с чем могут возникать остроконфликтные ситуации, в т. ч. и применение насилия одним из партнеров. Так, нерешенные семейно-бытовые проблемы приводят к серьезным конфликтам и даже преступлениям молодых людей, нуждающихся в проведении судебной психологической экспертизы (Ситников, Стреленко, Енгальцев, 2021).

Дискуссия также позволила выявить социальные установки (предрасположенность субъекта воспринимать, оценивать, осознавать и, как итог, действовать, т. е. демонстрировать определенное социальное поведение) у исследуемых. Такими социальными установками у юношей являются создание благоприятных условий для построения семьи, материальное обогащение и обеспеченность, у девушек – построение карьеры как гарантии будущей безопасности, в том числе и материальной.

Все это позволяет сделать вывод, что молодежь предрасположена воспринимать и оценивать создание семьи и появление детей как отягощающие обстоятельства, требующие множества материальных и моральных сил, которые нужно приобретать в течение длительного времени («встать на ноги»), а до этой абстрактной неизвестной точки достижения материального благополучия вступать в серьезные отношения не имеет смысла. По этой причине молодежь откладывает вопрос о создании семьи и вступает в близкие отношения, не имея серьезных намерений, не руководствуясь определенными нравственными, ценностными убеждениями, зачастую не рассматривая своего партнера как будущего мужа или жену. Отношения воспринимаются как игра, регистрация брака – как формальность, его с легкостью регистрируют снова и снова, разводы считаются нормой, молодые люди все чаще ориентированы не на построение семьи, а на собственное благосостояние (Сомкин, Данилова, 2018; Бурина, Кудинова, 2020; Гериханова, 2020). Вступление в интимно-личностные отношения под воздействием таких социальных установок не способствует формированию семейных ценностей, искажает представления о будущей семье, о роли мужа (жены), отца (матери) и приводит к потере смысла и ценностного содержания интимно-личностных отношений у молодых людей.

Полученный результат позволил предположить, что выявленные потребности (в поддержке, страх одиночества и стремление быть «как все») и социальные установки, направленные на материальное обогащение и карьерный рост, являются психологическими предпосылками возникновения насилия в интимно-личностных отношениях.

Заключение

Таким образом, выявлено, что в настоящее время интимно-личностные отношения молодежи строятся не только на чувстве взаимной влюбленности, но и на взаимовыгодных ожиданиях, наиболее значимые из которых – материальное благополучие, карьерный рост, образование. При этом создание семьи и рождение детей считаются отягощающими обстоятельствами, которые зачастую считаются второстепенными, а на первый план выдвигаются собственный комфорт и материальная обеспеченность.

Также установлены потребность молодежи в знаниях о построении любовных отношений, о границах нормы и «красных зон», дефицит поддержки и помощи по вопросам, связанным с конфликтными ситуациями и ситуациями проявления насилия в интимно-личностных отношениях, тенденция сохранения в тайне от социального окружения наличия проблем с партнером.

Вышеизложенное позволяет сформулировать предложение подготовить спецкурс или спецпрактикум, направленный на проработку темы психологических особенностей построения отношений, создания семьи. Результатом должна стать поддержка в формировании собственной продуктивной системы взглядов на то, какими могут быть действительно безопасные отношения и каковы первые признаки различных форм насилия.

Перспективной может стать также разработка программы тренингов, направленных на выработку навыка конструктивного взаимодействия в условиях остроконфликтных ситуаций, снижения агрессивности и страха, умения управлять своими чувствами.

Ожидается, что такой воспитательный компонент образовательной среды вуза позволит предотвратить насилие в отношениях молодежи, в их будущих семьях, тем самым предупредив развитие насильственных преступлений.

Альтернативным вариантом информационного просвещения, направленного на построение семей, основанных на ценностных и доверительных отношениях, является создание анонимного чата для студентов, позволяющего выявлять лиц, подверженных насильственным отношениям, и оказывать им психологическую помощь, проводить необходимую информационно-воспитательную работу.

В рамках реализации программы преподавания юридической психологии рекомендуется включить дисциплину или темы отдельных занятий: «Психологический механизм возникновения насилия в интимно-личностных отношениях», «Психологические особенности личности, имеющей опыт насилия в интимно-личностных отношениях», «Насилие в интимно-личностных отношениях как юридически значимая ситуация», «Способность понимать характер и значение совершаемых действий жертвой и агрессором и оказывать сопротивление в ситуации насилия в интимно-личностных отношениях».

Дальнейшие исследования глубинных психологических предпосылок возникновения насилия у молодежи позволят сформировать психодиагностический инструментарий по выявлению группы риска среди студентов и разработать программы тренингов или иной психокоррекционной работы, направленной на предупреждение насилия в будущих семьях.

Список литературы

- Аракелян, К. Н. (2014). Опыт пережитого насилия и склонность к виктимному поведению подростков: гендерный аспект. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 4 (12), 58–65.
- Берковиц, Л. (2004). *Агрессия. Причины, последствия и контроль*. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Бурина, Е. А., Кудинова, А. Е. (2020). Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства. *Вестник Мининского университета*, 8 (1).
- Гериханова, М. Р. (2020). Отношение современной молодежи к семье и ее духовным ценностям. В *Семья XXI века: проблемы и перспективы*: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 40-летию ФГБОУ ВО «ЧГУ» (Грозный, 21 мая 2020 года, стр. 116–120). Грозный: Чеченский государственный педагогический университет.
- Ильясов, Ф. Н. (2017). О соотношении агрессии и страха. *Социальные исследования*, 1, 62–69.
- Кожухарь, Г. С. (2014). Феноменология разных форм психологического насилия в молодежной среде: зарубежные исследования. *Психологическая наука и образование*, 6 (2), 230–245. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060220>
- Кузьмичева, Л. Б. (2018). *Женщины и мужчины России: статистический сборник*. Федеральная служба государственной статистики (Росстат).
- Курилович, Н. В. (2019). Брачно-семейные установки студентов Белорусского государственного университета. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*, 2, 64–72. <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/1922>
- Лысова, А. В. (2013). Насилие в добрачных отношениях и гендерное равенство: результаты международного исследования. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*, 2, 111–118.

- Осипова, Н. Г., Елишев, С. О. (2022). *Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук*: монография. Москва: Перспектива.
- Сефтауи, Д. (2009). Принося безопасность домой: борьба с насилием в отношении женщин в регионе. *ОБСЕ. Сборник примеров хорошего опыта*. Вена: Gutenberg Press LTD.
- Ситников, В. Л., Стреленко, А. А., Енгальчев, В. Ф. (2021). Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно-психологических экспертиз в рамках семейного кодекса. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 2, 77–87.
- Сомкин, А. А., Данилова, О. А. (2018). Трансформация понятий «семья» и «брак» в современном российском обществе. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 2 (42), 205–219.
- Шестакова, Е. Г., Дорфман, Л. Я. (2009). Агрессивное поведение и агрессивность личности. *Образование и наука*, 7 (64), 51–66.
- Cutter-Wilson, E., & Richmond, T. (2011). Understanding Teen Dating Violence: Practical Screening and Intervention Strategies for Pediatric and Adolescent Healthcare Providers. *Current Opinion in Pediatrics*, 23 (4), 379–383. <https://doi.org/10.1097/MOP.0b013e32834875d5>
- Fox, C. L., Corr, M. L., Gadd, D., & Butler, I. (2013). Young teenagers' experiences of domestic abuse. *Journal of Youth Studies*, 17 (4), 510–526. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.780125>
- Furlong, A., Woodman, D., & Wyn, J. (2011). Changing times, changing perspectives: Reconciling 'transition' and 'cultural' perspectives on youth and young adulthood. *Journal of Sociology*, 47 (4), 355–370. <https://doi.org/10.1177/1440783311420787>
- Hellevik, P. (2017). Digital Intimate Partner Violence and Abuse Among Youth: A Systematic Review of Associated Factors. In S. Holt, C. Øverlien & J. Devaney (Eds.) *Responding to Domestic Violence - Emerging Challenges for Policy, Practice and Research in Europe* (pp. 192–214). Jessica Kingsley Publishers.
- Hellevik, P. (2019). Teenagers' Personal Accounts of Experiences with Digital Intimate Partner Violence and Abuse. *Computers in Human Behavior*, 92, 178–187. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.11.019>
- Hellevik, P., & Øverlien, C. (2016). Teenage intimate partner violence: Factors associated with victimization among Norwegian youths. *Scandinavian journal of public health*, 44 (7), 702–708. <https://doi.org/10.1177/1403494816657264>
- Korkmaz, S., Överlien, C., & Lagerlöf, H. (2020). Youth intimate partner violence: prevalence, characteristics, associated factors and arenas of violence. *Nordic Social Work Research*, 12 (4), 536–551. <https://doi.org/10.1080/2156857X.2020.1848908>
- Lysova, A. V., & Douglas, E. M. (2008). Intimate partner violence among male and female Russian university students. *Journal of Interpersonal Violence*, 23 (11), 1579–1599. <https://doi.org/10.1177/0886260508314320>
- Mitra, M., Mouradian, V. E., & McKenna, M. (2013). Dating violence and associated health risks among high school students with disabilities. *Maternal and child health journal*, 17 (6), 1088–1094. <https://doi.org/10.1007/s10995-012-1091-y>
- Zweig, J. M., Yahner, J., Dank, M., & Lachman, P. (2014). Can Johnson's Typology of Adult Partner Violence Apply to Teen Dating Violence? *Journal of Marriage and Family*, 76 (4), 808–825. <https://doi.org/10.1111/jomf.12121>

References

- Arakelyan, K. N. (2014). Opyt perezhitogo nasiliya i sklonnost' k viktimnomu povedeniyu podrostkov: gendernyj aspekt. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, 4 (12), 58–65.

- Berkovic, L. (2004). *Agressiya. Prichiny, posledstviya i kontrol'*. Saint Petersburg: Prajm-EVROZNAK.
- Burina, E. A., Kudinova, A. E. (2020). Osobennosti sovremennoj rossijskoj sem'i v usloviyah social'no-istoricheskikh izmenenij instituta roditel'stva. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 8 (1).
- Gerihanova, M. R. (2020). Otnoshenie sovremennoj molodezhi k sem'e i ee duhovnym cennostyam. V *Sem'ya XXI veka: problemy i perspektivy*: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 75-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne i 40-letiyu FGBOU VO «CHGPU» (Groznyj, 21 maya 2020 goda, str. 116–120). Groznyj: Chechenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Il'jasov, F. N. (2017). O sootnoshenii agressii i straha. *Social'nye issledovaniya*, 1, 62–69.
- Kozhuhar', G. S. (2014). Fenomenologiya raznyh form psihologicheskogo nasiliya v molodezhnoj srede: zarubezhnye issledovaniya. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 6 (2), 230–245. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060220>
- Kuz'micheva, L. B. (2018). *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii*: statisticheskij sbornik. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat).
- Kurilovich, N. V. (2019). Brachno-semejnye ustanovki studentov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya*, 2, 64–72. <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/1922>
- Lysova, A. V. (2013). Nasilie v dobrachnyh otnosheniyah i gendernoe ravenstvo: rezul'taty mezhdunarodnogo issledovaniya. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2, 111–118.
- Osipova, N. G., Elishev, S. O. (2022). *Molodyozh' v sisteme social'no-gumanitarnyh nauk*: monografiya. Moskow: Perspektiva.
- Seftau, D. (2009). Prinosa bezopasnost' domoj: bor'ba s nasiliem v otnoshenii zhenshchin v regione. *OBSE. Sbornik primerov horoshego opyta*. Vena: Gutenberg Press LTD.
- Sitnikov, V. L., Strelenko, A. A., Engalychev, V. F. (2021). Primenenie metodiki SOCH(I) pri provedenii sudebno-psihologicheskikh ekspertiz v ramkah semejnego kodeksa. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 2, 77–87.
- Somkin, A. A., Danilova, O. A. (2018). Transformaciya ponyatij «sem'ya» i «brak» v sovremennom rossijskom obshchestve. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*, 2 (42), 205–219.
- Shestakova, E. G., Dorfman, L. Ya. (2009). Agressivnoe povedenie i agressivnost' lichnosti. *Obrazovanie i nauka*, 7 (64), 51–66.
- Cutter-Wilson, E., & Richmond, T. (2011). Understanding Teen Dating Violence: Practical Screening and Intervention Strategies for Pediatric and Adolescent Healthcare Providers. *Current Opinion in Pediatrics*, 23 (4), 379–383. <https://doi.org/10.1097/MOP.0b013e32834875d5>
- Fox, C. L., Corr, M. L., Gadd, D., & Butler, I. (2013). Young teenagers' experiences of domestic abuse. *Journal of Youth Studies*, 17 (4), 510–526. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.780125>
- Furlong, A., Woodman, D., & Wyn, J. (2011). Changing times, changing perspectives: Reconciling 'transition' and 'cultural' perspectives on youth and young adulthood. *Journal of Sociology*, 47 (4), 355–370. <https://doi.org/10.1177/1440783311420787>
- Hellevik, P. (2017). Digital Intimate Partner Violence and Abuse Among Youth: A Systematic Review of Associated Factors. In S. Holt, C. Øverlien & J. Devaney (Eds.) *Responding to Domestic Violence - Emerging Challenges for Policy, Practice and Research in Europe* (pp. 192–214). Jessica Kingsley Publishers.
- Hellevik, P. (2019). Teenagers' Personal Accounts of Experiences with Digital Intimate Partner Violence and Abuse. *Computers in Human Behavior*, 92, 178–187. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.11.019>

- Hellevik, P., & Øverlien, C. (2016). Teenage intimate partner violence: Factors associated with victimization among Norwegian youths. *Scandinavian journal of public health*, 44 (7), 702–708. <https://doi.org/10.1177/1403494816657264>
- Korkmaz, S., Överlien, C., & Lagerlöf, H. (2020). Youth intimate partner violence: prevalence, characteristics, associated factors and arenas of violence. *Nordic Social Work Research*, 12 (4), 536–551. <https://doi.org/10.1080/2156857X.2020.1848908>
- Lysova, A. V., & Douglas, E. M. (2008). Intimate partner violence among male and female Russian university students. *Journal of Interpersonal Violence*, 23 (11), 1579–1599. <https://doi.org/10.1177/0886260508314320>
- Mitra, M., Mouradian, V. E., & McKenna, M. (2013). Dating violence and associated health risks among high school students with disabilities. *Maternal and child health journal*, 17 (6), 1088–1094. <https://doi.org/10.1007/s10995-012-1091-y>
- Zweig, J. M., Yahner, J., Dank, M., & Lachman, P. (2014). Can Johnson's Typology of Adult Partner Violence Apply to Teen Dating Violence? *Journal of Marriage and Family*, 76 (4), 808–825. <https://doi.org/10.1111/jomf.12121>

Информация об авторе

Ирина Сергеевна Сабитова – эксперт-психолог Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского.

About the author

Irina S. Sabitova – expert-psychologist at the Research Centre for Forensic Expertise and Criminalistics, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 21.07.2024

Одобрена после рецензирования 04.11.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted July 21, 2024

Approved after reviewing November 04, 2024

Accepted December 28, 2024

УДК 159.9:316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-516-543

Эмпирическая верификация опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудника полиции на транспорте»

Ольга Владимировна Меркушева

Управление на транспорте МВД России

по Северо-Западному федеральному округу (УТ МВД России по СЗФО)

(Санкт-Петербург, Россия)

olya-let@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9318-2848

Аннотация

Введение. Вопрос обеспечения безопасности граждан, в т. ч. на объектах транспортной инфраструктуры, приобретает все большую актуальность. Современные виды рисков и угроз, в частности, террористической направленности, требуют комплексного, системного подходов в вопросе защиты граждан, объектов транспортной инфраструктуры от актов незаконных вмешательств. Ввиду возрастания требований к компетенциям сотрудников полиции на транспорте, а также отсутствия на данный момент программ подготовки специалистов данного профиля, предпринимается попытка разработки атрибутивных технологий познания опасных явлений на объектах транспортной инфраструктуры, основанных на концепции многоуровневой трактовки стиля деятельности сотрудников. **Целью исследования** выступает разработка опросника для верификации модели атрибутивного стиля деятельности сотрудника полиции на транспорте как инвариантного свойства субъекта, определяющего качество овладения атрибутивными технологиями познания опасных явлений на объектах транспортной инфраструктуры и недопущения их перехода в акты незаконных вмешательств. **Методология, методы и методики.** Методологическим основанием разработки и апробации опросника выступают теории атрибуции, локуса контроля, когнитивного диссонанса, феномена установки (Г. Келли, Д. Н. Узнадзе и др.), категоризация восприятия и общения, феноменология лжи и искажения информации (Ю. М. Волынский-Басманов, М. И. Марьин, Д. Наварро, П. Экман), а также технология профайлинга. **Эмпирическое исследование** нацелено на валидизацию теоретической модели атрибутивного стиля деятельности сотрудника полиции на транспорте, разработку и верификацию опросника, направленного на определение и оценку стилевого предпочтения сотрудника по распознаванию опасных явлений и недопущению их перехода в акты незаконных вмешательств. **Методом сбора информации** выступает опросник «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте», структурно соответствующий теоретической модели атрибутивных стилей, включающей 50 вопросов, сгруппированных в десять шкал. **Метод обработки:** дескриптивная статистика, корреляционный, однофакторный дисперсионный, конфирматорный анализы. **Выборка исследования:** 207 человек, разделенных на подвыборки сотрудников, имеющих стаж службы до одного года и более, а также с распределением по критерию эффективности деятельности. **В результате** проведенного исследования структурирована теоретическая модель атрибутивных стилей

деятельности сотрудников полиции на транспорте, определено, что наилучшими структурными характеристиками обладает 10-факторная модель ($\chi^2 = 2025$, $df = 985$, $p < 0,001$, $RMSEA = 0,101$ ($RMSEA\ CI\ 90\ \% = 0,090-0,108$), $CFI = 0,57$, $TLI = 0,65$). Модель состоит из пяти блоков (социально-перцептивного, когнитивного, мотивационного, деятельностного, управленческого), включающих 10 шкал теоретической модели («Восприимчивость», «Эмоциональный отклик», «Коммуникация», «Контроль ситуации», «Оценка деятельности», «Бдительность», «Конкуренция», «Обмен информацией», «Обработка информации», «Готовность к действию»). **Научная новизна исследования** состоит в создании и апробации концепции атрибуции, а также соответствующего психологического инструментария для диагностики и оценки эффективности деятельности сотрудников полиции на транспорте по распознаванию опасных явлений и недопущению их перехода в акты незаконных вмешательств на основании личностных, атрибутивно-стилевых предпочтений. **Практическая значимость** исследования заключается в создании диагностического инструмента, позволяющего определять уровень овладения атрибутивным стилем деятельности и оценивать профессионализм сотрудника полиции на транспорте, надежность функционирования его профессиональной психики в ситуациях распознавания опасных явлений и недопущения их перехода в акты незаконных вмешательств.

Ключевые слова

атрибутивные технологии, атрибутивные стили, профессиональная деятельность, опасные явления

Для цитирования: Меркушева, О. В. (2024). Эмпирическая верификация опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудника полиции на транспорте». *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 516–543. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-516-543.

Original paper

Empirical verification of the questionnaire “Attributive styles of the activity of a transport police officer”

Olga V. Merkusheva

Department of Transport of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the North-West Federal District

(Saint Petersburg, Russia)

olya-let@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9318-2848

Abstract

Introduction. The issue of ensuring the safety of citizens, including at transport infrastructure facilities, is becoming increasingly important. Modern types of risks and threats, in particular, of terrorist character, require a comprehensive, systematic approach to the protection of citizens and transport infrastructure facilities from acts of illegal interference. Taking into account the increasing requirements to the competencies of transport police officers, as well as the current lack of training programmes for specialists of this profile, the author undertakes an attempt to develop attributive technologies of cognition of dangerous phenomena at transport infrastructure facilities, based on the concept of multi-level interpretation of the style of employees' activity. **The aim of the research** is to develop a questionnaire to verify the model of the attributive style of the activity of a transport

police officer as an invariant subject's characteristic that determines the quality of mastering the attributive technologies of cognition of dangerous phenomena at transport infrastructure facilities and preventing their escalation into acts of illegal interventions. **Methodology, methods and techniques.** The theories of attribution, locus of control, cognitive dissonance, attitude phenomenon (G. Kelly, D. N. Uznadze, etc.), categorisation of perception and communication, phenomenology of a lie and information distortion (Yu. M. Volynski-Basmanov, M. I. Maryin, D. Navarro, P. Ekman), as well as profiling technology are the methodological basis for the development and testing of the questionnaire. **The empirical analysis** is aimed at validating the theoretical model of the attributive style of the activity of a transport police officer, development and verification of the questionnaire focused on identifying and assessing the style preference of an employee in recognising dangerous phenomena and preventing their escalation into acts of illegal interference. **The method of data collection** is the questionnaire "Attributive styles of the activity of transport police officers", which structurally corresponds to the theoretical model of attributive styles, including 50 questions grouped into ten scales. **Method of processing:** descriptive statistics, correlation, one-factor variance, confirmatory analyses. **Study sample:** 207 participants divided into sub-samples of employees with up to one year of service and more, as well as with distribution according to the criterion of performance efficiency. **The research resulted** in the structuring of the theoretical model of attributive styles of the activity of transport police officers. It was determined that the 10-factor model has the best structural characteristics ($\chi^2=2025$, $df=985$, $p<0.001$, $RMSEA=0.101$ ($RMSEA-CI\ 90\% = 0.090-0.108$), $CFI=0.57$, $TLI=0.65$). The model consists of five blocks (socio-perceptual, cognitive, motivational, activity, managerial ones) including 10 scales of the theoretical model ("Susceptibility", "Emotional response", "Communication", "Situation control", "Activity evaluation", "Vigilance", "Competition", "Information exchange", "Information processing", "Readiness to act"). **Scientific novelty of the research** consists in the creation and approbation of the concept of attribution, as well as the relevant psychological tools for diagnostics and evaluation of the effectiveness of the activity of transport police officers in recognising dangerous phenomena and preventing their escalation into acts of illegal interference on the basis of personal, attribute-style preferences. **The practical significance of the research** lies in the creation of a diagnostic tool that makes it possible to determine the level of mastering the attributive style of professional activity and to assess the professionalism of a transport police officer, the reliability of the functioning of his professional psyche in situations of recognising dangerous phenomena and preventing their escalation into acts of illegal interference.

Keywords

attributive technologies, attributive styles, professional activity, dangerous phenomena

For citation: Merkusheva, O. V. (2024). Empirical verification of the questionnaire "Attributive styles of the activity of a transport police officer". *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 516–543. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-516-543.

Введение

Актуальность исследования. В современном мире вопрос обеспечения безопасности превращается в онтологически важную проблему. Более того, наблюдается устойчивая тенденция ее актуализации, особенно в контексте политических, социальных и военных изменений в мире, а также перманентного технологического развития. Обеспечение безопасности на транспортных объектах играет ключевую роль в защите граждан и обеспечении бесперебойной работы транспортной инфраструктуры. Необходимость учета всего спектра угроз и рисков, связанных с экстремистскими, террористическими, техногенными и другими видами

угроз требует комплексного подхода к вопросу обеспечения безопасности с использованием новых, отвечающих современным требованиям технологий.

Понимание психологических аспектов служебной деятельности сотрудников полиции на транспорте в условиях постоянных стрессогенных событий и усложнения функционирования является первостепенно важным. Междисциплинарный подход к изучению феноменов опасности и психологической безопасности в свою очередь дает возможность лучше понять и эффективно прогнозировать возникающие трудности. Такие аспекты, как развитие психологической поддержки сотрудников, предполагающей формирование эмоциональной устойчивости и механизмов принятия решений в стрессовых ситуациях, играют ключевую роль в обеспечении эффективности работы полиции на транспорте. Необходимо понимание того, что с возрастанием уровня сложности потенциально опасных ситуаций, которые могут возникнуть в рамках выполнения оперативно-служебной деятельности, растет и число обязанностей, возлагаемых на каждого сотрудника полиции. Именно поэтому так важно рассматривать сотрудника полиции как субъекта, способного не только адекватно реагировать на угрозы, но и предотвращать их, создавая безопасную среду деятельности. Вместе с тем столь высокие, по сути своей, системные требования к компетентностям сотрудников полиции на транспорте, отсутствие в настоящее время программ подготовки специалистов необходимого профессионально-личностного профиля, актуализируют задачу создания специальных технологий.

В структуре атрибутивных технологий познания опасных явлений в деятельности сотрудников полиции на транспорте в качестве инвариантного свойства эффективного функционирования субъекта выступает атрибутивный стиль деятельности. Именно этот стиль образует алертное (Шаранов, Кобозев, 2024) состояние субъекта, ориентированного на своевременное выявление опасных признаков и предотвращение угрожающих ситуаций на транспорте, а также защиту пассажиров и сотрудников смежных служб от потенциальных угроз. Такие технологии позволяют создать более безопасную среду для всех субъектов транспортной инфраструктуры и в целом повысить общий уровень надежности функционирования транспортной системы.

Целью исследования выступает эмпирическое обоснование конструкта атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте.

Значение конструкта состоит в создании теоретического и эмпирического основания для определения уникальных и инвариантных свойств, позволяющих сотрудникам эффективно действовать в разных ситуациях рабочей среды, быстро реагировать на смену условий, эффективно справляться с различными помехами и длительное время поддерживать высокую работоспособность.

Результатом исследования станет эмпирически верифицированный опросник, пригодный для оценки атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте по распознаванию опасных явлений и недопущению их перехода в акты незаконных вмешательств.

Задачи исследования состоят в концептуализации атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте, оценки надежности его воплощения в виде вопросника, анализ конструктивной валидности.

Теоретические предпосылки исследования лежат в области теорий атрибуции, локуса контроля, когнитивного диссонанса и феномена установки. Эти теории, первоначально направленные на понимание того, как люди приписывают обоснования своим действиям и поведению, обращаясь при этом к внешним и внутренним причинам (Роттер, 1954), определили впоследствии когнитивную сложность и многоуровневость организации данного процесса (Келли, 1984), а также необходимость учета возникающих в процессе восприятия искажений (когнитивный диссонанс, ошибки атрибуции, эффект ореола и др.), установочного поведения

(Узнадзе, 2004), в настоящее время представляют собой комплексы научных представлений о взаимодействии человека и мира.

Концепция атрибуции акцентирует внимание на процессе познания и оценки информации субъектом труда, а их применение позволяет рассмотреть роль различных его компонентов – объекта воздействия, средств и условий. Через призму исследования атрибуции субъекта трудовой деятельности становится понятным не только значение окружающей действительности, но и компонентов его внутреннего мира – знаний и умений, опыта и отношения. При этом, в отличие от иных подходов к описанию субъекта профессиональной деятельности, внешний и внутренний компоненты не разделяются, а интегрированы в виде готовности субъекта к осуществлению деятельности¹ (Шаранов, 1998).

Несмотря на достаточное распространение методологии атрибутивного подхода и атрибутивных теорий познания в изучении субъектов различных видов труда (педагогического – А. К. Маркова, А. Я. Никонова, юридического – А. М. Столяренко², В. Л. Васильев³, операторского – Е. А. Климов, В. С. Мерлин, профессиональных спортсменов – В. А. Толочек), деятельность специалистов профессий особого риска не получила достаточного описания. В частности, проблемы атрибутивных технологий познания опасных явлений в контексте прямой постановки вопроса не рассматривались, помимо этого, современная концепция теории безопасности и профайлинга не применяет в полной мере положений теории атрибуции⁴.

С учетом актуальности и значимости этого вопроса для совершенствования деятельности правоохранительных органов Российской Федерации полагаем целесообразным рассмотреть его, применяя объяснительные возможности теории атрибуции. Решение данного вопроса требует расширения и уточнения теории атрибуции применительно к восприятию опасности.

Известно, что механизм процесса атрибуции заключается в приписывании определенных признаков объекту с точки зрения его социальной безопасности (допустимости) либо потенциальной опасности. Но в связи с этим процессом неизбежно возникает вопрос о надежности механизма атрибуции признаков угрозы от воспринимаемых объектов и принятие юридически значимых решений в деятельности по охране общественной безопасности. В контексте деятельности полиции на транспорте мы искали ответы на этот вопрос.

Под атрибутивным стилем деятельности сотрудника полиции на транспорте нами понимается устойчивое интегративное образование, выражающее уровень субъектности и профессиональной направленности сотрудника, паттернов его поведения, целевых и ценностно-смысловых установок, а также профессионального опыта в рамках выполнения должностных обязанностей по распознаванию опасных явлений и недопущению возникновения актов незаконных вмешательств на объектах транспортной инфраструктуры.

В основе атрибутивного стиля деятельности сотрудника полиции на транспорте лежит понимание индивидуального стилевого своеобразия как неотъемлемого свойства, выражающего активность, направленность, нацеленность и эффективность его функционирования как субъекта. При этом нами учитывается совокупность личностных (темпераментальных), когнитивных (Холодная, 2001) и поведенческих (Климов, 1969; Мерлин, 2000) особенностей субъекта деятельности. Помимо этого, концепция атрибутивного стиля деятельности

¹ Деркач, А. А. (2003). *Акмеология: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии*. Издательство Питер.

² Столяренко, В. Л. (2001). *Прикладная юридическая педагогика: учебное пособие*. Юнити-Дана.

³ Васильев, В. Л. (2009). *Юридическая психология: учебник для вузов*. Издательство Питер.

⁴ Волынский-Басманов, Ю. М. (ред.) (2019). *Профайлинг. Технология предотвращения противоправных действий*: учебное пособие. Юнити-Дана.

строится на понимании комплексного характера возникновения угроз на объектах транспортной инфраструктуры, особенностях социально-перцептивного восприятия и построения образов этих угроз, а также способов реагирования на них сотрудниками экстремального профиля труда⁵ (Рожков, Аникеева, 2022; Ситников, 2024).

Таким образом, атрибутивный стиль деятельности сотрудников полиции на транспорте позволяет оценить уровень владения сотрудником атрибутивными технологиями познания опасных явлений и целесообразность их применения в практических ситуациях, включая способность предвидеть опасность, скорость принятия решений, целостность когнитивных образов и психологическую готовность к адекватным действиям. Эти соображения были положены в разработку модели атрибутивно-стилевого подхода и соответствующего опросника.

Разработка опросника «Атрибутивный стиль деятельности сотрудников полиции на транспорте» представляет большую ценность для поиска решений вопросов обеспечения безопасности на транспорте. Учет требований нормативно-правовой базы, опыта эффективного применения практических знаний сотрудников⁶ (Казберов, 2022), классификация опасных явлений помогают эффективно реагировать на возможные угрозы и предотвращать их. Большое значение приобретают умение анализировать ситуации, принимать решения и действовать быстро и адекватно (Крылова, Дикая, 2007; Захаревская, 2023). Данный подход впоследствии позволит существенно снизить риски и обеспечить безопасность как сотрудников, так и пассажиров.

Разработка концепции атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте в своей основе предполагает разделение совокупности профессиональных знаний, навыков, компетенций, а также индивидуально-личностных особенностей сотрудников на четыре функциональных блока и выделение управляющего блока как основы разрабатываемой концепции (Оверчук, 2022; Саукова-Сальникова, 2022). Учет социально-перцептивного, когнитивного, инструментально-деятельностного и мотивационного аспектов, а также аспектов управления, руководства и регулирования позволит эффективно организовать работу сотрудников на транспорте и обеспечить им поддержку оптимального рабочего состояния (Шаранов, Устюжанин, 2018) (рисунок 1).

Методы исследования. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ *Statistica 10.1* и *Jamovi 1.2.27*. Основными статистическими методами выступали анализ распределения значений, корреляционный анализ, однофакторный дисперсионный и конфирматорный факторный анализ.

Конструкт методики. Разрабатываемый опросник относится к виду стандартизированных самоотчетов и нацелен на изучение способности сотрудников органов внутренних дел оценивать готовность к действиям при обнаружении опасных объектов транспортной инфраструктуры.

Конструкция опросника основывалась на предположении об обусловленности атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте функционально связанными друг с другом компонентами – социально-перцептивными, когнитивными способностями, мотивацией служебной деятельности и способами ее организации, а также управленческим компонентом как маркером для определения готовности к управлению, руководству и регулированию (таблица 1).

Рассмотренные компоненты атрибутивного стиля взаимосвязаны – социально-перцептивные способности обуславливают восприятие ситуации, эмоциональный ответ на нее сотрудни-

⁵ Небылицын, В. Д. (1991). *Надежность работы оператора в сложной системе управления. Хрестоматия по инженерной психологии: учебное пособие*. Издательство «Высшая Школа».

⁶ Караяни, А. Г. (2020). *Психофизиология боевой деятельности: учебное пособие для курсантов*. Военный университет. EDN WMLKLN.

ком, потенциал для выстраивания коммуникации; когнитивный блок устанавливает уровень осведомленности, мыслительные способы принятия решений; мотивационный компонент побуждает к реагированию на опасность; деятельностный компонент определяет эффективность функционирования сотрудника, оценку своего профессионализма, а также готовность к действию в ситуации неопределенности; управленческий блок выступает сквозным, взаимосвязанным с вышеперечисленными.

С этой целью нами был разработан и эмпирически верифицирован опросник обозначенных выше блоков, определяющих интегративные атрибутивно-стилистические особенности выявления опасных явлений и недопущения их перехода в акты незаконных вмешательств.

Структура опросника. Первичный вариант опросника состоял из 84 утверждений, обобщенных в десять шкал. Постепенно объем входящих в состав опросника утверждений снизился до 50 наиболее значимых по морфологическому и семантическому признакам.

Для регистрации ответов использовалась шкала Лайкерта, состоящая из набора 5 дистракторов от «полностью несогласен» до «полностью согласен».

Проверка структурных характеристик опросника. Проверка психометрических характеристик опросника проводилась посредством тестирования и оценки нескольких параметров надежности и валидности.

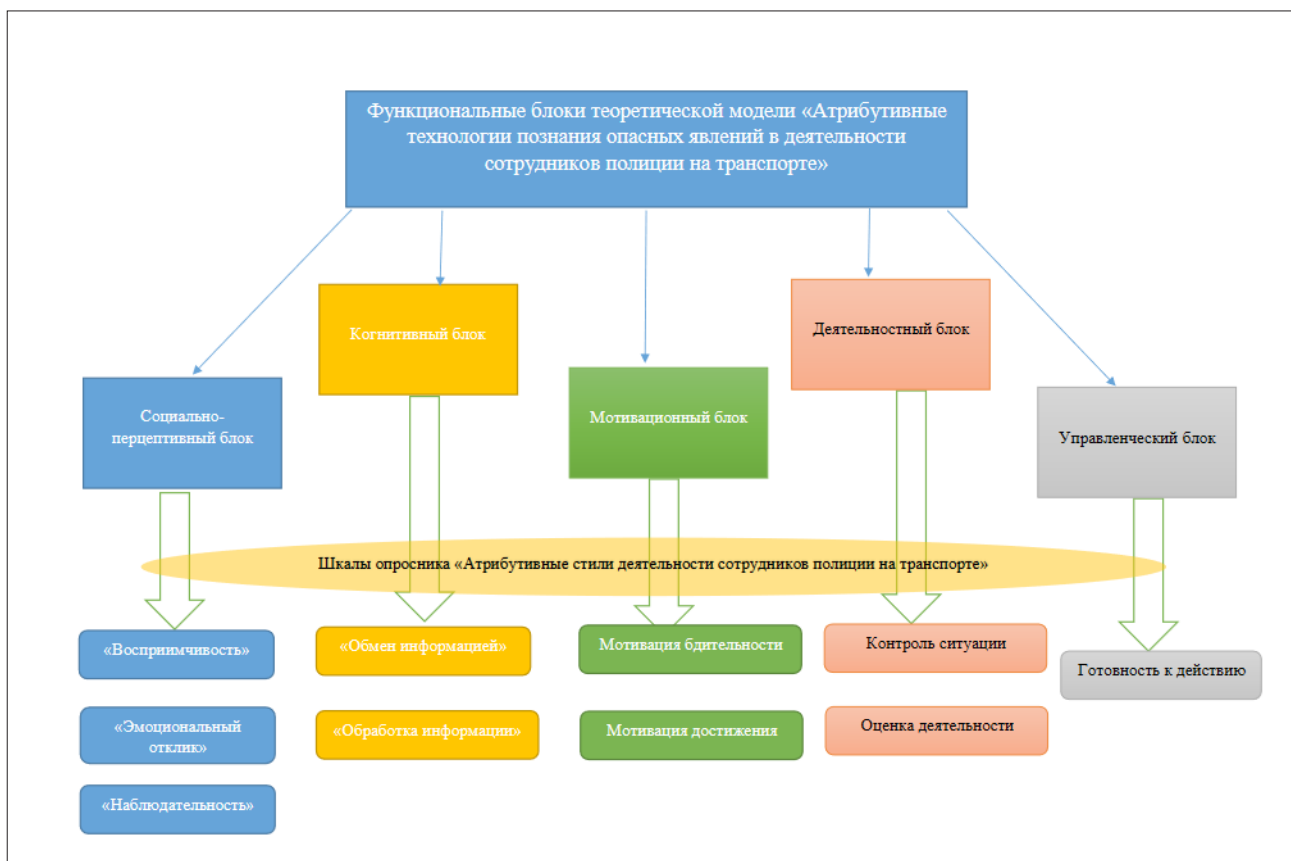

Рис.1. Теоретическая модель исследования атрибутивных стилей деятельности сотрудников полиции на транспорте

Fig.1 Theoretical model of research of attributive styles of the activity of transport police officers

Таблица 1. Структура опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте»

Table 1. Structure of the questionnaire “Attributive styles of the activity of transport police officers”

Блок опросника «Атрибутивный стиль деятельности сотрудника полиции на транспорте», количество вопросов	Смысловое содержание компонента в рамках атрибутивных технологий познания опасных явлений	Шкалы опросника	Описание шкал опросника
«Социально-перцептивный» 15 вопросов	Социально-перцептивные способности обеспечивают способность к восприятию сотрудника органа внутренних дел к неявным признакам опасности, атрибутируя их в контекстах события, предмета или действий людей.	1. Шкала «Восприимчивость»	В основе шкалы – представление о восприимчивости как необходимой компетентности специалиста в области оперативной диагностики.
		2. Шкала «Эмоциональный отклик»	Отражает уровень отзывчивости, степень готовности прийти на помощь. В основе шкалы заложены принципы диагностики эмоционального интеллекта методики Н. Холла [3]. В рамках разрабатываемой модели принципиально важно, что эмпатические способности в процессе общения выполняют функцию корректировки способов взаимодействия в сторону наиболее комфортных и наименее дистрессирующих.
		3. Шкала «Коммуникация»	В основе шкалы – показатель коммуникативной компетентности сотрудника, определяющий готовность к открытому взаимодействию и сотрудничеству. Шкала «Коммуникация», в основе которой показатель коммуникативной компетентности сотрудника, определяющий готовность к открытому взаимодействию и сотрудничеству.

Блок опросника «Атрибутивный стиль деятельности сотрудника полиции на транспорте», количество вопросов	Смысловое содержание компонента в рамках атрибутивных технологий познания опасных явлений	Шкалы опросника	Описание шкал опросника
Когнитивный блок	Когнитивные способности определяют способ анализа информации, ее интеллектуальную, образную, предметную составляющие.	4. Шкала «Обмен информацией»	Отражает потребность сотрудника владеть актуальной служебной, оперативной информацией, знать о происходящих событиях, возможных видах угроз на объектах транспорта.
		5. Шкала «Обработка информации»	Отражает особенности фиксации, запоминания, восприятия и удержания информации сотрудником.
Мотивационный блок 10 вопросов	Мотивационный компонент выполняет иницилирующую функцию, побуждая сотрудника проявлять повышенную активность тогда, когда предметы и поведение граждан, по его мнению, выступают угрозой общественной безопасности.	6. Шкала «Мотивация бдительности»	Направлена на определение уровня наблюдательности, насмотренности, включающей в себя способность концентрировать внимание на значимых признаках, склонность к самоконтролю поведения, рационализации своих действий, рефлексии, обдумыванию альтернатив. Наибольшую значимость перечисленные выше свойства приобретают в механизме принятия перспективных решений.
		7. Шкала «Мотивация достижения»	В основе шкалы – мотивация достижения успеха, требовательность, запрос на решение сложных, нестандартных задач, состоятельность.

Блок опросника «Атрибутивный стиль деятельности сотрудника полиции на транспорте», количество вопросов	Смысловое содержание компонента в рамках атрибутивных технологий познания опасных явлений	Шкалы опросника	Описание шкал опросника
Блок «Деятельностный» 10 вопросов	Определяет стилистические предпочтения в способе организации рабочего пространства, стратегии поведения, в том числе, в ситуации неопределенности, самооценку себя как профессионала.	8. Шкала «Контроль ситуации»	Определяет организацию сотрудником своего рабочего пространства, планирование деятельности, готовность к принятию решений в ситуации неопределенности.
		9. Шкала «Оценка деятельности»	Определяет оценку сотрудником себя как профессионала, а также исходя из внешней оценки, транслируемой коллегами, руководителями и гражданами.
Блок «Управленческий» 5 вопросов	Имплицитно представленная составляющая концепции АТПОЯ, в основе которой – понимание необходимости проявления личностной позиции, самостоятельности при принятии решений.	10. Шкала «Готовность к действию»	Характеризует способ реагирования сотрудника на возникающую ситуацию, в том числе экстремального характера, одновременно отражает его решимость, а также сознательное стремление нести персональную ответственность, что имплицитно характеризует его управленческий потенциал.

Надежность опросника изучалась по уровню согласованности ответов, а также по показателю связей между пунктами и их группами – шкалами. Согласованность проверялась с помощью критерия α -Кронбаха (Zinbarg et al., 2005). Результаты его применения показали высокий уровень согласованности ответов на вопросы десяти шкал, что можно объяснить высокой смысловой схожестью предложенных вопросов и утверждений внутри каждой шкалы.

Проверка связей между пунктами, а также связей пунктов со шкалами опросника проводилась с помощью расчета коэффициента корреляции по Пирсону. Все шкалы показали высокие корреляции между пунктами (таблица 2).

Конструктная валидность опросника. Для решения этой задачи проводился эксплораторный факторный анализ. На его основе был определен новый состав шкал, более приближен-

Таблица 2. Структурные характеристики опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте»

Table 2. Structural characteristics of the questionnaire “Attributive styles of the activity of transport police officers”

№ п/п	Шкала	Показатели распределения значений шкал	Показатели внутренней согласованности		
			Значения а-Кронбаха	Значения корреляции внутри шкал	Надежность по расщеплению
1	Восприимчивость	Ср. знач. = 19,6 SD = 4,2	0,79	0,51	Корр. частей = 0,73 Гутман G = 0,85
2	Эмоциональный отклик	Ср. знач. = 20,3 SD = 4,4	0,81	0,64	Корр. частей = 0,72 Гутман G = 0,86
3	Коммуникация	Ср. знач. = 20,4 SD = 4,03	0,82	0,53	Корр. частей = 0,89 Гутман G = 0,82
4	Обмен информацией	Ср. знач. = 20,1 SD = 8,17	0,81	0,62	Корр. частей = 0,89 Гутман G = 0,83
5	Обработка информации	Ср. знач. = 20,1 SD = 12,86	0,83	0,59	Корр. частей = 0,92 Гутман G = 0,83
6	Мотивация бдительности	Ср. знач. = 19,9 SD = 7,03	0,85	0,69	Корр. частей = 0,89 Гутман G = 0,87
7	Мотивация достижения	Ср. знач. = 20,2 SD = 12,07	0,83	0,61	Корр. частей = 0,91 Гутман G = 0,88
8	Контроль ситуации	Ср. знач. = 19,8 SD = 4,3	0,82	0,49	Корр. частей = 0,89 Гутман G = 0,88
9	Оценка деятельности	Ср. знач. = 19,2 SD = 9,64	0,89	0,52	Корр. частей = 0,88 Гутман G = 0,85
10	Готовность к действию	Ср. знач. = 19,6 SD = 11,6	0,83	0,64	Корр. частей = 0,90 Гутман G = 0,87

ный к внутренним отношениям между утверждениями, чем к теоретическим представлениям об их возможном распределении.

Факторный анализ проводился двумя методами извлечения факторов. Метод максимального правдоподобия (Maximum likelihood) использовался для изучения потенциально возможных субшкал, образованных связями между пунктами опросника (Бучнев, 2020). Метод минимизации остатков (Minimum residuals) использовался для конструирования структуры шкал, оптимально соответствующей наиболее сильным корреляционным связям между пунктами (Горяинова, Шалимова, 2015). Во всех видах факторизации использовался метод

«облимин». Необходимость его применения обусловлена отсутствием ясных представлений об отношениях между социально-перцептивными, мотивационными, деятельностными компонентами, а также стремлением выстроить модель опросника, максимально приближенную к позициям обследуемых.

Полученные факторные структуры сопоставлялись друг с другом на основе статистик факторной модели (таблица 3).

Таблица 3. Статистика моделей опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте»

Table 3. Statistics of the models of the questionnaire “Attributive styles of the activity of transport police officers”

Модель опросника	Параметры модели			Характеристики модели				
	χ^2	df	p	RMSEA	RMSEA CI 90 %		TLI	CFI
					Нижний	Верхний		
Скорректированная модель (10 компонентов)	2025	985	0,001	0,101	0,090	0,108	0,654	0,567

Примечание: в качестве основных характеристик выступили параметры: χ^2 – статистика максимального правдоподобия, df – определение числа степеней свободы; p – доля объектов в категориях; RMSEA – среднеквадратичная ошибка аппроксимации; CFI – сравнительный индекс соответствия, TLI – индекс Такера – Льюиса (первичные результаты расширенного варианта опросника, содержащего 84 вопроса: $\chi^2 = 2604$, df = 1130, p < 0,001, RMSEA = 0,800, CFI = 0,794, TLI = 0,776).

Таблица 4. Т-тест независимых переменных опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте» (мотивированные-немотивированные)

Table 4. T-test of independent variables of the questionnaire “Attributive styles of the activity of transport police officers” (motivated-unmotivated)

Шкалы опросника	U-крит.	p	Размер эффекта
1_Восприимчивость	1581	< .001	0.693
2_Эмоциональный_отклик	1951	< .001	0.621
3_Коммуникация	1898	< .001	0.632
4_Обмен_информацией	1857	< .001	0.640
5_Обработка_информации	1783	< .001	0.654
6_Мотивация бдительности	1675	< .001	0.675
7_Мотивация достижения	2137	< .001	0.585
4_Контроль_ситуации	1576	< .001	0.694
5_Оценка_деятельности	2177	< .001	0.577
10_Готовность_к_действию	2072	< .001	0.598

Примечание: U-крит. – U-критерий Манна – Уитни; p – доля объектов в категориях; размер эффекта – ранговая бисериальная корреляция.

В рамках исследования получены следующие результаты распределения значений выраженности атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте (рисунок 2):

Дискриминативная валидность опросника рассматривалась путем сравнения сотрудников, различающихся профессиональным опытом и уровнем мотивации (таблицы 4, 5, 6, рисунки 3-12). Результаты свидетельствуют о том, что опросник:

а) позволяет различать атрибутивный стиль сотрудников с различным уровнем опыта с учетом уровня их мотивации (U-критерий Манна-Уитни по шкалам «Восприимчивость» равен 4437, «Эмоциональный отклик» – 4391, «Коммуникация» – 4277, «Контроль ситуации» – 4471, «Оценка деятельности» – 4158, «Бдительность» – 4740, «Конкуренция» – 4763, «Обмен информацией» – 4296, «Обработка информации» – 4581, «Готовность к действию» – 4721);

б) позволяет различать атрибутивный стиль у сотрудников, имеющих высокий и низкий уровень мотивации профессиональной деятельности (U-критерий Манна-Уитни по шкалам «Восприимчивость» равен 1581, «Эмоциональный отклик» – 1951, «Коммуникация» – 1898, «Контроль ситуации» – 1576, «Оценка деятельности» – 2177, «Бдительность» – 1675, «Конкуренция» – 2137, «Обмен информацией» – 1857, «Обработка информации» – 1783, «Готовность к действию» – 2072).

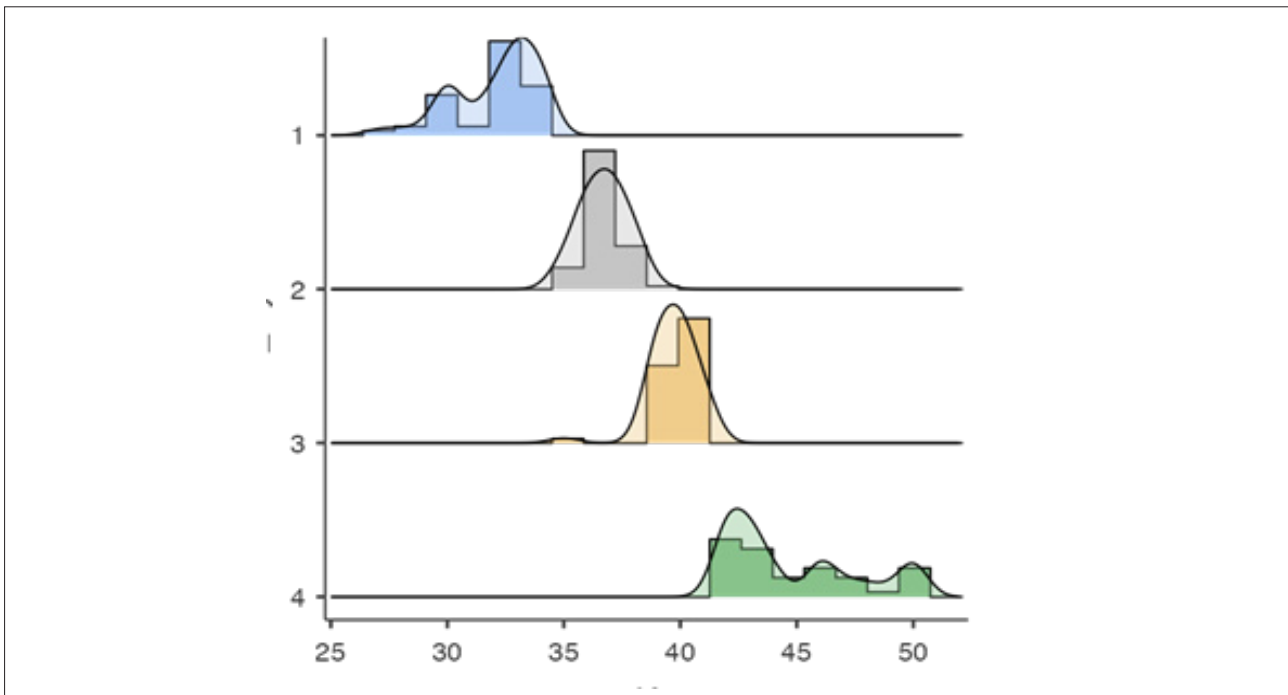

Рис. 2. Распределение значений показателя выраженности атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте

Fig. 2. Values distribution of the indicator of expression of attributive style of the activity of transport police officers

Примечание: по оси ординат представлены подгруппы выборки: 1 – мотивированные, 2 – немотивированные, 3 – со стажем менее 1 года, 4 – опытные. Столбцами отображены частоты значений, кривыми – плотность распределения.

Таблица 5. Т-тест независимых переменных опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте» (стаж службы до 1 года – более 1 года)

Table 5. T-test of independent variables of the questionnaire “Attributive styles of the activity of transport police officers” (up to 1 year of service – more than 1 year)

Шкалы опросника	U-крит.	p	Разм. эффекта
1_Восприимчивость	4437	0.083	0.1385
2_Эмоциональный_отклик	4391	0.066	0.1475
3_Коммуникация	4277	0.036	0.1696
8_Обмен информацией	4296	0.039	0.1658
9_Обработка информации	4581	0.168	0.1105
6_Мотивация бдительности	4740	0.321	0.0797
7_Мотивация достижения	4763	0.351	0.0751
4_Контроль_ситуации	4471	0.101	0.1319
5_Оценка_деятельности	4158	0.017	0.1926
10_Готовность_к_действию	4721	0.302	0.0833

Примечание: U-крит. - U-критерий Манна – Уитни; p- p – доля объектов в категориях; Разм. эффекта – ранговая бисериальная корреляция (размер эффекта).

Таблица 6. Проверка однородности дисперсий (тест Ливена) шкал опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте»

Table 6. Verification of homogeneity of variances (Lieven's test) of the scales of the questionnaire “Attributive styles of the activity of transport police officers”

Шкалы опросника	F	df	df2	p
1_Восприимчивость	10.1742	1	201	0.002
2_Эмоциональный_отклик	1.8780	1	201	0.172
3_Коммуникация	0.0514	1	201	0.821
8_Обмен информацией	2.8386	1	201	0.094
9_Обработка информации	0.4906	1	201	0.484
6_Мотивация бдительности	3.4022	1	201	0.067
7_Мотивация достижения	2.0614	1	201	0.153
4_Контроль_ситуации	4.1785	1	201	0.042
5_Оценка_деятельности	0.0102	1	201	0.920
10_Готовность_к_действию	0.1949	1	201	0.659

Примечание: F – критерий Фишера, df – определение числа степеней свободы; p – доля объектов в категориях.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование, направленное на эмпирическую проверку теоретической модели атрибутивного стиля деятельности сотрудника полиции на транспорте, показало, что теоретически обоснованные блоки (социально-перцептивный, когнитивный, мотивационный, деятельностный, управленческий) продемонстрировали внутреннюю согласованность входящих в них переменных (шкал). Все 10 шкал обладают высоким уровнем надежности как внутри переменных, так и между пунктами.

Структура шкал совпадает с теоретической моделью атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте, что развивает и расширяет содержание критериев и показателей описания феномена атрибуций в деятельности специалистов профессий риска. Выявлены и обоснованы интегративные параметры, необходимые для проведения психологического мониторинга эффективности функционирования и распознавания опасных явлений и недопущения их перехода в акты незаконных вмешательств (параметры: «Восприимчивость», «Эмоциональный отклик», «Коммуникация», «Обмен информацией», «Обработка информации» «Контроль ситуации», «Оценка деятельности», «Мотивация бдительности», «Конкуренция», «Готовность к действию»).

Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне взаимосвязи между шкалами опросника, что может выступать обоснованием представленной концепции пятиуровневой структуры индивидуального стиля, как «стиля жизни» (Абульханова-Славская, 1991), «стиля жизнедеятельности»⁷ и «стиля человека» (Либин, 1998). В основе индивидуального стиля – понимание взаимовлияния структурно-функциональных фреймов внутри иерархической структуры стилевой сферы личности, в которой происходит выделение основных паттернов стилевых особенностей в зависимости от специфики функционирования (Байдашева, 2012).

Результаты проверки опросника доказывают его способность дифференцировать сотрудников полиции на транспорте на «успешных» и «неуспешных» в контексте концепции атрибутивных стилей деятельности по критерию наличия и отсутствия необходимой мотивации, а также стажу службы. Полученные результаты находят свое подтверждение в работах ряда авторов, исследовавших причины формирования индивидуально-стилевого своеобразия субъекта деятельности. В частности, о психолого-педагогическом влиянии на формирование индивидуального стиля в ситуации неопределенности, где выбираются стратегии поиска решений либо причины для их избегания (Мерлин, 2000), а также в исследованиях копинг-стратегий стресс-преодолевающего поведения в зависимости от возрастных критериев, где, с одной стороны, у взрослых людей по сравнению с молодыми и лицами среднего возраста прослеживается тенденция к предпочтению проактивных стратегий, с другой, снижение их количества, ориентация на однообразные, проверенные опытом (Афанасьева, Гуриева, 2021).

Согласованность представленных утверждений позволяет использовать их для измерения параметров социальной перцепции, когнитивных способов переработки информации и реакций на существующие угрозы на объектах транспорта, мотивационной составляющей, побуждающей на проявление бдительности, а также достижение высоких профессиональных результатов, параметров профессиональной деятельности сотрудников полиции на транспорте, готовности к действию на основании самостоятельного принятия решений.

В результате проведенного эмпирического исследования было сокращено общее количество переменных (вопросов) с 84 до 50, что позволило определить наиболее полное, качественное, отвечающее требованиям заявленной теоретической модели опросника, содержание.

⁷ Коссов, Б. Б. (2020). *Психология личности (теория, диагностика и развитие)*: учебное пособие для высших учебных заведений. Академический Проект.

Структура шкал совпадает с теоретически разработанной версией выявленных параметров атрибутивного стиля деятельности, поскольку все представленные в итоговой версии опросника 50 вопросов отражают содержание заявленных шкал:

- проведенный эксплораторный факторный анализ подтвердил методологический замысел опросника и позволил выявить четкую структуру исследуемых психологических явлений;
- комфиматорный факторный анализ продемонстрировал внутреннюю взаимосвязь заявленных блоков опросника (социально-перцептивного, когнитивного, мотивационного, деятельностного, управленческого) посредством входящих в блоки шкал, а также подтвердил их относительную самостоятельность в зависимости от изменения выборки по количественным и качественным критериям.

Представленная на данном этапе исследования структура опросника позволяет предположить, что входящие переменные, взаимосвязанные между собой, интегрируются в единый атрибутивный стиль деятельности, успешность овладения которым может служить критерием для определения уровня профессионализма сотрудника полиции на транспорте и надежности его функционирования в рамках распознавания опасных явлений и недопущения их перехода в акты незаконных вмешательств.

Структура опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте» в целом устояла, теоретически обоснованные переменные (шкалы) нашли свое эмпирическое подтверждение.

В результате использованных в рамках эмпирического исследования методов математической обработки данных была скорректирована теоретическая модель в части оптимизации содержательной нагрузки входящих шкал (вместо ранее заявленных двух шкал «Оценка себя как специалиста», «Оценка моей деятельности окружающими» наиболее результативные, концептуально значимые вопросы объединены в шкалу «Оценка деятельности»).

Результаты дисперсионного анализа позволили дифференцировать сотрудников по критерию овладения атрибутивным стилем деятельности по распознаванию опасных явлений и недопущению их перехода в акты незаконных вмешательств исходя из их индивидуально-личностных особенностей.

Вместе с тем сравнительный анализ полученных результатов дисперсионного анализа по отдельно взятым субшкалам выявил существенные различия по критерию профессионального опыта, что позволяет выстроить дальнейшую работу по опроснику с позиции более качественной реализации прогностического характера инструмента.

Перспективными направлениями дальнейших исследований выступает доработка опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудника полиции на транспорте», который будет носить модульный характер, предполагающий возможность проведения экспресс-диагностики измерения отдельных блоков, отражающих содержание доминирующего индивидуального стиля деятельности сотрудника, позволяющего наиболее успешно справляться с оперативно-служебными задачами в рамках обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры.

Помимо этого, увеличение выборки сотрудников позволит создать краткую версию опросника, реализующего прогностическую функцию, направленную на выявление более профессионально подготовленных субъектов функционирования, а также тех, кто по своим индивидуально-личностным особенностям способен к наиболее успешному овладению атрибутивными технологиями познания опасных явлений.

Таким образом, проведенная эмпирическая оценка теоретической модели «Атрибутивный стиль деятельности сотрудников полиции на транспорте» продемонстрировала, что модель нашла свое математическое выражение, состоятельность модели подтверждается достаточно

хорошим весом корреляций, удовлетворительными показателями основных математических показателей. На данном этапе инструмент в достаточной степени валиден, надежен и способен выполнять диагностическую, прогностическую, контрольную функции. Тем не менее работа, направленная на дальнейшую разработку и усовершенствование модели опросника как инструмента экспресс-диагностики сотрудников для отслеживания динамики шкал, определяющих степень овладения и эффективного использования атрибутивных технологий, будет продолжаться.

Заключение

В статье описываются результаты анализа теоретической модели атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте, выполненной на выборке сотрудников с различным стажем службы и уровнем мотивации. Представляются эмпирические сведения об общей поддержке структуры итоговой модели опросника после уменьшения количества входящих вопросов, а также шкал.

Рассматриваются результаты разработки опросника, определены характеристики надежности и валидности по критерию внутренней и внешней согласованности.

Теоретическими перспективами выступают дальнейшее расширение представлений о роли атрибуции и индивидуально-стилевого подхода в деятельности специалистов экстремального профиля, а также выявление наиболее успешного атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции по распознаванию опасных явлений и недопущению их перехода в акты незаконных вмешательств и дополнительных стилей, выступающих основой для поддержания оптимального функционирования сотрудников полиции на транспорте.

Методологические перспективы дальнейших исследований лежат в области совершенствования опросника, имеющего модульный характер, в зависимости от индивидуально-личностной предрасположенности сотрудников к функционированию в рамках преобладающего атрибутивного стиля, поскольку в проведенном исследовании данного результата достигнуть не удалось.

Практической задачей дальнейшего совершенствования опросника выступает его доработка как инструмента экспресс-диагностики при решении вопросов о расстановке личного состава с учетом преобладающего атрибутивного стиля деятельности в рамках выполнения оперативно-служебных задач по защите объектов транспортной инфраструктуры от актов незаконных вмешательств.

Ограничения

Ограничения исследования обусловлены теоретическими и методологическими особенностями деятельностного, системного и субъектного подходов, применяемых нами в качестве методологического основания для изучения атрибутивного стиля деятельности сотрудников полиции на транспорте, выборкой исследования, включающей лиц молодого возраста (от 18 до 48 лет), преимущественно состоящих из мужчин, необходимостью дальнейшего изучения психометрических исследований валидности и надежности шкал опросника «Атрибутивный стиль деятельности сотрудников полиции на транспорте», отсутствием шкалы утверждений, оценивающих уровень социальной желательности, достоверности и искренности утверждений, а также корректности ответов респондентов. Применение результатов исследования (выводов, прилагаемой шкалы выраженности атрибутивного стиля деятельности) необходимо осуществлять с учетом имеющихся ограничений.

Список литературы

- Абульханова-Славская, К. А. (1991). *Стратегия жизни*: монография. Москва: Издательство Мысль.
- Афанасьева, Ю. А., Гуриева, С. Д. (2021). Взаимосвязь психологических особенностей с копинг-поведением людей пожилого возраста. *Международный научно-исследовательский журнал. Психологические науки*, 5 (107), 132–135. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.107.5.059>.
- Байдашева, Э. М. (2012). Понятие индивидуального стиля в психологии. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 2, 266–272.
- Бучнев, О. С. (2020). Применение метода максимального правдоподобия для поиска скрытых нелинейных зависимостей. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и Технические Науки*, 3, 89–94.
- Горяинова, Е. Р., Шалимова, Ю. А. (2015). Снижение размерности многомерных показателей с нелинейно зависимыми компонентами. *Бизнес-информатика*, 3 (33), 24–33.
- Захаревская, Е. А. (2023). Оценка влияния стрессовых реакций на функциональное состояние сотрудников ОВД. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 1, 33–38. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-33-38>
- Казберов, П. Н. (2022). Организация подготовки сотрудников ОВД к функционированию в экстремальных условиях с учетом состояния психологических характеристик их подготовленности. *Глобальный научный потенциал*, 12 (141), 107–109. EDN UVUOBB.
- Келли, Г. (1984). Процесс каузальной атрибуции. В *Современная зарубежная социальная психология* (стр. 127–137). Москва: Издательство МГУ.
- Климов, Е. А. (1969). *Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: к психологическим основам научной организации труда, учения, спорта*. Казань: Издательство Казанского университета.
- Крылова, Г. Ю., Дикая, Л. Г. (2007). Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации к стрессогенным условиям деятельности. В *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы*: коллективная монография (стр. 483–506). Москва: Институт психологии РАН. EDN TRAGHF.
- Либин, А. В. (1998). *Стиль человека: психологический анализ. Мир индивидуальности*. Москва: Смысл.
- Маркова, А. К., Никонова, А. Я. (1987). Психологические особенности индивидуального стиля деятельности учителя. *Вопросы психологии*, 5, 40–48.
- Мерлин, В. С. (2000). Индивидуальный стиль деятельности и его системообразующая функция. В Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов (ред.), *Психология индивидуальных различий: хрестоматия для вузов* (стр. 128–139). Москва: ЧеРо.
- Наварро, Д., Карлинс, М. (2010). *Я вижу, о чем вы думаете*. Москва: Попурри.
- Оверчук, Т. А. (2022). Сложности, связанные с интерпретацией понятия и основных направлений деятельности органов внутренних дел. *Молодой ученый*, 5 (400), 198–201.
- Рожков, А. А., Анисеева, Н. В. (2022). Психолого-педагогические условия противодействия информационно-психологическим угрозам в служебной деятельности. В *Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития*: материалы всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 14 декабря 2022 года, стр. 30–35). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Роттер, Дж. (1954). *Социальное обучение и клиническая психология*. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл.

- Саукова-Сальникова, Е. К. (2022). Систематизация особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 4, 101–104. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-101-104>
- Ситников, В. Л. (2024). Об актуальности исследования социально-перцептивных образов сотрудников полиции. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения (Васильевские чтения - 2024): материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2024 года, стр. 692–697)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Толочек, В. А. (2015). *Стили деятельности: ресурсный подход*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Узнадзе, Д. Н. (2004). *Общая психология*. Москва: Смысл.
- Холодная, М. А. (2001). *Психология интеллекта. Парадоксы исследования*. Санкт-Петербург: Питер.
- Шаранов, Ю. А. (1998). *Психология деятельности служебного коллектива органов внутренних дел (управленческо-развивающий подход): монография*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия МВД России.
- Шаранов, Ю. А., Иваницкий, А. Т. (2016). Устойчивость правоохранительной системы в условиях гибридных угроз. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (69), 218–225.
- Шаранов, Ю. А., Кобозев, И. Ю. (2024). Культура безопасности как alertное состояние сотрудника полиции. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 29 (2 (97)), 126–132. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-126-132>
- Шаранов, Ю. А., Меркушева, О. В., Кобозев, И. Ю., Злоказова, Ю. В. (2022). Операционализация атрибутивного стиля как инвариантного свойства атрибутивных технологий деятельности сотрудников полиции на транспорте. *Психология и право*, 12 (4), 96–109. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120408>
- Шаранов, Ю. А., Устюжанин, В. Н. (2018). Ситуации неопределенности и слабоструктурированные проблемы как системные атрибуты правоохранительной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (80), 223–229.
- Briggs, N. E., & MacCallum, R. C. (2003). Recovery of Weak Common Factors by Maximum Likelihood and Ordinary Least Squares Estimation. *Multivariate Behavioral Research*, 38 (1), 25–56. https://doi.org/10.1207/s15327906mbr3801_2
- Jones, E. E., & Davis, K. E. (1965). From acts to dispositions: the attribution process in person Perception. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. II, p. 219–266). New York: Academic Press (Duke University, Durham, NC).
- Hair, J. F., Black, W. C., Babin, B. J., & Anderson, R. E. (2019). *Multivariate data analysis (8th ed.)*. Boston: Cengage.
- Zinbarg, R. E., Revelle, W., Yovel, I., & Li, W. (2005). Cronbach's Alpha, Revelle's Beta, McDonald's Omega: Their relations with each and two alternative conceptualizations of reliability. *Psychometrika*, 70, 123–133.

References

- Abul'hanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni: monografiya*. Moskow: Izdatel'stvo Mysl'.
- Afanas'eva, Yu. A., Gurieva, S. D. (2021). Vzaimosvyaz' psihologicheskikh osobennostej s koping-povedeniem lyudej pozhilogo vozrasta. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Psihologicheskie nauki*. 5 (107). 132–135. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.107.5.059>.

- Bajdasheva, E. M. (2012). Ponyatie individual'nogo stilya v psihologii. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2, 266–272.
- Buchnev, O. S. (2020). Primenenie metoda maksimal'nogo pravdopodobiya dlya poiska skrytykh nelinejnykh zavisimostej. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Estestvennye i Tekhnicheskie Nauki*, 3, 89–94.
- Goryainova, E. R., Shalimova, Yu. A. (2015). Snizhenie razmernosti mnogomernykh pokazatelej s nelinejno zavisimymi komponentami. *Biznes-informatika*, 3 (33), 24–33.
- Zaharevskaya, E. A. (2023). Ocenka vliyaniya stressovykh reakcij na funkcional'noe sostoyanie sotrudnikov OVD. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 1, 33–38. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-33-38>
- Kazberov, P. N. (2022). Organizaciya podgotovki sotrudnikov OVD k funkcionirovaniyu v ekstremal'nykh usloviyakh s uchetom sostoyaniya psihologicheskikh harakteristik ih podgotovlenosti. *Global'nyj nauchnyj potencial*, 12 (141), 107–109. EDN UVUOBB.
- Kelli, G. (1984). Process kauzal'noj atribucii. V *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psihologiya* (str. 127–137). Moskow: Izdatel'stvo MGU.
- Klimov, E. A. (1969). *Individual'nyj stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svojstv nervnoj sistemy: k psihologicheskim osnovam nauchnoj organizacii truda, ucheniya, sporta*. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Krylova, G. Yu., Dikaya, L. G. (2007). Social'no-psihologicheskie aspekty professional'noj adaptacii k stressogennym usloviyam deyatel'nosti. V *Psihologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy*: kollektivnaya monografiya (str. 483–506). Moskow: Institut psihologii RAN. EDN TRAGHF.
- Libin, A. V. (1998). *Stil' cheloveka: psihologicheskij analiz*. Mir individual'nosti. Moskow: Smysl.
- Markova, A. K., Nikonova, A. Ya. (1987). Psihologicheskie osobennosti individual'nogo stilya deyatel'nosti uchitelya. *Voprosy psihologii*, 5, 40–48.
- Merlin, V. S. (2000). Individual'nyj stil' deyatel'nosti i ego sistemoobrazuyushchaya funkciya. V Yu. B. Gippenrejter, V. Ya. Romanov (red.), *Psihologiya individual'nykh razlichij: hrestomatiya dlya vuzov* (str. 128–139). Moskow: CheRo.
- Navarro, D., Karlins, M. (2010). *Ya vizhu, o chem vy dumaete*. Moskow: Popurri.
- Overchuk, T. A. (2022). Slozhnosti, svyazannye s interpretaciej ponyatiya i osnovnykh napravlenij deyatel'nosti organov vnutrennih del. *Molodoj uchenyj*, 5 (400), 198–201.
- Rozhkov, A. A., Anikeeva, N. V. (2022). Psihologo-pedagogicheskie usloviya protivodejstviya informacionno-psihologicheskim ugrozam v sluzhebnoj deyatel'nosti. V *Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del: sovremennye podhody i perspektivy razvitiya: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 14 dekabrya 2022 goda, str. 30–35). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Rotter, Dzh. (1954). *Social'noe obuchenie i klinicheskaya psihologiya*. Englvud-Kliffs, N'yu-Dzhersi: Prentis-Holl.
- Saukova-Sal'nikova, E. K. (2022). Sistematizaciya osobennostej professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov OVD. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 4, 101–104. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-101-104>
- Sitnikov, V. L. (2024). Ob aktual'nosti issledovaniya social'no-perceptivnykh obrazov sotrudnikov policii. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii i tekhnologii resheniya (Vasil'evskie chteniya - 2024): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 26–27 aprelya 2024 goda, str. 692–697). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Tolochek, V. A. (2015). *Ctili deyatel'nosti: resursnyj podhod*. Moskow: Izd-vo «Institut psihologii RAN».

- Uznadze, D. N. (2004). *Obshchaya psihologiya*. Moscow: Smysl.
- Holodnaya, M. A. (2001). *Psihologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya*. Saint Petersburg: Piter.
- Sharanov, Yu. A. (1998). *Psihologiya deyatel'nosti sluzhebного коллектива organov vnutrennih del (upravlenchesko-razvivayushchij podhod): monografiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii.
- Sharanov, Yu. A., Ivanickij, A. T. (2016). Ustojchivost' pravooхранitel'noj sistemy v usloviyah gibridnyh ugroz. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (69), 218–225.
- Sharanov, Yu. A., Kobozev, I. Yu. (2024). Kul'tura bezopasnosti kak alertnoe sostoyanie sotrudnika policii. *Psihopedagogika v pravooхранitel'nyh organah*, 29 (2 (97)), 126–132. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-126-132>
- Sharanov, Yu. A., Merkusheva, O. V., Kobozev, I. Yu., Zlokazova, Yu. V. (2022). Operacionalizaciya atributivного stilya kak invariantного svojstva atributivnyh tekhnologij deyatel'nosti sotrudnikov policii na transporte. *Psihologiya i pravo*, 12 (4), 96–109. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120408>
- Sharanov, Yu. A., Ustyuzhanin, V. N. (2018). Situacii neopredelyonnosti i slabostrukturirovannye problemy kak sistemnye atributy pravooхранitel'noj deyatel'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (80), 223–229.
- Briggs, N. E., & MacCallum, R. C. (2003). Recovery of Weak Common Factors by Maximum Likelihood and Ordinary Least Squares Estimation. *Multivariate Behavioral Research*, 38 (1), 25–56. https://doi.org/10.1207/s15327906mbr3801_2
- Jones, E. E., & Davis, K. E. (1965). From acts to dispositions: the attribution process in person Perception. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. II, p. 219–266). New York: Academic Press (Duke University, Durham, NC).
- Hair, J. F., Black, W. C., Babin, B. J., & Anderson, R. E. (2019). *Multivariate data analysis (8th ed.)*. Boston: Cengage.
- Zinbarg, R. E., Revelle, W., Yovel, I., & Li, W. (2005). Cronbach's Alpha, Revelle's Beta, McDonald's Omega: Their relations with each and two alternative conceptualizations of reliability. *Psychometrika*, 70, 123–133.

Информация об авторе

Ольга Владимировна Меркушева – начальник отделения организации психологической работы управления по работе с личным составом Управления на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу (УТ МВД России по СЗФО).

About the author

Olga V. Merkusheva – Head of the Psychological Work Organisation Department of the Personnel Management Department of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the North-West Federal District.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 26.10.2024

Одобрена после рецензирования 29.11.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted October 26, 2024

Approved after reviewing November 29, 2024

Accepted December 28, 2024

Описание:

Текст опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте»

1. Мне удастся понимать текущее эмоциональное состояние собеседника.
2. Если во время службы я наблюдаю растерянных пассажиров, стараюсь помочь им.
3. Моя рабочая смена обычно проходит согласно отработанному плану.
4. Находясь на службе, я более внимателен и собран, чем во время отдыха.
5. Перед заступлением на смену стараюсь получить максимум информации об угрозах безопасности.
6. Мне достаточно нескольких мгновений, чтобы оценить состояние собеседника.
7. Хороший сотрудник должен чувствовать эмоции пассажиров.
8. Я способен быстро включиться в обсуждение разных вопросов.
9. Мною выработан алгоритм профессиональных действий для решения вводных от руководства.
10. На работе говорят, что со мной надежно и безопасно.
11. Новая оперативная информация резко повышает мою бдительность.
12. У меня получается быстро распознать эмоции окружающих людей.
13. В общении мне легко считать чувства моих собеседников.
14. Мне свойственно обращать внимание на изменение в поведении человека.
15. Нестандартные ситуации на службе преодолеваются мною за счет грамотных действий.
16. Во время патрулирования я сразу реагирую на подозрительных лиц.
17. Мне нравится решать сложные задачи, возникающие во время дежурства.
18. Запоминаю информацию, которая может помочь мне во время рабочего дня (смены, дежурства).
19. Мое восприятие ситуации не притупляется за время дежурства.
20. Важным в работе с людьми является отзывчивость.
21. Я люблю делиться опытом с коллегами.
22. Мне свойственно продумывать действия относительно разных ситуаций во время дежурства.
23. Окружающие отмечают соответствие моих способностей выбранной профессии.
24. Часто во внерабочее время я обращаю внимание на бесхозные объекты в транспорте.
25. Сигналы из дежурной части обескураживают меня*.
26. Для меня просто определить настроение незнакомого человека.
27. В нашей работе важно быть доброжелательным.
28. Я считаюсь открытым, общительным человеком.
29. Мне говорят, что я специалист в своем деле.
30. Во время службы стремлюсь владеть точными и полными сведениями о происходящем.
31. В конце смены мое внимание не рассеивается.
32. Информация об инциденте во время дежурства тревожит меня*.
33. Я уверен, что умение общаться с гражданами присуще отличному сотруднику.
34. Мне нравится, когда рабочая смена соответствует моему плану.
35. Служебные проблемы воспринимаются мною в качестве возможности доказать свой профессионализм.
36. Я стремлюсь быть информированным о возможных видах опасных явлений на объектах транспорта.
37. Сигнал о происшествии мобилизует меня.
38. Умение общаться с гражданами в нашей профессии – признак мастерства.
39. Считаю, что несение службы на объектах транспортной инфраструктуры требует дополнительной ответственности.
40. Я стараюсь регулярно проводить проверку документов и ручной клади пассажиров с учетом новых вводных.
41. В конце смены моя сосредоточенность не снижается.

42. Для меня важно быть готовым к возможным происшествиям во время дежурства.
43. Мне не раз говорили, что я хорошо знаю свою работу.
44. Чрезвычайная ситуация во время дежурства для меня вызов моему профессионализму.
45. Коллеги знают, что мне удастся решить сложные задачи.
46. Мне нравится работать над достижением высоких показателей по службе.
47. Мои интеллектуальные способности не снижаются к концу смены.
48. В любой служебной ситуации у меня преобладает надежда на благоприятный исход.
49. В конце смены мне легко удается воспринимать новую информацию.
50. Мне нравится находить решения в сложных и нестандартных служебных ситуациях.

Ключ

Шкала регистрации ответов: 1 балл – абсолютно не согласен, 2 балла – не согласен, 3 балла – затрудняюсь ответить, 4 балла – согласен, 5 баллов – абсолютно согласен.

Интерпретация ответов: ответы на утверждения, входящие в шкалы, суммируются. Баллы по вопросам 25 и 32 считаются в обратном порядке.

1. Шкала «Восприимчивость»: утверждения 1, 6, 12, 14, 26.
2. Шкала «Эмоциональный отклик»: утверждения 2, 7, 13, 20, 27.
3. Шкала «Коммуникация»: утверждения 8, 21, 28, 33, 38.
8. Шкала «Обмен информацией»: утверждения 5, 18, 30, 36, 40.
9. Шкала «Обработка информации»: утверждения 19, 31, 41, 47, 49.
6. Шкала «Мотивация бдительности»: утверждения 11, 16, 22, 24, 39.
7. Шкала «Мотивация достижения»: утверждения 17, 35, 46, 48, 50.
4. Шкала «Контроль ситуации»: утверждения 3, 4, 9, 15, 34.
5. Шкала «Оценка деятельности»: утверждения 10, 23, 29, 43, 45.
10. Шкала «Готовность к действию»: утверждения 25*, 32*, 37, 42, 44.

Таблица 7. Распределение значений показателей шкал опросника «Атрибутивные стили деятельности сотрудников полиции на транспорте»

Table 7. Distribution of values of indicators of the scales of the questionnaire “Attributive styles of the activity of transport police officers”

Шкалы опросника	Распределение значений показателей		Диапазоны значений показателей			
	Ср. значение	Ст. отклонение	Мин. – 25 %	26 % – 50 %	51 % – 75 %	76 % – макс.
Восприимчивость	21	3,28	5-11	12-17	18-21	22 и выше
Эмоциональный отклик	21,4	3,03	16-20	17-21	20-23	17-25
Коммуникация	21,1	3,03	15-20	18-21-	17-21	17-25
Обмен информацией	20,4	3,06	16-20	18-20	19-22	14-25
Обработка информации	20,8	2,86	15-20	17-20	19-22	14-25
Мотивация бдительности	21,1	2,95	15-20	18-21	19-22	16-25
Мотивация достижения	19,1	2,94	16-20	18-20	16-20	18-20
Контроль ситуации	20,9	3,13	15-20	17-21	20-22	15-25
Оценка деятельности	20,7	2,87	16-20	18-20	19-22	17-25
Готовность к действию	20,1	2,33	15-20	17-20	19-20	14-25

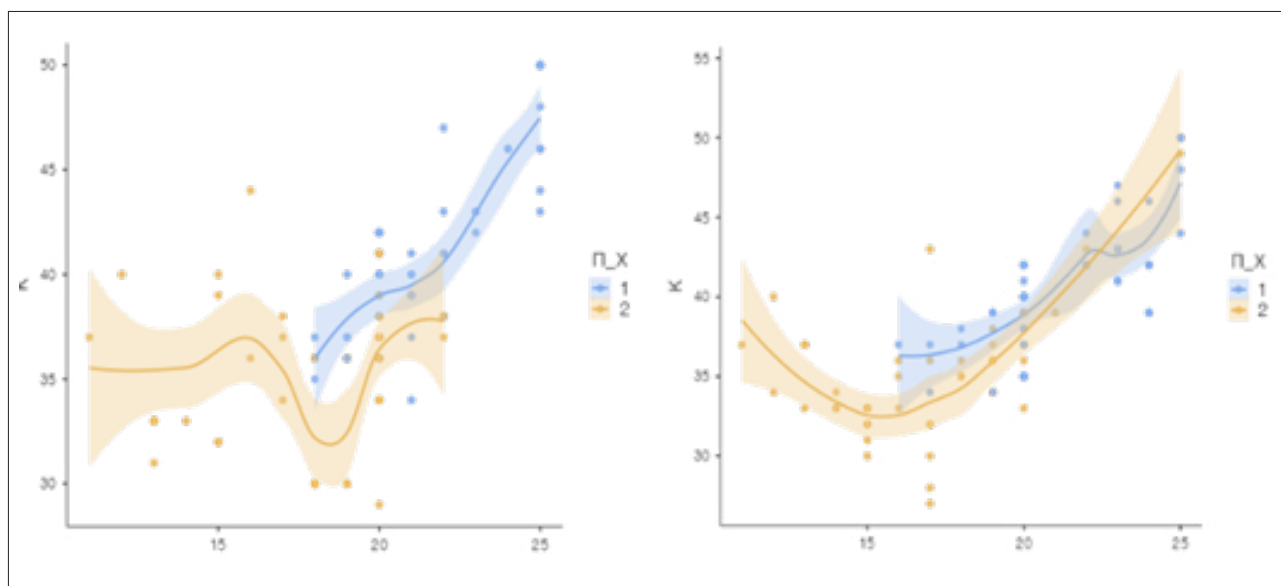

Рис. 3. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Восприимчивость» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 3. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Susceptibility” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

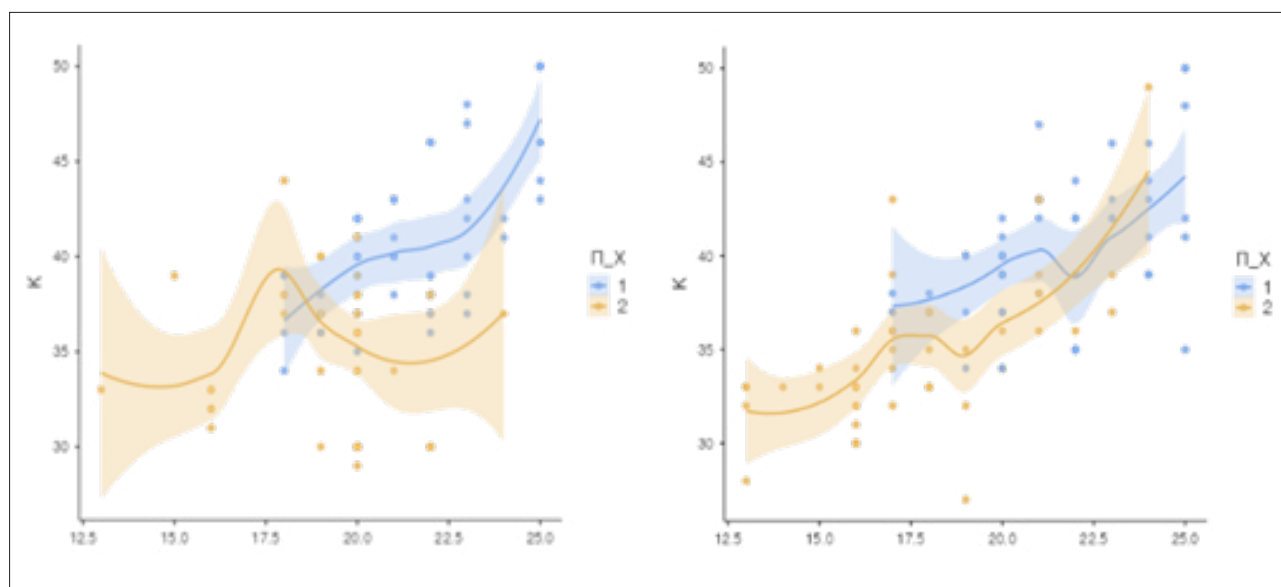

Рис. 4. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Эмоциональный отклик» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 4. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Emotional response” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

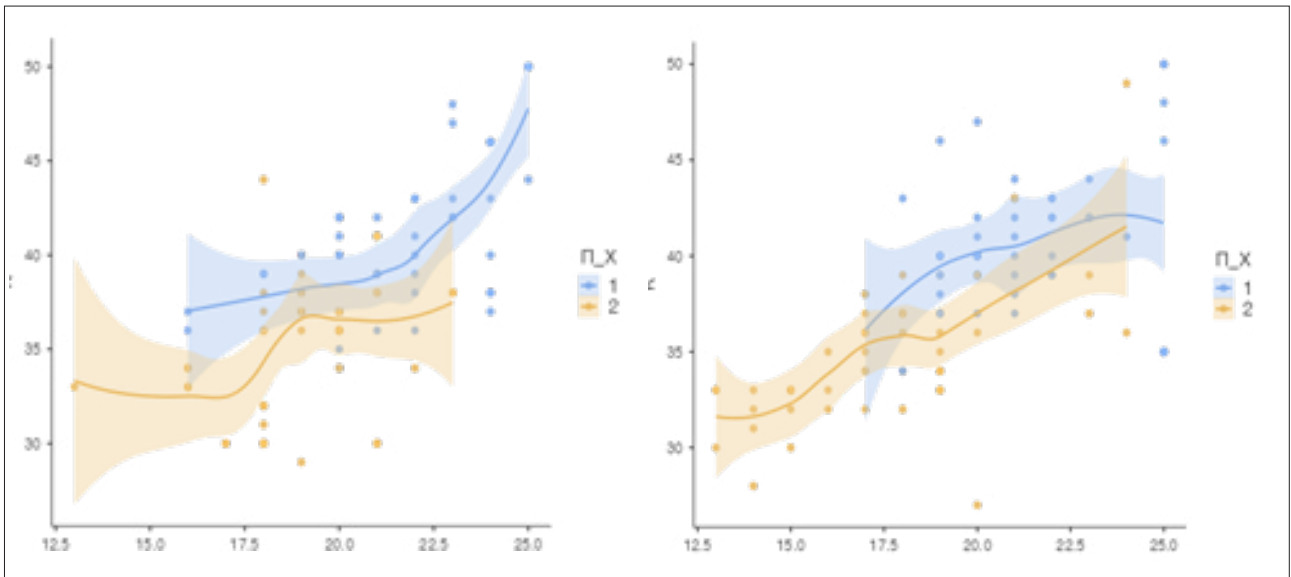

Рис. 5. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Коммуникация» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 5. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Communication” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

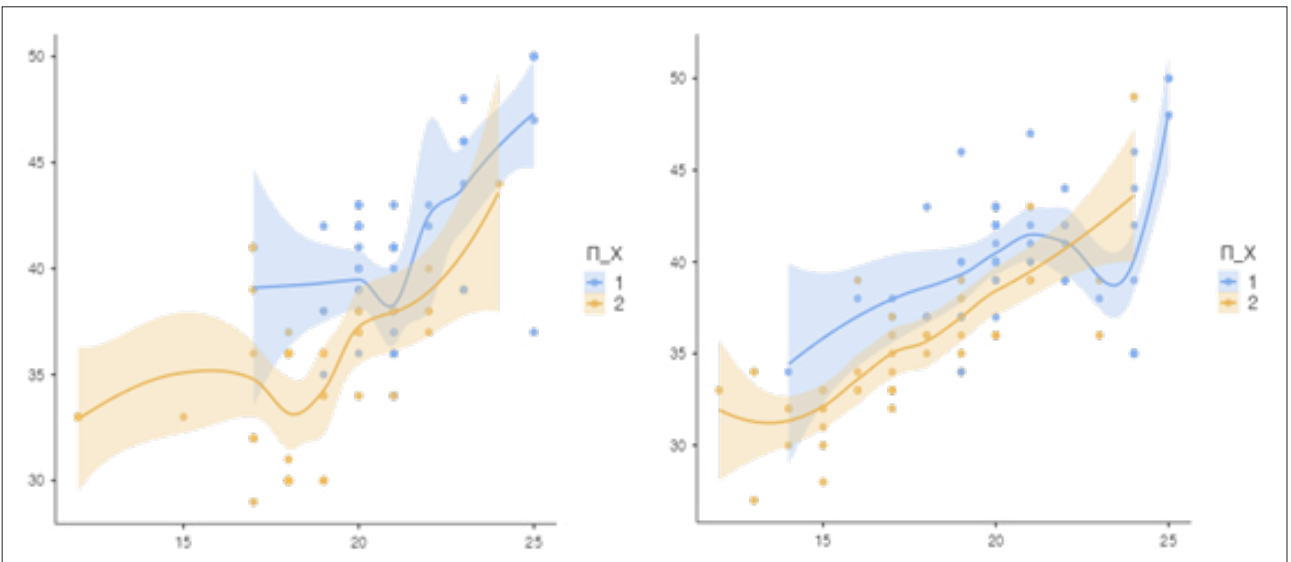

Рис. 6. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Обмен информацией» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 6. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Information exchange” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

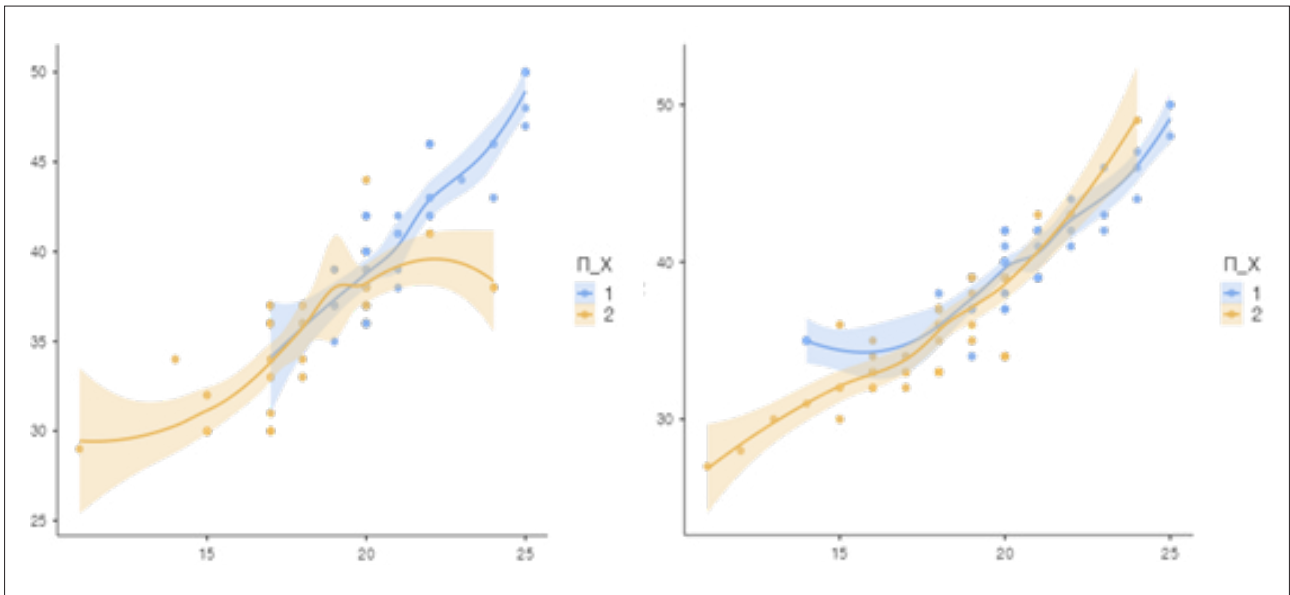

Рис. 7. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Обработка информации» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 7. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Information processing” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

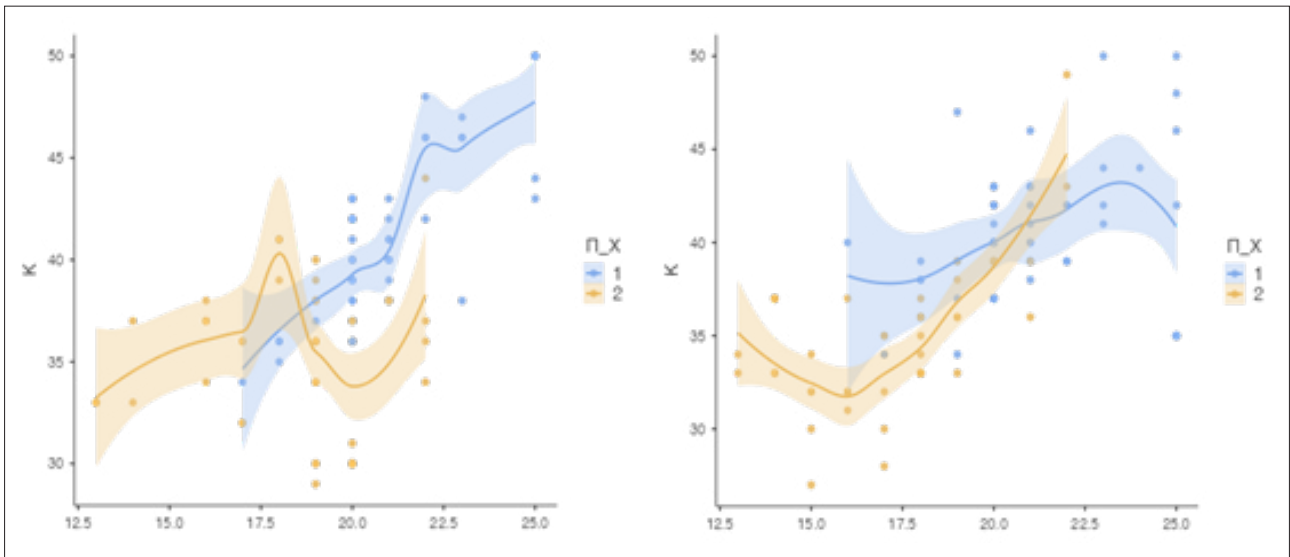

Рис. 8. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Бдительность» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 8. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Vigilance” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

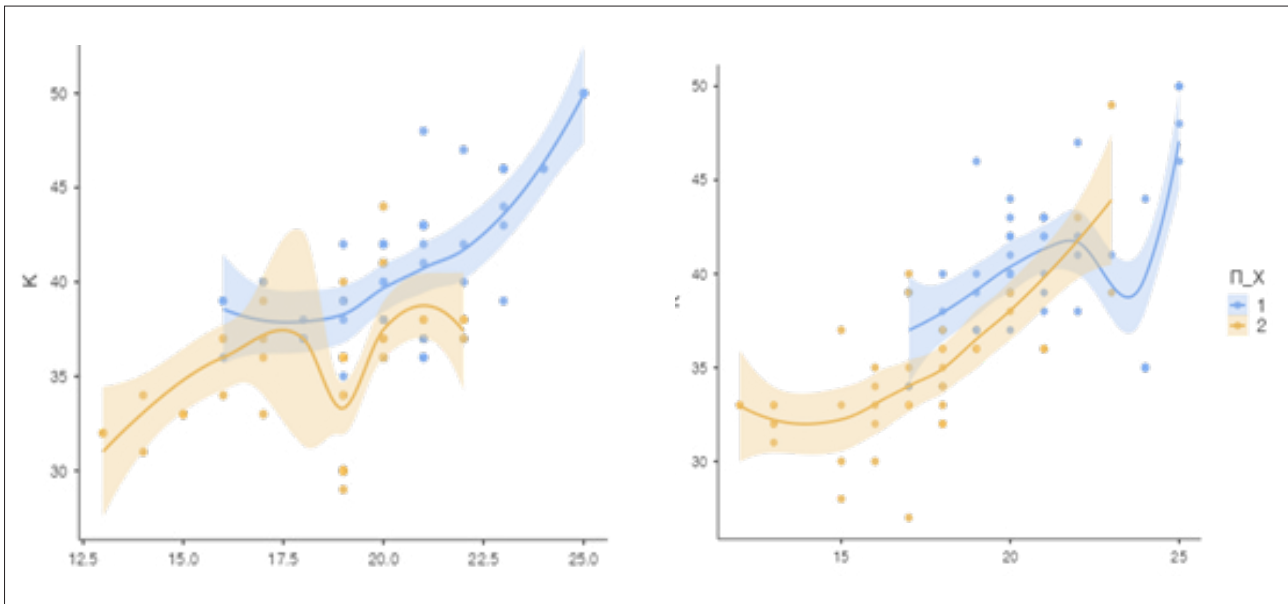

Рис. 9. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Конкуренция» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 9. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Competition” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

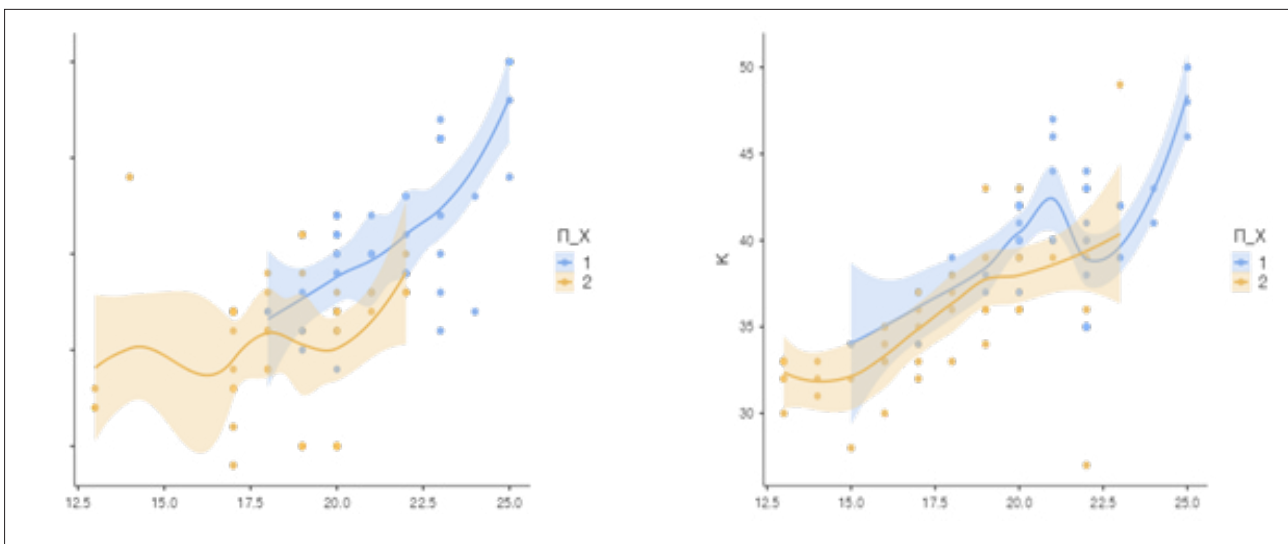

Рис. 10. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Контроль ситуации» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 10. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Situation control” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

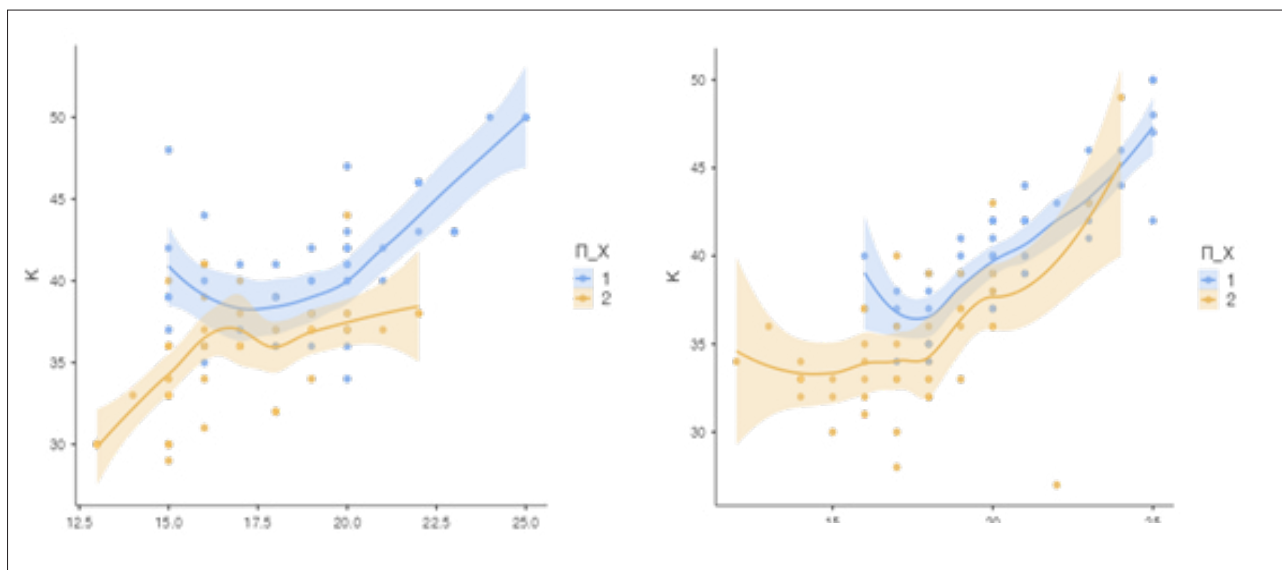

Рис. 11. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Оценка деятельности» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 11. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Activity evaluation” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

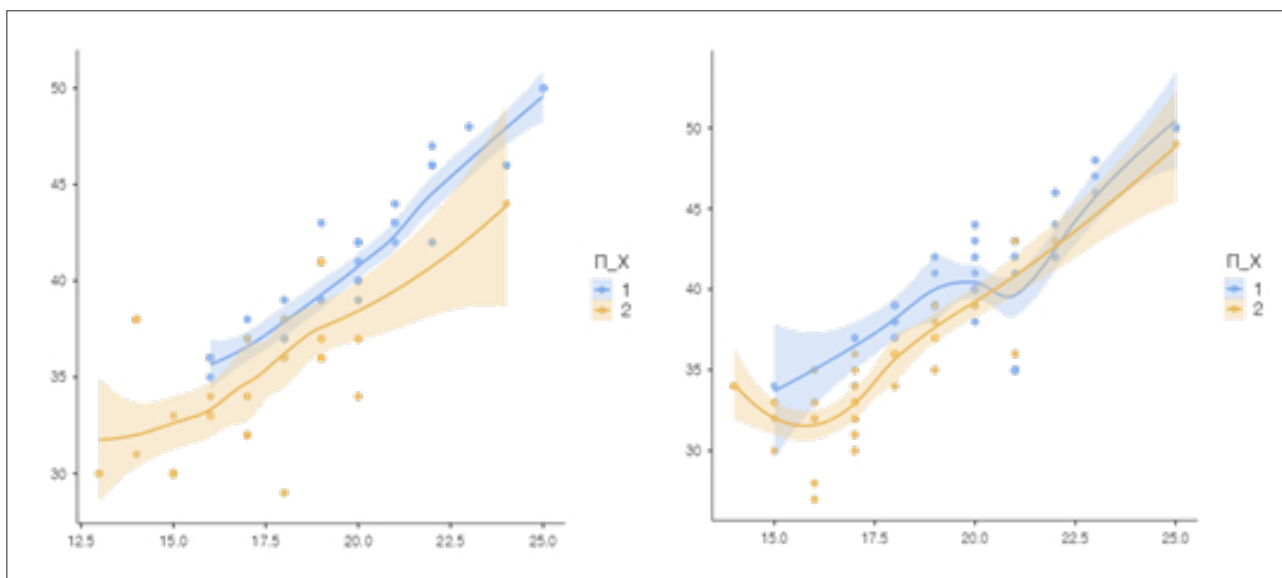

Рис. 12. Сравнение мотивированных и демотивированных сотрудников по шкале «Готовность к действию» (график 1 – сотрудники со стажем службы до 1 года, график 2 – сотрудники со стажем более 1 года)

Fig. 12. Comparison of motivated and demotivated employees according to the scale “Readiness to act” (Graph 1 - employees with up to 1 year of service, Graph 2 - employees with more than 1 year of service)

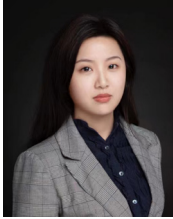

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-544-556

Application of legal psychology in risk prevention mechanism of digital society

Zhang Boge Shanghai Police College
(Shanghai, China)

Abstract

The study of legal psychology can actively promote the legal adjustments of traditional social relationships, which is already reflected in the current legislation in China. Provisions regarding the mental health of citizens can be found in various written laws and legal articles. For example, the Criminal Law clearly distinguishes the criminal responsibility of mentally ill patients, while the Administrative Penalty Law has special provisions regarding the cognitive status of intellectually disabled individuals. In terms of judicial practice, in response to the increase in juvenile delinquency issues in recent years, the Supreme People's Court and the Supreme People's Procuratorate have issued multiple judicial interpretations to provide case guidance. In the rapidly developing era of informatization, facing the emergence of a digital society such as the "metaverse", it is crucial to exploit the future research emphasis of legal psychology.

Keywords

legal psychology, social psychology, sociology

For citation: Zhang Boge (2024). Application of legal psychology in risk prevention mechanism of digital society. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 544–556. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-544–556.

Роль юридической психологии в механизме предупреждения рисков, связанных с развитием цифрового общества

Богэ ЧжанШанхайское высшее училище полиции Министерства общественной безопасности
Китайской Народной Республики
(Шанхай, Китай)

Аннотация

Развитие юридической психологии способствует корректировке традиционных общественных отношений и находит отражение в законодательстве Китайской Народной Республики. Положения, учитывающие психическое состояние и здоровье граждан, можно найти

в различных нормативных правовых актах и законах. Например, в Уголовном кодексе Китая представлена уголовная ответственность психически больных лиц, а в законе об административных наказаниях есть специальные положения, касающиеся когнитивного статуса умственно отсталых лиц. Что касается судебной практики, то в связи с ростом количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура разрабатывают методические рекомендации, регулирующие данный аспект работы. В стремительно развивающуюся эпоху информатизации, перед лицом возникновения цифрового общества, крайне важно использовать исследовательские возможности юридической психологии для познания и регулирования цифровой «метавселенной».

Ключевые слова

психология цифрового пространства, юридическая психология, юридическая социология

Для цитирования: Боге Чжан (2024). Роль юридической психологии в механизме предупреждения рисков, связанных с развитием цифрового общества. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 544–556. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-544–556.

For a long time, psychology has been a discipline in China with high scientific costs and low social effectiveness. Legal psychology, as an interdisciplinary field of law and psychology, applies general psychological principles to study various psychological activities related to legal behavior and their patterns. From a specific application perspective, the main tasks of legal psychology can be roughly summarized as follows: through the exploration and research of the psychological activities of criminal subjects and law enforcement personnel in law enforcement practice, clarify the subjective and objective factors that lead to illegal behavior; seek to educate and reform offenders according to the objective laws of psychological change; reduce or eliminate social psychological factors and individual personality traits that contribute to criminal behavior, thus promoting the establishment of the rule of law and accelerating the process of legal socialization. The first stage of the development of legal psychology was closely linked to criminal law, and its study began with research on criminal psychology. Criminal psychology originated from the research of the Italian psychiatrist Lombroso. In the late 19th century, Russian scholars delved into the analysis of criminal behavior by applying the early results of clinical psychology in the field of law. Most of the focus was on studying juvenile offenders or studying the subjective factors of criminals such as personality and attitudes, gradually forming some legal psychological ideas. During the Soviet era, the formation of legal consciousness and key factors in the study of criminal behavior, such as responsibility, intent, negligence, complicity, and other definitions with a psychological background, all required the development of legal psychology.

The development of new productivity in modern society has brought about a series of new propositions, such as the psychology of legislative activities (the design of new laws, improving the efficiency of existing legislation), the formation of legal culture psychology, citizen litigation psychology, jury trial psychology, criminal re-socialization and rehabilitation psychology, legal extremism psychology serving in local conflict areas, psychology support for fighting terrorism, psychology semantics of legal conflict studies, the formation of social perspectives on the activities of legal agencies and their images, and the issue of professional burnout, etc. Therefore, we must see that legal psychology and criminal psychology should have a general and individual relationship, the former needing to generalize psychological laws concerning legal activities at a higher level to guide research in all branches of knowledge, including criminal psychology.

1. Evolution of Digital Society and Endogenous Risk

Digital society is a social form composed of both virtual and real elements, which is different from traditional society and not the same as cyberspace. In a digital society, the virtual and real societies

intertwine but also have distinctions. The operation of the virtual society relies on electronic devices such as mobile phones and computers, with its institutions, rules, algorithms, and ethics closely linked to the real society, yet different in terms of interaction methods and operational logic. The binary nature of digital society gives it uniqueness, and we can understand its basic structure through a binary analysis framework of virtuality and reality, which includes three typical types: pure virtual society (such as virtual worlds in games and movies), pure real society (everyday activities in the physical society), and digital society combining virtual and real elements (including forms of fusion like augmented reality, immersive experiences, and role-playing).

China's digital society began in the 1990s with the birth of the information Internet, especially after full access to the international Internet in 1994, ushering in the era of digital information. Initially driven by research institutions, the construction of Internet infrastructure laid the foundation for the WEB1.0 society or information society. The digitization of social interaction has become a notable feature of the digital society, with the number of Internet users surpassing 100 million in 2005. The rise of social networking sites marked a shift in the role of Internet users and the expansion of social relationships on digital platforms. With the advent of a social media-driven WEB 2.0 society, the human digitization process has accelerated. In 2019, the commercialization of 5G technology and the outbreak of the new crown epidemic further promoted digital transformation, with rapid development in areas such as the Internet of Things, digital economy, and digital governance. The digitization process of public services and life scenes has been accelerated, creating a new type of digital life characterized by smart sharing. In the future, the concept of the metaverse heralds further development of the digital society, utilizing cutting-edge technology to create a virtual world that interacts with the real world, showcasing the digital living space of a new social system. The metaverse is seen as a new evolution of Internet technology, a new sign of human existence, and an advanced form of digital existence. It represents the virtualization and digitization process of the real society, as well as the emergence of a new social ecology based on the digital environment. The metaverse is not only the embodiment of an intelligent society, but also a super-intelligent society where virtuality and reality intertwine and merge, possibly aligning with "Society 5.0" or other more advanced social models.

From the perspective of material distribution in the digital society, driven by digital technology and artificial intelligence, material production has become more efficient through data optimization, encoding, and integration. At the same time, social wealth is increasingly concentrated in the hands of individuals who have data power. This concentration leads to the exclusion of individuals who fail to control data, resulting in a new type of economic marginalization risk. With the infiltration of capital into digital life, the wisdom and creativity of workers are becoming more standardized, lacking diversity. Compared to the poverty issues directly caused by mechanized production in the industrial era, the digital age's digital displays and games have surpassed traditional functional boundaries, making the concept of poverty increasingly unclear. However, it can be affirmed that those who cannot control data will mostly fall into the trap of becoming "data collectors" or "abandoned individuals", thus falling into a new form of poverty. At the same time, a minority of people who possess a large amount of crucial data have become the "digital elites" dominating society, wielding immense power and influence. In short, the digital society is a complex social form. Its development is changing the way we live and work, providing unprecedented convenience and opportunities, but also bringing new challenges and issues.

2. Major Legal Risks of Digital Society

The development of information technology aims to better satisfy people's yearning for a better life and promote human freedom and liberation to a greater extent. However, digital society is a highly developed digital society, in which everything is monitored, human beings are like "streaking" in front

of cameras, and people's privacy is at risk of being digitized indefinitely. Therefore, it is generally believed that the greatest risk to digital society is the risk of loss of individual privacy. China formally implemented the Law of the People's Republic of China on Personal Information Protection on November 1, 2021, which plays an important role in effectively protecting the rights and interests of personal information. However, in the digital era, the breadth, strength, and validity of personal information protection still face severe challenges.

However, we should also note that in the process of building a digital society, interpersonal relationships, transaction relationships, production patterns and consumption patterns have undergone fundamental changes from the physical world to the digital world. In interpersonal relations, almost everyone in the world can communicate widely through digital media. Digital interpersonal relations are both "sparse" and "far", which has an invisible impact on many social movements and social ideas. In terms of transaction relations, market transaction relations, service transaction relations, product transaction relations, labor transaction relations and currency transaction relations have undergone unprecedented changes due to digitalization. Digital transaction relations are very "convenient", but full of "uncertainty"; In production mode, intelligent production equipment and automation of production process, digital production mode change is both "efficient" and "accurate", but digital production mode accelerates the evolution speed and "de-socialization" degree of human beings; In terms of consumption patterns, digital consumption platforms, digital logistics platforms, digital promotion platforms and digital after-sales platforms have created more imaginative ways and forms for human product consumption and service consumption, but they have also created some kind of "trap" for human beings. Therefore, the digital society era needs to re-examine the methodology and risk concept of the digital world. These over-emphasize the digital characteristics of digital society, while ignoring the social attributes of digital society, which easily makes people feel lonely, thus causing depression, apathy, depression, loss, and other mental health problems. Therefore, in the construction of digital society, we should strengthen the technology and scene design in group interaction and social interaction.

Accompanying this, the digital society may see a large number of robots present, and the interaction between humans and robots will become more frequent. In this interactive process, humans may slowly start to see themselves as robots through their interactions with robots, and even classify some humans as being inferior to robots. Over time, this could lead to some humans alienating themselves to become robotic-like individuals, gradually losing their humanity. Therefore, in the process of governing the digital society, particular attention must be paid to the changes in human nature.

i. The new network-based crime poses a significant threat to minors.

With the accelerated development of social digitalization, the widespread application of information technology has profoundly changed people's ways of life, while also creating new evolving spaces for traditional crimes. Particularly in the realm of sexual offenses, the internet has become a new tool and platform for criminals. The prevalence of the internet and the rise of social media make it easier for sexual offenders to contact potential victims, while the anonymity of the internet and big data technology provide opportunities for concealing and evading sexual crimes. The anonymity provided by networks like the dark web has created a hidden platform for sexual crimes, making it more difficult for law enforcement to combat. The development of artificial intelligence technology has also provided new tools for the application of technologies such as virtual reality and augmented reality in the pornography industry. Traditional sexual crimes such as sexual assault and harassment have now spread to the virtual world, leading to an increase in online sexual crime cases. For example, the dissemination of pornographic materials, cyber harassment, and even sexual assault using deep fake technology are not only difficult to track but also cause immense psychological harm to the victims.

In the face of these new forms of sexual crimes, society and individuals need to strengthen publicity and education, strengthen legal and law enforcement efforts. At the same time, technology companies and internet platforms should also take on the responsibility of supervision and filtering, together dealing with and combating these issues, protecting the safety of society and the rights of individuals.

Recently one intermediate People's Court ruled on a case of child molestation using the internet. The defendant, Mr. Shu, actively befriended multiple underage victims aged 7 to 14 on online platforms with the aim of seeking sexual stimulation in four years. He used the internet to entice, coerce, and manipulate these victims into sending him intimate photos and videos of their naked body parts, bathing, and masturbating for his viewing pleasure. He then proceeded to share and distribute these materials on the internet or with others. Such acts of molestation, when carried out through the internet, often exhibit a level of gravity, duration, number of victims, and harmful consequences that surpass traditional offline acts of molestation. Due to the covert and persistent nature of online sexual harassment, often accompanied by seductive behavior, the perpetrator frequently uses deception, coercion and other means to demand the victim's private photos and videos, leading the victim to be dominated and coerced for a long period of time. This can easily result in severe psychological issues such as low self-esteem, self-disgust, and social withdrawal, causing great harm to the physical and mental health of minors. At the same time, it instills fear in the victim and their guardians of the potential dissemination of private photos and videos, keeping them in a state of perpetual anxiety.

Such criminals use online platforms to disseminate pornographic and obscene information, polluting the social atmosphere and harming the physical and mental health of minors. Some criminals also contact minors online by pretending to be nearby friends, concealing their age and occupation, getting close to minors through online chatting, sending red packets, etc., taking advantage of minors' innocence to entice them to send naked photos or engage in nude chats or even arranging to meet in person to exploit opportunities to harm minors. Recently, there has been a rise in "naked loans" crimes targeting minors and college students, severely infringing on the rights of minors. Therefore, with the digital transformation of society, in terms of social governance methods, we must strengthen cyber security education, improve relevant laws and regulations, enhance network monitoring and crime investigation capabilities, in order to protect the network security and privacy rights of citizens, and prevent sexual crimes from generating new threats in the digital age. In terms of legal education for individual citizens, we should be adept at using the scientific tool of legal psychology, utilize big data analysis to study the behavioral patterns of some digital netizens, predict whether they are potential sexual offenders, and establish an early warning system.

ii. The Societal Hazards of Telecom Network Fraud

Telecom network fraud, as a type of non-contact, intelligent, and highly networked new crime, has become a prevalent and serious form of criminal activity in China. Compared to traditional crimes, telecom network fraud exhibits more intelligence, swiftness, non-contact nature, as well as characteristics of cross-regional and cross-national scope. Since the enactment of the Anti-Telecom Fraud Network Security Law in 2022, China has maintained a strict and high-pressure stance against cybercrime. In 2022, the national procuratorial organs prosecuted a total of 31,000 people involved in telecom and internet fraud crimes. From April 2021 to July 2022, the national public security organs successfully cracked 594,000 cases of telecom and internet fraud. In order to decisively curb the high incidence of telecom and internet fraud crimes, the Ministry of Public Security continues to deploy special operations, organize regional battles and group campaigns, and harshly crack down on criminal gangs involved in providing illegal services such as promoting and directing overseas fraud groups, money laundering through transfers, technical development, and organizing illegal border crossings. 79,000 criminal suspects have been arrested, including 263 masterminds and key figures behind the

scenes of fraud groups. As of January 9, 2024, according to statistics, national public security agencies across the country have successfully cracked down on a total of 437,000 cases of telecommunications network fraud in 2023. With the strong cooperation from all sides in Myanmar, a total of 41,000 suspected criminals involved in telecommunications network fraud were handed over to our side in 2023¹.

Typical online fraud schemes include:

1. Impersonation fraud. Criminals deceive others by impersonating leaders, friends, organizations, etc., for example, pretending to be a leader's secretary or staff to promote books, commemorative coins, etc., or pretending to be friends to ask for help in emergencies, and using instant messaging tools to steal account passwords and then impersonate the account owner for fraud.

2. Shopping fraud. Fraud is carried out through false discount information, customer service refunds, fake online stores, etc., including fake customer purchases, refund fraud, online shopping fraud, low-price shopping fraud, and installment payment fraud release fraud, etc.

3. Incentive fraud. Using tempting winning information, rewards, high salaries, etc. to lure users into fraud.

4. Online gaming and trading platform fraud. Including pretending to be a game friend borrowing money, online game equipment and game currency trading fraud, and using social platforms for fraud.

5. Brushing fraud. Suspects of the crime recruit personnel for online part-time brushing through promoting part-time job advertisements, and then refuse to refund for various reasons and blacklist them.

6. Credit card and loan fraud by proxy. By publishing phishing websites for credit card applications, loans, and other scams, illegal access to citizens' personal information is obtained, followed by impersonating bank employees or loan company staff to contact victims, in order to carry out scams under the guise of paying fees, annual interest rates, deposits, etc.

7. Network dating fraud leading to gambling and investment scams. By posing as single users on marriage and dating websites, trust is built through a period of communication before establishing a relationship with victims, leading them into gambling or investment scams. Taking the scam method known as "kill fish plate" as an example, it involves specific tactics: firstly, false information such as increasing credit card limits, cashing out Huabei, and applying for low-interest loans without collateral are published, attracting victims through pre-designed false links on the internet, and then deceiving victims into transferring money with various reasons such as unfreezing fees or benefits; secondly, using online shopping platforms to publish second-hand goods information to attract victims, and then gaining their trust to trick them into clicking on false links to place orders.

All telecommunications network fraud activities are characterized as group crimes with clear and detailed division of labor among the criminals. In planning the entire criminal operation, meticulous arrangements are made for each stage of the crime, including the existence of training scripts. Through these training scripts, victims are subjected to scenario induction, brainwashing reconstruction, and resistance elimination in order to establish psychological control. The training scripts serve as a tool for fraud groups to control the minds of the victims and elicit desired reactions. They penetrate the patterns of reactions in victims at various stages of psychological control, for example, by providing certain stimuli to the victims to elicit specific responses. Based on the understanding of the correspondence between the stimulus and response of the victim, fraudsters pre-set the plot of the scam, arrange fictional characters, and drive the situation switch to control the reduction or excessive input of scam

---

¹ Ministry of Public Security, People's Republic of China. *Combat and Control of Telecommunications and Internet Criminal Activities – Key News Focus* [EB/OL] (Accessed April 15, 2024). <https://www.mps.gov.cn/n2255079/n4876594/n5104076/n5104077/index.html>

information to "brainwash" the victim, "inducing" the victim to actively fall into the scam trap, and eventually make the transfer. As the rhetoric system understands and exploits the "frame-first" in the model of human psychological reactions, the victim unknowingly accepts rhetorical induction and indirect suggestions, completing deceitful transfer "tasks" according to the instructions of the fraudsters.

iii. The dilemma of platform liability for infringement in digital monopolies

With the integration of digital technology into various fields, infringement behaviors have become more concealed, and the decrease in infringement costs has led to the rampant proliferation of piracy and infringement activities. Digital infringement has characteristics such as virtuality, multiplicity of subjects, indirectness, and synchronicity in time and space, making the causal relationship between infringement behavior and its consequences complex, posing a challenge to the application of existing infringement legal norms. The existing legal framework may be difficult to fully adapt to the development speed of digital technology, which requires legislators to analyze the causes of the regulatory dilemma of digital infringement responsibility, study principles of attributing digital infringement, elements of liability, and remedies for damages, and explore the adaptability and lag of existing laws to digital infringement.

In the context of globalization, digital infringement often crosses national borders, which requires different countries and regions to coordinate their legal systems in order to jointly address digital infringement issues. This involves not only the establishment and enforcement of laws, but also international judicial cooperation and legal assistance, as well as the establishment and improvement of regulatory mechanisms for digital content, including copyright registration, monitoring, tracking, and enforcement. This is crucial for preventing and combating digital infringement. In addition to using legal and information technology methods, raising public awareness of digital copyright protection is also key to addressing digital infringement issues. This can be achieved through legal education and publicity to enhance the public awareness of the importance of intellectual property rights, and also fundamentally reduce the possibility of infringement. In the digital environment, the responsible parties may involve multiple participants, such as platform operators, content providers, and technology service providers.

As one of the main actors in digital social governance, digital platforms are built on digital technology, providing a means of communication and interaction. They serve as the infrastructure of digitization, facilitating interactions between two or more groups. These platforms are often capital-led, leading to the centralization and monopolization of data resources. The origins of these platforms are typically linked to addressing internal data needs, gradually evolving into powerful tools for monopolizing and exploiting the growing amounts of data. This control and utilization of data can be likened to the production hegemony described by Jean Baudrillard. He views it as a secondary rule, where machines and robots dominate over living labor, and dead labor exerts control over living labor. In the context of digital platforms, data has become a new form of hegemonic mechanism to control and extract intellectual output from laborers. Traditional working days have evolved into digital working days without clear boundaries, where rest and work time become blurred. Digital platforms constitute a form of super-monopoly, not only plundering the value created by workers during working hours but also exploiting their lifetime, placing every moment of life under the strict control of data systems. The transformation of digital life means that lifetime shifts from a factory-style ownership mechanism to a state dominated by the entire data system.

The unsustainable risks of the digital platform ecosystem and the design of a new anti-monopoly system: As an important driving force for the economic development of our country, digital platforms maintain a high-speed development momentum, and have attracted high attention from

the government. Data from the "Observation of Platform Economy and Competition Policy (2021)" shows that from 2015 to 2020, the market value of digital platforms in China with a market value of over \$1 billion increased at a compound growth rate of up to 35.4%. On the one hand, the rapid development of digital platforms has had an impact on the socio-economic sectors; on the other hand, the unique competitive ways of digital platforms also challenge the operational order of traditional markets, prompting the government to pay attention to the standardized development of platforms. Since 2021, various departments have successively issued documents such as "Guidelines on Anti-Monopoly in the Platform Economy Field," "Internet Platform Classification and Grading Guidelines (Draft for Solicitation of Comments)," "Internet Platform Implementation of Subject Responsibilities Guidelines (Draft for Solicitation of Comments)," and "Several Opinions on Promoting the Normative and Healthy Development of the Platform Economy" to gradually improve the governance system of digital platforms. It is important to adhere to the task of promoting the normative, healthy, and sustainable development of the platform economy, which includes clarifying the various risks that may exist in the current digital platform ecosystem and taking corresponding measures to prevent them. Among various risks, the risk of digital platform monopolization is a crucial aspect, and it is of great significance to further develop a targeted and more reasonable anti-monopoly system based on the current anti-monopoly practices.

The monopoly of data not only harms the interests of consumers, but may also lead to various issues such as decreased market efficiency, limited innovation, reduced market competition, data security risks, distortion of economic resource allocation, regulatory challenges, social fairness issues, risks of economic fluctuations, and decreased international competitiveness. Assessing the extent and scope of the losses, as well as effectively seeking damages, is an important issue in determining liability for digital monopolies. Identifying the liable parties and how to allocate responsibility among these parties is another complex issue. This requires consideration of the roles and contributions of all parties, as well as their ability to control and their interests in preventing infringement.

3. Leveraging the analysis of group digital behavior characteristics to strengthen the construction of digital rule of law

Social psychology is the psychological representation of the characteristics of the times, and social mentality is formed under the influence of the social environment and culture of a certain period. The common and consistent psychological characteristics and behavioral patterns exhibited by the majority of members in society become a template that influences the behavior of individual members. Analyzing the causes and influencing factors of digital social crises: Legal psychology can analyze the causes and influencing factors of digital social crises, thus providing a scientific basis for formulating effective countermeasures. Analyzing the psychological characteristics of online fraud can help us develop more effective prevention and enforcement measures. By examining judicial cases and precedents related to digital social crises, legal psychology can extract experiences and lessons to guide future judicial practice. For instance, analyzing legal cases involving violations of personal privacy online can enhance our understanding of privacy protection laws and practical applications. Exploring approaches and mechanisms for resolving digital social crises, legal psychology can provide support for mediating and resolving such crises. Exploring the mediation mechanisms and solutions for online disputes can help the parties involved resolve issues more harmoniously.

i. The application of forensic psychology in the prevention mechanism of cybercrime.

By analyzing a person's character, it is possible to predict their future behavioral tendencies, making this information valuable in assessing whether a defendant is at risk of re-offending. Therefore, character evidence is widely used in traditional criminal proceedings. Character evidence can help

in understanding the psychological state of a crime suspect or defendant, including their motives, purposes, and intentions. Particularly in cases where direct evidence is lacking, it serves to assist in determining the truth of the matter and helps the court better understand the nature of the case and the causes of the criminal behavior. Character evidence, as auxiliary material for grasping the case, can help understand the suspect's lifestyle and moral character, thereby facilitating a better analysis of the case. Investigating character evidence can be done through various methods, such as interviews, conversations, psychological tests, and reviewing files. The investigation content also involves various aspects of the suspect's life, including basic personal information such as personal history, family situation, income level, social relationships, interests, life experiences, and their personality traits; social evaluations of the suspect, firsthand evaluations of their character and moral character by the suspect's relatives, friends, classmates, colleagues, neighbors, etc.; the suspect's previous criminal record and whether they have experienced various punishments, which is also an important measure to understand the suspect's character.

In certain types of cases, such as juvenile criminal cases, the application of character evidence is more common, as crimes involving sexual assault against minors often happen discreetly, with no witnesses present in many cases. Besides testimonial evidence, other types of evidence are often lacking. In such circumstances, it is important to focus on collecting evidence of the defendant's bad character in rape cases, as it can help in better understanding the situation and determining the facts of the case. Additionally, in these cases, character evidence may also be used to consider the rehabilitation potential of juvenile offenders and the ease or difficulty of their reintegration into society. Character evidence plays an important role in legal psychology, as it not only helps in understanding the psychological background of criminal behavior, but also plays a role in legal proceedings, assisting the courts in making more comprehensive and fair judgments. However, when using character evidence, it is also important to be mindful of the potential bias and unfairness it may bring, ensuring that it is reasonably applied while respecting individual privacy and rights.

Assessing behavioral patterns can help predict criminal motives and intentions in advance, and character evidence will also play a crucial role. In the cyberspace, by collecting and analyzing individuals' online behavioral records, evaluations, and feedback, their digital reputation can be established. Character evidence can to some extent reflect the reputation and historical behavioral patterns of individuals or organizations. This credit cost can increase the illegal costs for potential offenders, as misconduct may affect their overall reputation, thereby negatively impacting their future activities. The concept of character evidence can help members of society make wiser decisions when choosing partners, service providers, or engaging in transactions. An individual's character or reputation can be seen as a form of social capital, which can promote self-monitoring and mutual surveillance within a community, thereby reducing crime rates. At the legal level, character evidence can be used as one of the factors in judgment. In criminal proceedings, character evidence can be used to prove the character and consistent behavior of a criminal suspect or defendant, which is of great significance for the determination of facts and evidence review in a case. While the direct application of character evidence in criminal proceedings remains controversial, it can indirectly influence people's expectations and behavior. The existence of character evidence motivates individuals and organizations to maintain a good online behavioral record, as this directly relates to their status and opportunities in the online society. This incentive mechanism encourages people to abide by rules and laws in the online world, thereby helping to prevent cybercrime.

ii. Analysis of group psychology of online violence.

Last year, the Chinese police uncovered a case where criminals hired "internet water armies" to bully others online. In order to achieve long-term control over the victims, the criminals illegally

obtained the victims' privacy information by installing tracking and eavesdropping devices. They purchased internet accounts, hired "water army" groups to spread and hype up "indecent" videos, images, and insulting articles about the victims. They also sent false reports in the victims' name to their workplaces, leading to the victims suffering from post-traumatic stress disorder. Apart from intentional crimes, there are also many instances of deliberate and unintentional participation in online bullying by digital users in their internet activities.

In the online environment, individuals are easily influenced by the group. When they see others attacking or insulting someone or something, they may, out of the psychology of conformity, follow suit and participate, thus contributing to the occurrence of online violence. This phenomenon is particularly evident on social networking platforms, where irresponsible remarks and actions can trigger group violence online. Due to the fast spread and wide reach of information on these platforms, the psychological effect of conformity makes individuals more susceptible to the influence of others, thereby accelerating the spread of online violence. When a particular online violence event is widely shared and commented on, others may join the dissemination out of curiosity or the sheep mentality, causing online violence to spread rapidly. When a cyber violence incident receives a lot of attention and discussion, the victim may feel increased pressure and anxiety, and may even suffer from serious psychological trauma. On the other hand, the psychology of the bystander effect may lead individuals to increase their tolerance towards cyber violence, which in turn affects efforts to stop cyberbullying. When a cyber violence incident is widely publicized and discussed, some individuals may view it as a normal phenomenon or even believe that the victim brought it upon themselves, thereby weakening resistance against cyberbullying.

Moreover, there is a close relationship between collective unconscious psychological effects and the phenomenon of online violence. The anonymity and virtual nature of the online environment make it easy for individuals to experience collective unconscious psychological effects. When a group forms a common pattern of aggressive behavior, this pattern may continue to be reinforced, leading to an escalation of online violence and the emergence of overwhelming persecution. Victims may feel powerless to resist, resulting in further psychological pressure. Moreover, in this kind of collaborative aggressive behavior, members become more extreme in their average views when discussing a certain issue. In real life, people are often constrained by social norms, suppressing the desire to express extreme views. However, on the internet, individuals can make anonymous comments, which significantly reduces the psychological cost of expressing extreme opinions. When members of a group are all expressing extreme views, they tend to develop strong hostility towards those holding different opinions, thereby triggering online violence. At the same time, the immediacy of the internet also makes people more susceptible to emotional influence, leading to collective polarization. When someone is attacked online, they may become more steadfast in their own views and more opposed to other perspectives. This phenomenon is known as the "backfire effect," which can exacerbate the phenomenon of collective extremism.

People tend to feel sympathy and concern for individuals or groups who are vulnerable, injured, or treated unfairly. Therefore, when victims of cyberbullying are attacked or belittled online, they may become "the weak" and evoke the sympathy of others. This sympathy may result in people offering more support to the victims, helping them cope with cyberbullying. However, this sympathy can also be exploited, as some individuals may use others' compassion to gain attention or even benefits. On the other hand, the sympathy for the weaker effect may also exacerbate online violence. When someone is seen as a "weaker" individual, they may become easier targets for attacks. Some individuals may take advantage of this vulnerability to satisfy their own needs or elevate their status by targeting the "weaker" individual. Furthermore, even well-intentioned sympathy can unintentionally intensify online violence, as it may make the victim feel trapped in the label of "weaker," thus increasing their psychological burden.

The study of legal psychology can contribute solutions to the social issue of online violence. Through research in legal psychology, we can better understand the psychological mechanisms and impacts of online violence, thus enabling the development of more effective laws and regulations to prohibit and punish such behavior. This includes clearly defining the standards of online violence, establishing reasonable punishment measures, and implementing effective regulatory mechanisms. Through education in legal psychology, public awareness and understanding of online violence can be increased, making individuals aware of the dangers of online violence and how to protect their rights through legal means. At the same time, changing some people's misconceptions, such as thinking that cyberbullying is "not a big deal" or "not real", can also be achieved through public education. In addition to legal protection, victims of cyberbullying also need psychological support and help. Legal psychology can provide professional psychological counseling services to help victims deal with the negative emotions after experiencing cyberbullying, rebuild their confidence, and restore their normal lives. Legal psychology can also help us understand the factors that may lead to cyberbullying, in order to take preventive measures. For example, by improving people's social skills, educating them on how to handle conflicts and setbacks, we can reduce the occurrence of cyberbullying. This requires the collective efforts of governments, schools, communities, families, and individuals to build a healthy, friendly, respectful online environment.

4. Construction of Legal Legitimacy in Digital Society

The role that legal psychology can play in demonstrating the "legitimacy" of digital society laws should be to contribute to solving the proposition of how to re-establish a sense of belonging in a faithless digital society. Attitude determines behavior, "If a law is to be enforced, it must ensure its efficacy in social psychology... that is to say, the authorities that establish such laws must receive sufficient support from social psychological forces so that it can be effective even against individual resistance, and have the power to make the law an effective force for action. The effectiveness of law comes not only from the acknowledgment of the majority, but also from the specific binding and coercive force generated by the deep social foundations. It has already been transformed into a psychological constraint for everyone through social and cultural processes, which is a much more effective guarantee than tangible state violence. On the surface, it may seem that the enforcement of a law, especially national law, is ensured by external, particularly violent coercion. In reality, however, it is more sustained by long-established social customs and internalized social psychology. Assuming a person openly violates a law, for him, the most difficult is breaking through his own psychological defenses, followed by public condemnation, and finally the deterrent power of the law.

The online society and the real society share certain similarities, but also have many differences. Some common rules in the real society may not apply in the online society. The freedom, openness, anonymity, and spread of information in the online world determine the differences in legal construction between the online and real societies. Therefore, in online legislative activities, it is necessary to respect the laws of online development and grasp the basic properties of the internet in order for the law to truly fulfill its function. The digital society is a relationship sum of various forms of network communication activities participated in by humans. Some scholars believe that because the subjects on the internet appear in symbolic form, they naturally lose their essential human characteristics. That is, the internet space as a symbolic information repository actually determines that people's interactions in cyberspace are essentially symbolic interactions. This radical structuralist viewpoint clearly ignores the fact that the information conveyed in the form of symbolic interactions in online communication activities actually possesses spirituality, cultural characteristics, and social attributes. Although the viewpoint is biased, it correctly points out that the digital society is a world represented by symbols, and therefore, a part of the essence of the digital society is determined by the

characteristics of symbols. In attempting to construct a digital legal order that inspires conscious belief, it is necessary to align with the principles of psychological research. This is rooted in the scientific research methods of legal psychology, which can effectively observe the symbolic features of the digital society. Among the existing research tools, the use of psychological assessment analysis models can provide a scientific and quantitative analysis of digital behavior. For example, governing bodies can establish a hierarchical database for digital users, where users with lower levels of evaluation are restricted from using more advanced functions, such as individuals with alcohol abuse issues being unable to access autonomous driving features.

Conclusion

Currently, artificial intelligence technology has already replicated human knowledge, fundamentally changing traditional learning methods and causing unprecedented disruption to education. Digital skills, adaptability, and creativity will become the foundation for children's future success. Artificial intelligence has the potential to transform the human world into a dehumanized society, with technological progress advancing much faster than human adaptation. This may lead to a situation where technology does not serve human development, but rather humans must adapt to technology at the cost of their physical and mental well-being. Therefore, the study of human psychology plays an important role in preventing risks in the digital society, but based on the objective laws of the absence of individuals in the digital society, the key to building a digital legal regulatory approach may still lie in the improvement of scientific and technological means of supervision, as well as the logic behind the sophisticated procedural algorithms. Because the basis of law is justice, which belongs to subjective values, it is impossible to grasp justice based solely on personal intuition, external standards must be used. However, caution must be taken to prevent the emergence of algorithmic dictatorship. In the future, if the reasoning algorithms of the law are only formulated by a small number of people, the standard for judging justice is very likely to be distorted. If a few people dominate the rules of social operation with the help of artificial intelligence, then it is very likely to lead to the emergence of algorithmic autocracy, thus affecting the fairness and justice of the law.

References

- Wang, F. (2013). *A Study on Citizen Online Participation in Public Policy Process*. Fudan University.
- Gao, X., & Gao, S. (2014). Viewing participants in collective events from a social psychology perspective and their legal responses. *Frontiers*, *Z9*, 103–104.
- Chen, Z. (2009). Issues of fact in judicial judgments: An examination from the perspective of legal psychology. *Application of Law*, *6*, 44–47.
- Le, G., & Li, A. (2012). Legal psychology: An applied discipline promoting judicial fairness. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*, *27* (S1), 119–129.
- Ma, A. (2010). A discussion on the basic theoretical issues of legal psychology. *Journal of Gansu Political Science and Law Institute*, *4*, 51–59.
- Xie, L. (2022). Formation and prevention of psychological control in telecommunications network fraud. *Journal of China Criminal Police College*, *1*, 14–25. <https://doi.org/10.14060/j.issn.2095-7939.2022.01.002>
- Wang, C., & Wang, Y. (2024). Analysis of the representation of psychological hidden damage of victims of telecommunications network fraud crimes and the research on the restoration path - based on NVivo qualitative analysis of 51 victim interview materials. *Journal of Zhejiang Police College*, *1*, 91–110.
- Jin, P., & Rui, B. (2011). "Embodiment Presence": A New Perspective on Research of Online Interaction. *Journalism and Communication Research*, *18* (05), 12–16+109.

- Xu, Ya. (2024). Psychological research on social health and social governance. *People's Forum: Academic Frontiers*, 3, 94–103. <https://doi.org/10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2024.03.011>
- Zhang, D. (2013). Research on the phenomenon of online group polarization from the perspective of social psychology. *Journal of Beijing Police Academy*, 2, 36–38. <https://doi.org/10.16478/j.cnki.jbjpc.2013.02.002>
- Lu, J. (2012). The Psychological Basis of Legal Governance in the Social Transition Period: A Psychological Interpretation of the Social "Legal Order without Order" in the Transitional Period. *Journal of Lanzhou University (Social Sciences)*, 40 (3), 108–114. <https://doi.org/10.13885/j.issn.1000-2804.2012.03.023>

Информация об авторе

Богэ Чжан – сотрудник Шанхайского высшего училища полиции Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики.

About the author

Boge Zhang – Employee of the Shanghai Police College of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China, Shanghai.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 27.04.2024

Одобрена после рецензирования 20.08.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted April 27, 2024

Approved after reviewing August 20, 2024

Accepted December 28, 2024

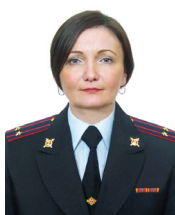
Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-557-575

Социокультурные и психологические особенности адаптации иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России

Валентина Александровна Белянкина

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

kinatina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3049-4753

Игорь Борисович Бантюков

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

bantig2021@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4419-6220

Аннотация

Введение. С 2002 года образовательные организации высшего образования МВД России готовят специалистов по юридическим и психологическим специальностям для иностранных государств. В настоящее время в Санкт-Петербургском университете МВД России обучаются слушатели из стран дальнего зарубежья (Монголии, Республики Эль-Сальвадор, Республики Эквадор, Гвинейской Республики, Республики Гвинея-Бисау, Республики Ангола, Республики Ботсвана, Демократической Республики Конго, Центральноафриканской Республики, Демократической Республики Сан-Томе и Принсипи) и ближнего зарубежья – Республики Узбекистан, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики. Анализ опыта обучения показывает, что у слушателей, представляющих различные этнические и расовые группы населения Земли, систематически возникают трудности, противоречия и барьеры адаптации психологической и социокультурной природы. В связи с этим изучение особенностей психологической и социокультурной адаптации слушателей факультета подготовки иностранных специалистов Санкт-Петербургского университета МВД России представляется нам своевременной и давно назревшей научно-прикладной проблемой. **Цель исследования** заключается в выявлении психологических и социокультурных особенностей адаптации, психологического благополучия слушателей факультета подготовки иностранных специалистов Санкт-Петербургского университета МВД России, представителей стран ближнего и дальнего зарубежья. **Методология и методики исследования.** Методами исследования выступили социокультурный подход, а также психологические методики диагностики и оценки адаптивного потенциала слушателей, количественные и качественные параметры особенностей социокультурной и психологической адаптации респондентов. Эмпирическая база исследования

представлена результатами психодиагностического исследования 50 слушателей – представителей иностранных государств. **Результаты исследования.** Выявлены психологические особенности, способствующие продуктивной социокультурной адаптации слушателей. Определены наиболее уязвимые компоненты личности слушателей, от которых зависит не только качество адаптационных способностей и временной период адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Определены основные направления психологических исследований по исследуемой проблеме. Дальнейшее изучение адаптивных возможностей позволит гарантированно обеспечить психологическое благополучие слушателей.

Ключевые слова

адаптация, тестирование, слушатели – представители ближнего и дальнего зарубежья, социокультурная адаптация, психологическое благополучие

Для цитирования: Белянкина, В. А., Бантюков, И. Б. (2024). Социокультурные и психологические особенности адаптации иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 557–575. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-557-575.

Original paper

Socio-cultural and psychological features of adaptation of foreign students in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Valentina A. Belyankina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

kinatina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3049-4753

Igor B. Bantyukov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

bantig2021@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4419-6220

Abstract

Introduction. Many countries practice such interethnic interaction as teaching foreign students at their universities. And this is an indicator of the integration of these countries into the world community. Such implementation, in turn, requires updating the higher education system taking into account the socio-cultural characteristics of students. Higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs are no exception, and since 2002, they have been training specialists in legal and psychological specialties for foreign countries. Currently, the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia trains students from both Far Abroad (countries of Africa, Mongolia, Latin America, the Republic of El Salvador, the Republic of Ecuador, Guinea, Guinea-Besau, Angola, Botswana, Congo, Central African Republic, Santo Me, Principe, and the Near (Uzbekistan, Tajikistan,

Kazakhstan, Kyrgyzstan) Abroad. Thus, the relevance of studying the features of socio-cultural adaptation of students of the Faculty of Training foreign Specialists of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia seems to us necessary and important. **The purpose** it consists in studying the psychological features of the formation of socio-cultural adaptation of students of the Faculty of Training foreign Specialists of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, representatives of countries Near and Far Abroad. **Methodology, research methods.** As a research method, testing was used to identify the adaptive capabilities of listeners, to study the features of socio-cultural adaptation and to assess psychological well-being. The empirical base of the study is represented by the results of monitoring the above indicators of 50 listeners - representatives of foreign states. **Research results.** The main directions of psychological research on the problem under study are determined. Psychological features that contribute to the productive socio-cultural adaptation of listeners are revealed. The most vulnerable components of the listeners' personality are identified, on which not only the quality of adaptive abilities depends, but also the time period of adaptation to new living conditions. The study of adaptive capabilities will allow to qualitatively improve the psychological well-being of listeners.

Keywords

adaptation, testing, students – representatives of Near and Far Abroad, socio-cultural adaptation, psychological well-being

For citation: Belyankina, V. A., Bantyukov, I. B. (2024). Factors of socio-cultural adaptation students - representatives of foreign states in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 557–575. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-557-575.

Введение

В последнее время проблема адаптации людей к новой социокультурной среде вышла на первый план как в зарубежной, так и в отечественной психологической науке. Это связано с тем, что в современном мире общество все чаще сталкивается с миграционными потоками (переселениями) не только внутри государства, но и за его пределами. Кроме того, развиваются международный туризм, деловые командировки, обучение в виде международного обмена опытом. Все это приводит к возникновению у людей проблем с адаптацией к иным условиям окружающей действительности, другим культурным ценностям, особенностям общения и восприятия.

Обзор литературы

В психологии термин «адаптация» имеет несколько трактовок. Так, в «Кратком психологическом словаре»¹ можно найти такое определение понятия «адаптация» (от лат. *Adapto* – приспособляю): «приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды». Расширенную трактовку понятия «адаптация» находим в «Философском энциклопедическом словаре»²: «Адаптация социальная – вид взаимодействия личности и социальной группы, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. Значимый компонент адаптации – согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включающее также тенденции развития среды и субъекта».

¹ Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (ред.) (2017). Термин «Адаптация». *Краткий психологический словарь*. Издательство политической литературы.

² Ильичев, Л. Ф. и др. (ред.) (1983). Термин «Адаптация социальная». *Философский энциклопедический словарь*. Советская энциклопедия.

Значимый вклад в исследование понятия «адаптация» внес Ж. Пиаже. В его концепции адаптация – как в биологии, так и в психологии – рассматривается как единство противоположно направленных процессов: аккомодации и ассимиляции (Пиаже, 1994).

Аккомодация (обычно именно ее обозначают термином «адаптация») обеспечивает модификацию (приведение) организма или действий субъекта в соответствие со свойствами среды. Второй же процесс изменяет те или иные компоненты этой среды, перерабатывая их согласно структуре организма или включая их в схемы поведения субъекта.

Отечественные физиологи П. К. Анохин, А. А. Ухтомский, И. П. Павлов занимались исследованием биологических механизмов процесса адаптации. В своих трудах они доказали, что адаптивные реакции организма на факторы среды обеспечиваются не отдельными органами, а определенным образом организованными и соподчиненными между собой системами, объединяющими воедино нервные центры и исполнительные органы, принадлежащие различным анатомо-физиологическим структурам (Патрахина, Ткаченко, 2015).

Понятие адаптации прошло большой и противоречивый путь развития, трудности которого связаны с объективной сложностью самого явления адаптации. Сегодня в понимании явления «психологическая адаптация» наблюдаются следующие тенденции: во-первых, происходит все большее разделение понятий приспособления (adjustment) и собственно адаптации (adaptation); во-вторых, наблюдается движение от пассивного приспособления к построению системы продуктивного взаимодействия личности и среды, от конечной цели – гомеостатического равновесия, отсутствия конфликтов – к самоактуализации и самореализации личности в реальной социальной среде.

А. Н. Николаев в своих работах пишет, что понятие адаптации часто подменяется такими понятиями, как уравнивание, соответствие, вживание, реактивность, компенсация, устойчивость, резистентность, помехоустойчивость, сенсбилизация, функциональная подвижность и т. д. Проанализировав множество определений этого понятия, Николаев отмечает, что адаптация может пониматься в «узком» и «широком» смысле. «Широкий» смысл подразумевает рассмотрение адаптации как эволюционного принципа (филадаптация), «узкий» – как приспособление индивида к меняющимся условиям (онтоадаптация). Автор также доказывает, что адаптация существует и в качестве процесса (сама адаптация), и в качестве свойства (адаптивность), и в качестве состояния (адаптированность) (Николаев, 1984).

Другой автор – А. Б. Георгиевский – на основе сравнительного анализа большого числа определений адаптации разбил их на три группы:

- тавтологические – понятие адаптации трактуется как буквальный перевод с латинского «adaptio» в значении приспособления организмов к среде. Например, «адаптация – это процесс и результат приспособления строения и функций организма (особей, популяций, видов) и их органов к условиям среды»;

- определение через «главный признак», где адаптация определяется через выраженность ключевого аспекта структурно-функциональной организации индивида, т. е. на морфологическом, биохимическом, физиологическом, поведенческом уровне;

- полисемантические определения, подчеркивающие многозначный, многоаспектный характер самого явления адаптации, прежде всего выделение адаптации как процесса и результата.

А. Б. Георгиевский предлагает собственное определение понятия адаптации: «Адаптация есть особая форма отражения системами воздействия внешней и внутренней среды, заключающаяся в тенденции к установлению с ним динамического равновесия» (Георгиевский, 1989, с. 27).

Ф. Б. Березин определяет адаптацию как установление динамического равновесия в системе «человек – среда». Можно также сказать, что адаптация – это процесс и результат внутренних

изменений, внешнего активного приспособления и самоизменения индивида к новым условиям существования (Березин, 1988).

Г. А. Балл выделял биологическую, психологическую и социальную адаптацию. Несмотря на различия в подходах к классификации, выделение видов адаптации может носить лишь условный характер, т. к. процесс адаптации един и неразрывен, и только с большой степенью условности можно выделить в нем «биологическое», «психологическое» и «социальное» (Балл, 1989).

Понятия «адаптация» и «социализация» тесно взаимосвязаны между собой. Адаптация может рассматриваться и как составная часть социализации, и как ее механизм. Различают два вида адаптации (психофизиологическую и социально-психологическую), находящихся во взаимосвязи. Социально-психологическая адаптация представляет собой освоение личностью роли при вхождении в новую социальную ситуацию. По своим результатам социально-психологическая адаптация бывает позитивной и негативной, а по механизму осуществления – добровольной и принудительной. Процесс социально-психологической адаптации распадается на несколько стадий: а) ознакомление; б) ролевая ориентация; в) самоутверждение. Таким образом, социально-психологическая адаптация – это конкретный процесс социализации.

Под социальной адаптацией обычно понимается постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды и результат этого процесса. Многие авторы выделяли типы адаптационного процесса по критерию «активный – пассивный», т. е. личность либо активно влияет на среду, осваивает ее и приспособливает ее к себе, либо не стремится к такому воздействию, а пытается пассивно «приспособиться».

Главенствующую роль в становлении и результативности адаптационных процессов играют именно структуры личности как отражение складывающихся отношений и связей с существенными характеристиками среды. В соответствии с развиваемыми Б. С. Братусем теоретическими взглядами, личность представляет собой своеобразное орудие формирования самореализации в себе человека (Братусь, 1997). Исходя из этого, личность может выступать в качестве некоего психологического средства, обеспечивающего адаптационные процессы на всем своем жизненном пути.

Таким образом, важную роль при возникновении трудных жизненных ситуаций, вызывающих необходимость адаптивных перестроек, играет уровень активности личности, степень ее мобилизации. Как показали исследования Л. В. Куликова и А. Н. Жмырикова, наиболее адекватной теоретической моделью является выделение оптимального уровня активности личности (Жмыриков, 1989). Эмпирические данные свидетельствуют, что при недостаточной или избыточной мобилизации личности с большой вероятностью возникают психические состояния, нарушающие адаптивное равновесие.

Необходимо также разъяснить разницу и связь между понятиями «адаптация» и «адаптивность». Адаптивность понимается как врожденная и приобретенная способность к приспособлению ко всему многообразию жизни при любых условиях, т. е. это способность к адаптации.

Одним из критериев оценки адаптивных способностей индивида выступает адаптивный потенциал. Это совокупность ресурсов, которые существуют у адаптанта в скрытом виде и задействуются в ходе адаптации: ценностно-нормативная структура адаптанта, его социальный статус (профессия, доход, материальное положение, жилищный статус, образование), демографический статус (здоровье, семейный и брачный статус, миграционная биография), этнический статус, социально-психологические характеристики и т. д. Адаптивный потенциал определяет скорость адаптации и ее конечные результаты: осуществилась ассимиляция или аккомодация или же произошла катастрофическая адаптация – физическое разрушение адаптирующейся системы. Психическая адаптированность включает уровень фактического

приспособления человека, уровень его социального статуса и самоощущения удовлетворенности или неудовлетворенности собой и своей жизнью. Показателем эффективности социальной адаптации выступает социальная адаптированность личности (и именно личности как продукта общества) как мера включенности в систему социальных отношений.

Для успешной адаптации необходимы адекватность и реалистичность оценки субъектом своего адаптивного потенциала. Занижение собственных адаптивных возможностей приводит адаптанта к пассивной выжидательной тактике, чем тормозится сам адаптивный процесс. Завышение грозит грубыми ошибками, сбоями, неудачами и срывами в адаптивном процессе.

Исследованию аспектов адаптации посвящены работы в различных направлениях психологической науки. Адаптация включает не только процессуальные характеристики, но и психические состояния, отражающие ее эффективность (адаптированность). Также она определяется совокупностью психологических свойств (адаптивность). Этот факт позволяет сделать вывод об индивидуальном уровне адаптивности, который определяется прежде всего характером реактивности организма.

Формирование социокультурной адаптации иностранных слушателей – это такой вид взаимодействия иностранного слушателя со средой образовательной организации, в ходе которого происходит согласование требований среды и субъективных возможностей слушателя. Такое взаимодействие носит одновременно адаптивный и адаптирующий характер.

Процесс формирования, развития и поддержания социальных и культурных взаимоотношений между представителями разных культур является важным функциональным условием достижения цели адаптации и сохранения системы ценностных установок личности, что и представляет собой содержание ее социокультурной интеграции.

Критериями адаптации иностранного слушателя к социокультурной среде образовательной организации, на наш взгляд, выступают следующие показатели:

- умение правильно оценивать окружающие условия;
- способность контролировать свои потребности;
- овладение компетенциями согласно предъявляемым требованиям;
- осознание и принятие этнокультурного разнообразия членов многонационального коллектива.

Обучение иностранных слушателей происходит в многонациональных учебных группах, при этом повседневная учебная деятельность и общение с представителями других этносов оказывают заметное воздействие на становление полиэтнической картины мира слушателя. Отсюда адаптация к группе, на наш взгляд, – это процесс, который состоит из следующих этапов:

- процесс интеграции в единое целое групповых норм, мнений, отношений, целей, ценностей;
- стремление каждого соответствовать групповым требованиям и ожиданиям;
- переживание чувства безопасности и эмоционального комфорта в группе.

В научной литературе можно встретить следующие определения эмоционального состояния, протекающего в процессе адаптации к новой культурной среде: *стресс аккультурации* и *культурный шок*. К. Оберг – автор термина «культурный шок» (*culture shock*) трактует его как «состояние тревожности, которое человек испытывает, оказавшись в чужой культуре, когда пропадают знакомые ориентиры и теряют смысл привычные символы» (Oberg, 1960). Дж. Берри и Р. Аннис называют термином «*стресс аккультурации*» (*acculturative stress*) комплекс психосоматических и психологических симптомов в процессе адаптации к инуюльтурной среде (Berry & Annis, 1974). В контексте нашего исследования под термином «*стресс аккультурации*» мы понимаем общий адаптационный синдром, формирующийся как сложная системная реакция человека на изменение социокультурных условий. Стресс

аккультурации имеет продленный характер и подлежит описанию через изменение эмоциональных состояний на разных этапах адаптации.

Изучением вопросов стресса аккультурации занимались разные авторы. В числе зарубежных исследователей – С. Бочнер и А.Фернхем, К. Оберг, К. Уорд, Дж. Берри, и другие авторы. Среди отечественных ученых-психологов разработкой этого вопроса занимались Н. М. Лебедева, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, В. В. Гриценко и другие исследователи. Необходимо учесть, что в России проблема кросс-культурной адаптации исследуется в основном с точки зрения изменения идентичности и социокультурного научения, межэтнического и межкультурного взаимодействия, социальных изменений.

Анализ существующих подходов к изучению кросс-культурной адаптации к новой среде позволяет выделить три направления в исследовании аккультурации, взаимосвязанных с различными понятиями, применяемыми для обозначения данного феномена. Во-первых, изучение аккультурационных изменений в поведении иностранных слушателей (социокультурный подход). Во-вторых, исследование аккультурационного стресса, т. е. эмоциональных изменений и переживаний иностранных слушателей. В-третьих, исследование аккультурационных установок, т. е. ценностей и отношений, формируемых у индивида под влиянием инокультурной среды.

Таким образом понятия «адаптация» и «социализация» находят отражение в состоянии психологической сплоченности членов многонационального коллектива слушателей. В свою очередь социально-психологическая адаптация представляет собой освоение личностью ролевого пространства при вхождении в новую социальную ситуацию. Сущность социокультурной адаптации состоит в преодолении противоречий между требованиями, которые предъявляет этнически смешанный коллектив к личностным качествам слушателя, и уровнем их самореализации.

Методология, методы и материалы исследования

С целью определения психологического благополучия слушателей факультета подготовки иностранных специалистов проведено исследование особенностей социокультурной адаптации. Психологическое исследование проводилось с сентября 2019 г. по февраль 2020 г. Цель и задачи нашего исследования обусловили разделение слушателей на группы по критерию этнической принадлежности – «географический признак», т. е. разделение на две группы произошло по принципу ближнее и дальнее зарубежье:

- группа 1 – иностранные слушатели, представители ближнего зарубежья (n = 25);
- группа 2 – иностранные слушатели, представители дальнего зарубежья (n = 25).

Таким образом, по каждой из методик было обследовано 50 слушателей. В обеих группах изучались следующие характеристики:

1) многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность»: личностный адаптационный потенциал; коммуникативные способности; поведенческая регуляция; моральная нормативность;

2) опросник «Адаптация личности к новой социокультурной среде»: адаптивность; конформность; интерактивность; депрессивность; ностальгия; отчужденность;

3) шкала психологического благополучия К. Рифф: позитивные отношения; автономия; управление средой; личностный рост; цели в жизни; самопринятие.

Для проведения сравнительного и корреляционного анализов были задействованы 16 параметров. Используя корреляционный анализ, мы установили особенности взаимосвязей изученных показателей, а сравнительный анализ позволил установить различия в параметрах социокультурной адаптации в выделенных группах слушателей.

Результаты исследования

Все обследованные по методике А. Г. Маклакова МЛО «Адаптивность»³ слушатели по результатам тестирования, представленным в таблице 1, вошли в группу удовлетворительной адаптации ($M_1 = 5,2$; $M_2 = 5,9$). Можно сказать, что успешность адаптации у них в большей мере зависит от требований новых условий, в которых они оказались. Слушатели, составляющие эту группу, обладают признаками различных акцентуаций, которые в обычных условиях частично компенсируются и могут проявляться при смене деятельности.

Таблица 1. Результаты исследования адаптационных способностей

Table 1. Results of the study of adaptive abilities

№	Факторы	Группа 1 ср. знач.	Группа 2 ср. знач.	T – кр. (значение p)
1.	Личностный адаптационный потенциал	5,2 ± 1,4	5,9 ± 1,8	0,08
2.	Коммуникативные способности*	6,1 ± 1,7	4,9 ± 1,4	0,049
3.	Поведенческая регуляция	5,1 ± 1,4	5,5 ± 1,4	0,09
4.	Моральная нормативность*	4,9 ± 1,1	6,7 ± 2,1	0,041

Обследованным слушателям факультета подготовки иностранных специалистов свойственна невысокая эмоциональная устойчивость, редко, но возможны эмоциональные срывы, проявления агрессивности и конфликтности. Функциональное состояние в начальные этапы адаптации может быть нарушено. Следует отметить, что такая группа адаптационного потенциала требует постоянного контроля со стороны психологов, руководителей подразделений.

Полноценно оценить личностный адаптационный потенциал можно, исследовав особенности поведенческой регуляции, коммуникативных способностей и уровня моральной нормативности личности.

Поведенческая регуляция представляет собой способность личности регулировать свое взаимодействие со средой деятельности. Основными структурными элементами поведенческой регуляции выступают: самооценка; уровень нервно-психической устойчивости; потребность в общественном одобрении (поиск социальной поддержки) со стороны окружающих людей.

Однако обозначенные подструктуры поведенческой регуляции не являются базой непосредственного регулирования поведения. Они лишь отражают соотношение потребностей, мотивов, эмоционального фона настроения, самосознания, «Я-концепции» и др.

У всех обследованных слушателей факультета подготовки иностранных специалистов выявлен средний уровень поведенческой регуляции, что свидетельствует о нервно-психической устойчивости, адекватной самооценке и адекватном восприятии действительности слушателями ($M_1 = 6,1$; $M_2 = 4,9$).

Коммуникативные качества также входят в структуру личностного адаптационного потенциала. Поскольку личность постоянно находится во взаимодействии с другими людьми, успех

³ Маклаков, А. Г., Чермянин, С. В. (2006). *Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ)*. В Д. Я. Райгородский (ред. и сост.), *Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие*. Издательский Дом «БАХРАХ-М».

ее адаптации во многом зависит от умений выстраивать позитивные и конструктивные взаимоотношения. Безусловно, характерологические особенности, в т. ч. сформированные под воздействием этнических норм и традиций коммуникативные способности у каждого человека различны. Они обуславливаются наличием опыта и потребностями в общении, способностями личности к саморегуляции агрессивности и конфликтности.

У всех обследованных слушателей факультета подготовки иностранных специалистов выявлен средний уровень коммуникативных способностей. При этом скорость установления межличностных отношений зависит от актуального состояния личности, особенностей окружающей обстановки. Проявления агрессии, конфликтности возможны только в личностно-значимой ситуации ($M_1 = 5,1$; $M_2 = 5,5$).

Следующим элементом личностного адаптационного потенциала является моральная нормативность. Она является базовой для адекватного восприятия личностью предлагаемой ей той или иной социальной роли. Методика МЛЮ «Адаптивность» позволяет выявить два основных компонента процесса социализации: восприятие морально-нравственных норм поведения и отношение к требованиям непосредственного социального окружения.

У всех обследованных слушателей факультета подготовки иностранных специалистов выявлены средний уровень социализации, адекватная оценка своей роли в коллективе. В целом они ориентированы на соблюдение общепринятых норм поведения.

Результаты исследования с помощью методики «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского⁴ представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты исследования особенностей социокультурной адаптации

Table 2. Results of the study of the characteristics of sociocultural adaptation

№	Факторы	Группа 1 ср. знач.	Группа 2 ср. знач.	T – кр. (значение p)
1.	Адаптивность	7,7 ± 2,3	8,1 ± 3,1	0,07
2.	Конформность*	14,4 ± 4,1	12,7 ± 4,5	0,031
3.	Интерактивность	4,7 ± 0,9	5,9 ± 2,7	0,059
4.	Депрессивность	3,7 ± 0,8	3,9 ± 1,1	0,07
5.	Ностальгия	6,9 ± 2,6	7,4 ± 2,9	0,06
6.	Отчужденность	5,8 ± 1,3	6,0 ± 1,7	0,08

В группах слушателей по шкале адаптивности получены средние оценки ($M_1 = 7,7$; $M_2 = 8,1$). Средние оценки указывают на личную удовлетворенность; позитивное отношение и принятие окружающих людей; ощущение социальной и физической защищенности; ощущение принадлежности к данному обществу и сопричастности к нему.

В группах слушателей по шкале конформности получены высокие оценки ($M_1 = 7,7$; $M_2 = 8,1$). Высокие оценки показывают выраженное стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми; ориентацию на социальное одобрение; зависимость от группы; потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми; принятие системы ценностей и норм поведения данной среды.

⁴ Сонин, В. А. (2004). *Психодиагностическое познание профессиональной деятельности: для студентов, школьных психологов, учителей-предметников, классных руководителей* (стр. 206–211). Санкт-Петербург: Речь.

В группах слушателей по шкале интерактивности получены низкие оценки ($M_1 = 4,7$; $M_2 = 5,9$). Полученные оценки говорят о сложности в принятии новой среды; об отсутствии стремления расширять социальные связи; о некоторой неуверенности в своих возможностях; о нескритичности к собственному поведению; об отсутствии направленности на определенную цель и подчинении себя этой цели.

Низкие оценки, полученные иностранными слушателями по шкале депрессивности, свидетельствуют о гармоничном психическом состоянии личности обследованных ($M_1 = 3,7$; $M_2 = 3,9$).

В группах слушателей по шкале ностальгии получены средние оценки ($M_1 = 6,9$; $M_2 = 7,4$). Средние оценки означают, что сохранение связей с родной культурой, отсутствие чувства разьединенности с традиционными ценностями и стандартами, осознание и принятие перспектив в обретении новых традиционных ценностей, ощущение того, что человек находится «на своем месте», являются ведущими и устойчивыми показателями уровня адаптированности личности.

В группах иностранных слушателей из ближнего зарубежья по шкале отчужденности получены низкие значения ($M_1 = 5,8$; $M_2 = 6,0$). Низкие оценки соответствуют ситуации приятия новой культуры, высокой самооценке, согласованию притязаний и реальных возможностей, низкой озабоченностью своей идентичностью и своим статусом.

Оценив выраженность показателей по всем шкалам, можно сделать вывод, что для обследованных слушателей факультета подготовки иностранных специалистов характерен тип адаптации к новой культуре и социуму по конформному типу.

С целью выявления достоверных различий в группах иностранных слушателей мы провели сравнительный анализ результатов исследования. Наглядно выявленные достоверные различия в показателях социокультурной адаптации слушателей факультета подготовки иностранных специалистов представлены на рисунке 1.

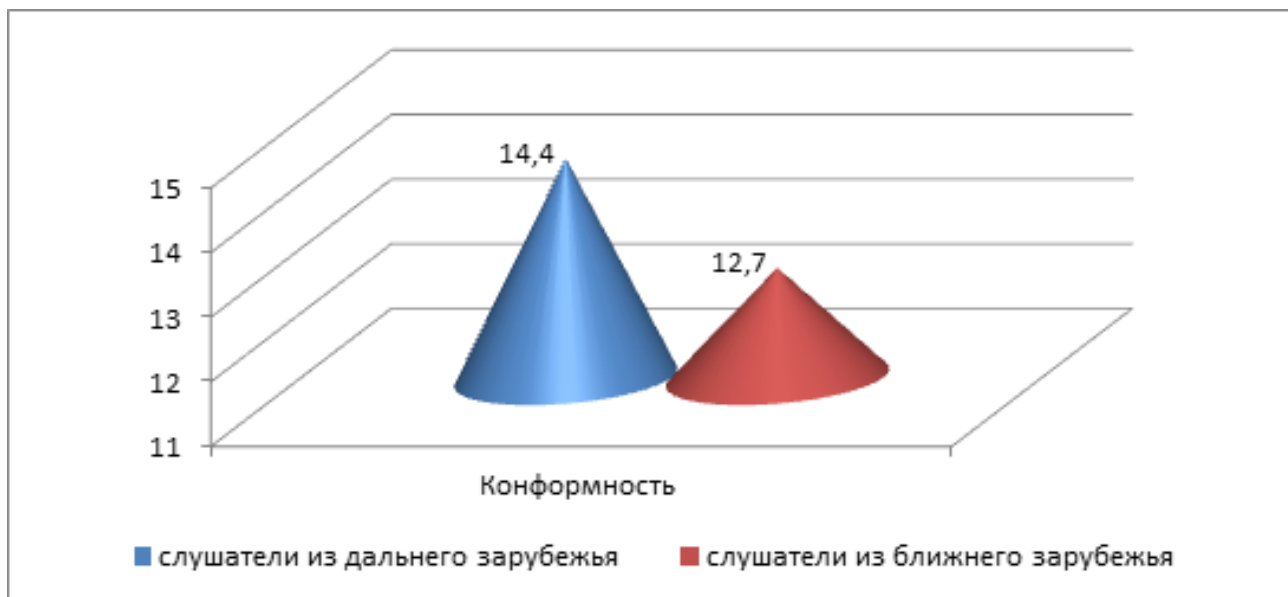

Рис.1. Различия в показателях социокультурной адаптации слушателей факультета подготовки иностранных специалистов

Fig.1. Differences in indicators of sociocultural adaptation of students at the Faculty of Training of Foreign Specialists

Итак, мы видим, что более высокие оценки по шкале «Конформность» выявлены в группе слушателей из дальнего зарубежья. Это может означать, что им в большей мере свойственны стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми и потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми. Они также в большей мере ориентированы на общественное одобрение и зависимы от группы ($p \leq 0,05$).

При помощи методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой, Т. П. Фесенко мы оценили актуальное состояние слушателей, которое влияет на формирование психологического благополучия (Шевеленкова, Фесенко, 2005). Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты исследования психологического благополучия

Table 3. Psychological Well-Being Research Results

№	Факторы	Группа 1 ср. знач.	Группа 2 ср. знач.	T – кр. (значение p)
1.	Позитивные отношения	7,1 ± 2,1	6,4 ± 1,7	0,07
2.	Автономия	2,3 ± 1,4	4,7 ± 0,4	0,045
3.	Управление средой	3,4 ± 1,9	3,7 ± 1,9	0,06
4.	Личностный рост	8,0 ± 2,4	10,3 ± 3,3	0,034
5.	Цели в жизни	7,1 ± 3,1	8,4 ± 3,4	0,07
6.	Самопринятие	6,4 ± 2,2	6,3 ± 2,3	0,09

В группах слушателей по шкале «Положительные отношения с другими» получены средние оценки ($M_1 = 7,1$; $M_2 = 6,4$). Средние оценки означают, что обследованные слушатели имеют достаточное количество доверительных отношений с окружающими, эмпатийны и способны идти на компромиссы для поддержания важных связей с окружающими.

В группе слушателей из дальнего зарубежья получены средние оценки по шкале «Автономия» ($M_2 = 4,7$). Средний балл по данной шкале характеризует обследованных слушателей как людей самостоятельных, способных учитывать общественное мнение и действовать стереотипно и регулирующих собственное поведение адекватно ситуации.

В группе слушателей ближнего зарубежья по шкале «Автономия» получены низкие оценки ($M_1 = 2,3$). Низкие оценки означают, что обследованные очень часто зависят от мнения и оценки социума, в процессе принятия важных решений предпочитают основываться на чужом мнении, поэтому они конформны.

В группах слушателей по шкале «Управление окружением» получены низкие оценки ($M_1 = 3,4$; $M_2 = 3,7$). Низкие оценки означают, что обследованные слушатели испытывают сложности в организации повседневной деятельности, чувствуют себя неспособными изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства, воспользоваться возникающими возможностями.

В группе слушателей из ближнего и дальнего зарубежья получены высокие оценки по шкале «Личностный рост» ($M_1 = 8,0$; $M_2 = 10,3$). Высокий балл по данной шкале характеризует обследованных слушателей как личностей, испытывающих потребность в самоактуализации, открытых новому опыту и изменяющихся в соответствии с собственными познаниями и достижениями.

В группе слушателей из дальнего зарубежья получены высокие оценки по шкале «Цель жизни» ($M_2 = 8,4$). Высокий балл по данной шкале характеризует обследованных слушателей как мотивированные личности, обладающие смыслом жизни, целеустремленные.

В группе слушателей из ближнего зарубежья оценки по данной шкале средние, т. е. обследованные слушатели характеризуются нестабильной целеустремленностью, лабильной мотивацией деятельности, не всегда могут определиться с перспективами или убеждениями, определяющими смысл жизни.

В группах слушателей по шкале «Самопринятие» получены средние оценки ($M_1 = 6,4$; $M_2 = 6,3$). Средние оценки означают, что обследованные слушатели характеризуются позитивным самоотношением, адекватно оценивают свои позитивные и негативные качества и склонны положительно оценивать собственное прошлое.

С целью выявления достоверных различий в группах иностранных слушателей мы провели сравнительный анализ результатов исследования. Наглядно выявленные достоверные различия в показателях психологического благополучия слушателей факультета подготовки иностранных специалистов представлены на рисунке 2.

Более высокий балл по шкале «Автономия» характерен для иностранных слушателей из дальнего зарубежья, чем для слушателей из ближнего зарубежья. Вероятно, они могут быть описаны как более самостоятельные, независимые, способные противостоять попыткам социума навязывать определенные стереотипы ($p \leq 0,05$).

Напротив, в группе слушателей из ближнего зарубежья выявлены более высокие значения показателей по шкале «Личностный рост» ($p \leq 0,05$). Это может означать, что они в большей степени открыты новому опыту, испытывают потребности в самореализации и самоактуализации, изменяются в соответствии с собственными познаниями и достижениями.

Обсуждение результатов исследования

Обследованные слушатели факультета подготовки иностранных специалистов Санкт-Петербургского университета МВД России обладают удовлетворительными адаптивными способностями. Показатели поведенческой регуляции, коммуникативных способностей, морально-нравственной нормативности выражены у них на среднем уровне. При этом

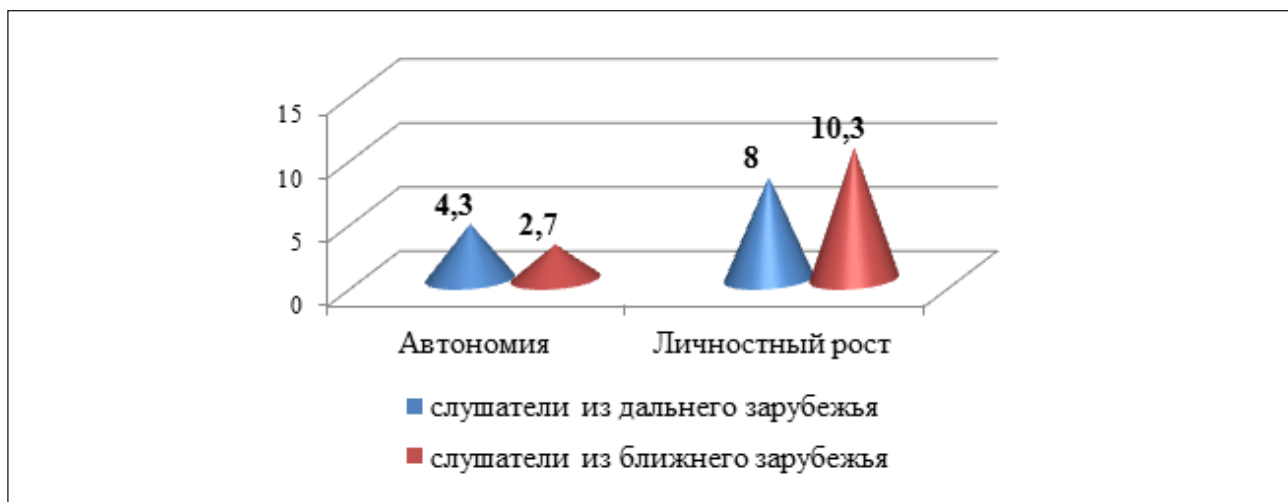

Рис.2. Различия в показателях психологического благополучия слушателей факультета подготовки иностранных специалистов

Fig.2. Differences in indicators of psychological well-being of students at the Faculty of Training of Foreign Specialists

в большей мере развитыми коммуникативными способностями обладают иностранные слушатели из ближнего зарубежья, а слушатели из дальнего зарубежья отличаются сравнительно большей степенью моральной нормативности.

В целом обследованные слушатели адаптивны, ориентированы на социальное одобрение, но не стремятся увеличивать число межличностных связей, ощущают связь с родной культурой, но готовы принять ценности и моральные нормативы новой культуры. При этом они обладают высокой самооценкой и не озабочены собственной идентичностью и статусными характеристиками. Слушатели из дальнего зарубежья в большей мере конформны, чем слушатели из ближнего зарубежья.

Обследованные слушатели факультета подготовки иностранных специалистов Санкт-Петербургского университета МВД России в целом характеризуются психологическим благополучием. Слушатели из ближнего зарубежья могут быть описаны как более самостоятельные, независимые, открытые новому опыту, стремящиеся к самоактуализации.

Таким образом, слушатели факультета подготовки иностранных специалистов всесторонне адаптированы к новой для них культуре, отличаются высоким уровнем психологического благополучия.

Выводы

Адаптация и адаптивность в образовательной сфере МВД России должны стать актуальным объектом научного мониторинга. Отсутствие научно обоснованных мероприятий по формированию оптимальных условий для иностранных слушателей может создавать риски срыва адаптации, что, конечно, отрицательно повлияет на качество подготовки специалистов – представителей иностранных государств. Интенсивность международного сотрудничества, расширение границ обмена опытом в системе МВД России говорят о высокой актуальности проблемы адаптации слушателей. Качество образования и получение профессиональных компетенций зависят не только от индивидуально-психологических характеристик личности слушателя, но и от психологически комфортной, безопасной среды.

Понятия «адаптация» и «социализация» тесно связаны между собой, иначе говоря, «приспособление» и процесс привыкания, подстройки под требования социума может рассматриваться и как структурный элемент, и как устройство социальной системы. Существует несколько видов адаптации, и именно психофизиологическая и социально-психологическая находятся во взаимосвязи и интегрированы друг в друга. Освоение личностью определенной роли в новой, культурно «чужой» социальной среде обусловлено факторами социально-психологической включенности личности в структуру внутригрупповых отношений.

1. Кросс-культурная адаптация иностранных слушателей – это такой вид взаимодействия иностранного слушателя со средой образовательной организации, в ходе которого происходит согласование требований и ожиданий субъектов с их возможностями и действительностью среды. Данное взаимодействие имеет обоюдное свойство, т. к. стороны влияют друг на друга и механизм адаптации носит одновременно адаптивный и адаптирующий характер.

2. Сущность кросс-культурной адаптации состоит в преодолении противоречий между требованиями, которые предъявляет этнически смешанный коллектив к личностным качествам слушателя, и уровнем их сформированности.

3. При обучении иностранных слушателей необходимо учитывать этнокультуральные особенности каждого национального социума.

4. Одновременно с этим при создании программ и технологий, позволяющих положительно влиять на успешность адаптации слушателей, в образовательной организации высшего обра-

зования необходимо формировать межъязыковое пространство, созданное на данных многих языков и развивать его.

5. Реализовывая программы психологического сопровождения, необходимо ориентироваться не только на характерологические особенности и особенности темперамента слушателей, но и на особенности, обусловленные принадлежностью к этнической группе, традициям и обычаям культуры.

Список литературы

- Александровский, Ю. А. (1976). *Состояние психической дезадаптации и их компенсация: Пограничные нервно-псих. расстройства*. Москва: Наука.
- Алмазов, Б. Н. (2020). *Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних*: монография. Москва: Издательство Юрайт.
- Амбрумова, А. Г. (1996). Психология самоубийства. *Социальная и клиническая психиатрия*, 4, 14–20.
- Балл, Г. А. (1989). Понятие адаптации и его значение для психологии личности. *Вопросы психологии*, 1, 92–101.
- Баландина, О. В., Божкова, Е. Д., Дворянинова, В. В., Катунова, В. В., Коновалов, А. А. (2019). Коррекция школьной дезадаптации на основе междисциплинарного подхода. *Медицинский альманах*, 2 (59). 24–29.
- Березин, Ф. Б. (1988). *Психическая и психофизиологическая адаптация человека*. Ленинград: Наука.
- Бондаренко, С. В. (2003). Проблема дезадаптации личности. В *Материалы XXXII научно-технической конференции по результатам работы профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов СевКавГТУ за 2002 год. Общественные науки*, 4. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет.
- Братусь, Б. С. (1997). К проблеме человека в психологии. *Вопросы Психологии*, 5, 3–19.
- Выготский, Л. С. (2000). *Психология*. Москва: Эксмо-Пресс.
- Ганнушкин, П. Б. (1964). *Избранные труды*. Москва: Медицина.
- Георгиевский, А. Б. (1989). *Эволюция адаптации: историко-методологическое исследование*. Ленинград: Наука.
- Жмыриков, А. Н. (1989). *Диагностика социально-психологической адаптированности личности в новых условиях деятельности и общения*: автореферат дис. ... канд. психол. наук. Ленинград.
- Иванов, Г. П., Коваленко, Е. Ф. (2012). Личностные факторы, влияющие на процесс становления профессионала в период получения высшего профессионального образования. *Прикладная юридическая психология*, 2, 135–142.
- Кабанова, Т. Н., Дубинский, А. А., Московская, М. С. (2019). Стаж профессиональной деятельности как фактор, детерминирующий различия в восприятии стресса у сотрудников следственных органов. *Прикладная юридическая психология*, 1 (46). 59–68.
- Ковалева, М. Е., Булыгина, В. Г. (2017). Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих). *Психология и право*, 7 (4), 137–150. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070411>
- Корехова, М. В., Соловьев, А. Г., Новикова, И. А. (2014). *Психическая дезадаптация специалистов в экстремальных условиях деятельности*: монография. Архангельск: Издательство Северного государственного медицинского университета.
- Мартиросова, Н. В., Ксенофонтов, А. М. (2021). Опыт организации психологической работы по профилактике дезадаптивных состояний сотрудников органов внутренних

- дел. В *Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях*: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 14 мая 2021 года, стр. 158–163). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.
- Марьин, М. И., Буданов, А. В., Борисова, С. Е. и др. (2004). *Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел*. Главное управление кадров МВД России.
- Московская, М. С., Булыгина, В. Г. (2017). Влияние гендерных различий на особенности восприятия стресса у сотрудников полиции (обзор зарубежных исследований). *Прикладная юридическая психология*, 3, 76–82.
- Налчаджян, А. А. (2010). *Психологическая адаптация: механизмы и стратегии*, 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЭКСМО.
- Никифоров, Г. С. (ред.) (2010). *Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: теория и практика*: монография. Санкт-Петербург: ООО Издательство "Речь"
- Николаев, А. Н. (1984). *Психическая адаптация человека к усложненным условиям деятельности: на примере адаптации спортсменов к условиям соревнований*: дис. ... канд. психол. наук. Ленинград.
- Осницкий, А. В. (2003). *Проблемы психического здоровья и адаптации личности*: монография. Санкт-Петербург: Серебряный век.
- Патрахина, Т. Н., Ткаченко, Ю. И. (2015). К вопросу об адаптации персонала: теоретический аспект. *Молодой учёный*, 7, 464–466.
- Петровский, В. А. (1992). *Психология неадаптивной активности*. Москва: ТОО «Горбунок».
- Пиаже, Ж. (1994). *Избранные психологические труды* (пер. с фр. А. М. Пятигорского и др.). Москва: Международная педагогическая академия.
- Попинако, Е. А. (2019). Проблема профессиональной адаптации в современных научных исследованиях: контент-анализ. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*, 3 (48), 240–247.
- Поршуков, А. С. (2019). Теоретико-методологические аспекты исследований субъектной трансформации сотрудников органов правоохранительной деятельности. *Прикладная юридическая психология*, 4 (49), 135–140.
- Ратинов, А. Р. (1983). Методологические вопросы юридической психологии. *Психологический журнал*, 4 (4), 107–118.
- Реан, А. А., Коломинский, Я. Л. (2000). *Социальная педагогическая психология*. Санкт-Петербург: Издательство «Питер».
- Реан, А. А., Кудашев, А. Р., Баранов, А. А. (2006). *Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика*. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Савченко, Т. Н., Головина, Г. М. (2019). Взаимосвязь идентичности личности субъективного качества жизни и удовлетворенности ею. *Прикладная юридическая психология*, 4 (49), 99–111.
- Хохлов, Н. А., Словенко, Е. Д. (2020). Нейропсихологические предикторы школьной неуспеваемости. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 291–313.
- Шаранов, Ю. А., Устюжанин, В. Н. (2020). Восхождение от симпрактической к синсемантической системе речевого высказывания в процессе развития теоретического

- мышления у курсантов. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (88), 231–240. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-4-231-240>
- Шевеленкова, Т. Д., Фесенко, Т. П. (2005). Психологическое благополучие личности. *Психологическая диагностика*, 3, 95–121.
- Arvate, P., & Souza, A. P. (2022). Armed police and violence: Evidence from a quasi-natural experiment in Brazil. *Economic Modelling*, 111, 105825. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105825>
- Berry, J. W., & Annis, R. C. (1974). Acculturative Stress. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 5 (4), 382–406.
- Brooks, O. (2020). Police Brutality and Blacks: An American Immune System Disorder. *Journal of the National Medical Association*, 112 (3), 239–241. <https://doi.org/10.1016/j.jnma.2020.06.003>
- Crowder, S., Savino, J. O., & Turvey, B. E. (2013). Ethical Issues for Police Officers and Criminal Investigators. *Ethical Justice*, 147–194. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-404597-2.00006-1>
- Ficher, G.-N. (1991). *Les domaines de la Psychologie sociale. 2. Les process du social*. Paris: Dunod.
- Herzog, S. (2000). Is there a distinct profile of police officers accused of violence? The Israeli case. *Journal of Criminal Justice*, 28 (6), 457–471. [https://doi.org/10.1016/s0047-2352\(00\)00062-3](https://doi.org/10.1016/s0047-2352(00)00062-3)
- Lennie, S.-J., Crozier, S. E., & Sutton, A. (2020). Robocop – The depersonalisation of police officers and their emotions: A diary study of emotional labor and burnout in front line British police officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 61, 100365. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.100365>
- Mehari, K. R., Rodgers, C. R. R., Blanton, M. A., & Turner, L. A. (2021). Evaluation of a police training on de-escalation with trauma-exposed youth. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 66, 100491. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2021.100491>
- Minkkinen, J. (2014). Associations between school-related factors and depressive symptoms among children: A comparative study, Finland and Norway. *School psychology international*. 35 (5), 463–474. <https://doi.org/10.1177/0143034313511008>
- Oberg, K. (1960). Culture shock: Adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*, 7, 177–182.
- Pschyk, N., & Kaminska, A. (2015). Some Individual Psychological Predictors of Professional Disadaptation Forming in Surgeons and Physicians. *European Psychiatry*, 30, 1783. [https://doi.org/10.1016/s0924-9338\(15\)31375-4](https://doi.org/10.1016/s0924-9338(15)31375-4)
- Queirós, C., Passos, F., Bártolo, A., Marques, A. J., da Silva, C. F., & Pereira, A. (2020). Burnout and Stress Measurement in Police Officers: Literature Review and a Study With the Operational Police Stress Questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00587>
- Van Gelderen, B., Heuven, E., van Veldhoven, M., Zeelenberg, M., & Croon, M. (2007). Psychological strain and emotional labor among police-officers: A diary study. *Journal of Vocational Behavior*, 71 (3), 446–459. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2007.09.001>
- Yalley, A. A., & Olutayo, M. S. (2020). Gender, masculinity and policing: An analysis of the implications of police masculinised culture on policing domestic violence in southern Ghana and Lagos, Nigeria. *Social Sciences & Humanities Open*, 2 (1), 100077. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100077>

References

- Aleksandrovskij, Yu. A. (1976). *Sostoyanie psichicheskoy dezadaptacii i ih kompensaciya: Pogranichnye nervno-psih. rasstrojstva*. Moscow: Nauka.
- Almazov, B. N. (2020). *Psichicheskaya sredovaya dezadaptaciya nesovershennoletnih: monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo Yurajt.
- Ambrumova, A. G. (1996). Psihologiya samoubijstva. *Social'naya i klinicheskaya psichiatriya*, 4, 14–20.

- Ball, G. A. (1989). Ponyatie adaptacii i ego znachenie dlya psichologii lichnosti. *Voprosy psichologii*, 1, 92–101.
- Balandina, O. V., Bozhkova, E. D., Dvoryaninova, V. V., Katunova, V. V., Konovalov, A. A. (2019). Korrekciya shkol'noj dezadaptacii na osnove mezhdisciplinarnogo podhoda. *Medicinskij al'manah*, 2 (59). 24–29.
- Berezin, F. B. (1988). *Psichicheskaya i psichofiziologicheskaya adaptaciya cheloveka*. Leningrad: Nauka.
- Bondarenko, S. V. (2003). Problema dezadaptacii lichnosti. V *Materialy XXXII nauchno-tehnicheskoy konferencii po rezul'tatam raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov SevKavGTU za 2002 god. Obshchestvennye nauki*, 4. Stavropol': Severo-Kavkazskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet.
- Bratus', B. S. (1997). K probleme cheloveka v psichologii. *Voprosy Psichologii*, 5, 3–19.
- Vygotskij, L. S. (2000). *Psichologiya*. Moskow: Eksmo-Press.
- Gannushkin, P. B. (1964). *Izbrannye trudy*. Moskow: Medicina.
- Georgievskij, A. B. (1989). *Evolyuciya adaptacii: istoriko-metodologicheskoe issledovanie*. Leningrad: Nauka.
- Zhmyrikov, A. N. (1989). *Diagnostika social'no-psichologicheskoy adaptirovannosti lichnosti v novyh usloviyah deyatel'nosti i obshcheniya: avtoreferat dis. ... kand. psihol. nauk*. Leningrad.
- Ivanov, G. P. Kovalenko, E. F. (2012). Lichnostnye faktory, vliyayushchie na process stanovleniya professionala v period polucheniya vysshego professional'nogo obrazovaniya. *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 2, 135–142.
- Kabanova, T. N., Dubinskij, A. A., Moskovskaya, M. S. (2019). Stazh professional'noj deyatel'nosti kak faktor, determiniruyushchij razlichiya v vospriyatii stressa u sotrudnikov sledstvennyh organov. *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 1 (46). 59–68.
- Kovaleva, M. E., Bulygina, V. G. (2017). Psichofiziologicheskie prediktory psichicheskoy adaptivnosti u specialistov opasnyh professij (na primere voennosluzhashchih). *Psichologiya i pravo*, 7 (4), 137–150. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070411>
- Korekhova, M. V., Solov'ev, A. G., Novikova, I. A. (2014). *Psichicheskaya dezadaptaciya specialistov v ekstremal'nyh usloviyah deyatel'nosti: monografiya*. Arhangel'sk: Izdatel'stvo Severnogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta.
- Martirosova, N. V., Ksenofontov, A. M. (2021). Opyt organizacii psichologicheskoy raboty po profilaktike dezadaptivnyh sostoyanij sotrudnikov organov vnutrennih del. V *Psichologo-pedagogicheskie aspekty podgotovki kadrov k professional'noj deyatel'nosti v ekstremal'nyh usloviyah: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 14 maya 2021 goda, str. 158–163)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby Ministerstva Rossijskoj Federacii po delam grazhdanskoj oborony, chrezvychajnym situacijam i likvidacii posledstvij stihijnyh bedstvij imeni Geroya Rossijskoj Federacii generala armii E. N. Zinicheva.
- Mar'in, M. I., Budanov, A. V., Borisova, S. E. i dr. (2004). *Profilaktika professional'noj deformacii lichnosti sotrudnika organov vnutrennih del*. Glavnoe upravlenie kadrov MVD Rossii.
- Moskovskaya, M. S., Bulygina, V. G. (2017). Vliyanie gendernyh razlichij na osobennosti vospriyatija stressa u sotrudnikov policii (obzor zarubezhnyh issledovanij). *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 3. 76–82.
- Nalchadzhyan, A. A. (2010). *Psichologicheskaya adaptaciya: mekhanizmy i strategii*, 2-e izd., pererab. i dop. Moskow: EKSMO.
- Nikiforov, G. S. (red.) (2010). *Psichologicheskoe obespechenie professional'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: monografiya*. Saint Petersburg: OOO Izdatel'stvo "Rech"

- Nikolaev, A. N. (1984). *Psichicheskaya adaptaciya cheloveka k uslozhnennym usloviyam deyatel'nosti: na primere adaptacii sportsmenov k usloviyam sorevnovanij: dis. ... kand. psihol. nauk.* Leningrad.
- Osnickij, A. V. (2003). *Problemy psichicheskogo zdorov'ya i adaptacii lichnosti: monografiya.* Saint Petersburg: Serebryanyj vek.
- Patrahina, T. N., Tkachenko, Yu. I. (2015). K voprosu ob adaptacii personala: teoreticheskij aspekt. *Molodoy uchyonyj*, 7, 464–466.
- Petrovskij, V. A. (1992). *Psichologiya neadaptivnoj aktivnosti.* Moscow: TOO «Gorbunok».
- Piazhe, Zh. (1994). *Izbrannye psichologicheskie trudy* (per. s fr. A. M. Pyatigorskogo i dr.). Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya.
- Popinako, E. A. (2019). Problema professional'noj adaptacii v sovremennyh nauchnyh issledovaniyah: kontent-analiz. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psichologiya*, 3 (48). 240–247.
- Porshukov, A. S. (2019). Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovanij sub"ektnoj transformacii sotrudnikov organov pravoohranitel'noj deyatel'nosti. *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 4 (49), 135–140.
- Ratinov, A. R. (1983). Metodologicheskie voprosy yuridicheskoy psichologii. *Psichologicheskij zhurnal*, 4 (4), 107–118.
- Rean, A. A., Kolominskij, Ya. L. (2000). *Social'naya pedagogicheskaya psichologiya.* Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Piter».
- Rean, A. A., Kudashev, A. R., Baranov, A. A. (2006). *Psichologiya adaptacii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika.* Saint Petersburg: Prajm-EVROZNAK.
- Savchenko, T. N., Golovina, G. M. (2019). Vzaimosvyaz' identichnosti lichnosti sub"ektivnogo kachestva zhizni i udovletvorennosti eyu. *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 4 (49), 99–111.
- Hohlov, N. A., Slovenko, E. D. (2020). Nejropsichologicheskie prediktory shkol'noj neuspevaemosti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psichologiya*, 3, 291–313.
- Sharanov, Yu. A., Ustyuzhanin, V. N. (2020). Voskhozhdenie ot simprakticheskoy k sinsemanticheskoy sisteme rechevogo vyskazyvaniya v processe razvitiya teoreticheskogo myshleniya u kursorantov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (88), 231–240. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-4-231-240>
- Shevelenkova, T. D., Fesenko, T. P. (2005). *Psichologicheskoe blagopoluchie lichnosti. Psichologicheskaya diagnostika*, 3, 95–121.
- Arvate, P., & Souza, A. P. (2022). Armed police and violence: Evidence from a quasi-natural experiment in Brazil. *Economic Modelling*, 111, 105825. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.105825>
- Berry, J. W., & Annis, R. C. (1974). Acculturative Stress. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 5 (4), 382–406.
- Brooks, O. (2020). Police Brutality and Blacks: An American Immune System Disorder. *Journal of the National Medical Association*, 112 (3), 239–241. <https://doi.org/10.1016/j.jnma.2020.06.003>
- Crowder, S., Savino, J. O., & Turvey, B. E. (2013). Ethical Issues for Police Officers and Criminal Investigators. *Ethical Justice*, 147–194. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-404597-2.00006-1>
- Ficher, G.-N. (1991). *Les domaines de la Psychologie sociale. 2. Les process du social.* Paris: Dunod.
- Herzog, S. (2000). Is there a distinct profile of police officers accused of violence? The Israeli case. *Journal of Criminal Justice*, 28 (6), 457–471. [https://doi.org/10.1016/s0047-2352\(00\)00062-3](https://doi.org/10.1016/s0047-2352(00)00062-3)
- Lennie, S.-J., Crozier, S. E., & Sutton, A. (2020). Robocop – The depersonalisation of police officers and their emotions: A diary study of emotional labor and burnout in front line British police officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 61, 100365. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.100365>

- Mehari, K. R., Rodgers, C. R. R., Blanton, M. A., & Turner, L. A. (2021). Evaluation of a police training on de-escalation with trauma-exposed youth. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 66, 100491. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2021.100491>
- Minkkinen, J. (2014). Associations between school-related factors and depressive symptoms among children: A comparative study, Finland and Norway. *School psychology international*, 35 (5), 463–474. <https://doi.org/10.1177/0143034313511008>
- Oberg, K. (1960). Culture shock: Adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*, 7, 177–182.
- Pschyk, N., & Kaminska, A. (2015). Some Individual Psychological Predictors of Professional Disadaptation Forming in Surgeons and Physicians. *European Psychiatry*, 30, 1783. [https://doi.org/10.1016/s0924-9338\(15\)31375-4](https://doi.org/10.1016/s0924-9338(15)31375-4)
- Queirós, C., Passos, F., Bártolo, A., Marques, A. J., da Silva, C. F., & Pereira, A. (2020). Burnout and Stress Measurement in Police Officers: Literature Review and a Study With the Operational Police Stress Questionnaire. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00587>
- Van Gelderen, B., Heuven, E., van Veldhoven, M., Zeelenberg, M., & Croon, M. (2007). Psychological strain and emotional labor among police-officers: A diary study. *Journal of Vocational Behavior*, 71 (3), 446–459. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2007.09.001>
- Yalley, A. A., & Olutayo, M. S. (2020). Gender, masculinity and policing: An analysis of the implications of police masculinised culture on policing domestic violence in southern Ghana and Lagos, Nigeria. *Social Sciences & Humanities Open*, 2 (1), 100077. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100077>

Информация об авторах

Валентина Александровна Белянкина – заместитель начальника кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук.

Игорь Борисович Бантюков – заместитель начальника кафедры огневой подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

About the authors

Valentina A. Belyankina – Deputy Head of the Department of Legal Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Psy.).

Igor B. Bantyukov – Deputy Head of the Department of fire training of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Jurid.).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 10.07.2024

Одобрена после рецензирования 24.09.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted July 10, 2024

Approved after reviewing September 24, 2024

Accepted December 28, 2024

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-576-585

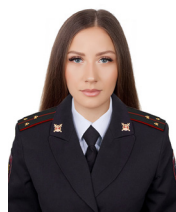
Диагностика сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества

Мария Александровна Ерофеева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
erofeeva-ma72@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7176-513X

Дарья Андреевна Харламова

УМВД России по городу Смоленску
(Смоленск, Россия)
kharlamova.dashulya@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0126-2777

Аннотация

Введение. В современных реалиях, когда все сферы деятельности человечества претерпевают изменения в связи с внедрением информационно-телекоммуникационных технологий, в системе образования также происходят серьезные изменения. Одним из главных векторов развития высшего образования в Российской Федерации на современном этапе является ориентация оценки результата образования на развитие компетенций, характеризующих способность будущего специалиста эффективно действовать в различных, в т. ч. проблемных и творческих профессиональных ситуациях, что требует анализа и разработки диагностического аппарата для оценки сформированности компетенций. **Методы исследования.** В исследовании использованы теоретический анализ педагогической и учебной литературы, нормативных правовых актов и источников сети «Интернет», общенаучные методы научного познания. **Результаты.** Рассматривая подготовку будущих специалистов к профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества, необходимо отметить, что профессиональное обучение в первую очередь направлено на формирование профессиональных компетенций. Вторым важным аспектом является диагностика сформированности компетенций обучающихся для оценки эффективности профессионального обучения курсантов и дальнейшей разработки стратегий образовательного процесса для достижения результата. В рамках диагностики сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества можно использовать различные методы и подходы. Диагностика сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества может быть произведена с помощью следующих методов: тестирование, портфолио, кейс-метод, наблюдение и анализ

деятельности, метод проектов, рефлексия. Каждый из методов имеет свои преимущества и недостатки. Для достижения поставленных целей и задач учебного процесса необходимо использовать данные методы в совокупности. Эффективность использованных методов зависит от профессионализма преподавательского состава и их творческого подхода.

Ключевые слова

несовершеннолетний, деструктивные интернет-сообщества, профилактика, курсант, профессиональное обучение, компетенции, диагностический инструментарий

Для цитирования: Ерофеева, М. А., Харламова, Д. А. (2024). Диагностика сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 576–585. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-576-585.

Original paper

Diagnostics of the cadets' competencies formation for the prevention of the minors' involvement in destructive Internet communities

Mariya A. Erofeeva

Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)

erofeeva-ma72@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7176-513X

Daria A. Kharlamova

Regional Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Smolensk
(Smolensk, Russia)

kharlamova.dashulya@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0126-2777

Abstract

Introduction. In modern realities, when all spheres of human activity are undergoing transformation due to the introduction of information and telecommunication technologies, the educational system is also seriously changing. One of the main vectors of the higher education development in the Russian Federation at the present stage is the orientation of the education result assessment to the development of competencies characterising the ability of a future specialist to act effectively in various, including problematic and creative professional, situations, which requires analysis and development of a diagnostic apparatus for the competencies formation assessment. **Research methods.** In the research there were used a theoretical analysis of pedagogical and educational literature, normative legal acts and the Internet sources, general scientific methods of scientific cognition. **Results.** Considering the training of future specialists to prevent the minors' involvement in destructive Internet communities, it should be noted that vocational training is primarily aimed at the formation of professional competencies. The second important aspect is the diagnosis of the learners' competencies formation. Various methods and approaches can be used to diagnose the cadets' competencies formation in preventing the minors' involvement in destructive Internet communities. Diagnostics of the cadets' competencies formation to prevent the minors' involvement in destruc-

tive Internet communities can be performed by using the following methods: testing, portfolio, case method, monitoring and analysis of activities, project method, reflection. Each of the methods has its advantages and disadvantages. To achieve the goals and objectives of the educational process it is important to combine these methods. The effectiveness of the used methods depends on the teaching staff professionalism and their creative approach.

Keywords

minor, destructive Internet communities, prevention, cadet, vocational training, competencies, diagnostic tools

For citation: Erofeeva, M. A., Kharlamova, D. A. (2024). Diagnostics of the cadets' competencies formation for the prevention of the minors' involvement in destructive Internet communities. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 576–585. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-576-585.

Введение

В современных реалиях, когда все сферы деятельности человечества претерпевают изменения в связи с внедрением информационно-телекоммуникационных технологий, система образования также претерпевает серьезные изменения. Одним из главных векторов развития высшего образования в Российской Федерации на современном этапе является ориентация оценки результата образования на развитие компетенций, характеризующих способность будущего специалиста эффективно действовать в различных, в т. ч. проблемных и творческих профессиональных ситуациях, что требует анализа и разработки диагностического аппарата для оценки сформированности компетенций.

Методы

Теоретический анализ педагогической и учебной литературы, нормативных правовых актов и источников сети «Интернет», общенаучные методы научного познания.

Результаты и обсуждение

В первую очередь, необходимо обратиться к научной литературе и обозначить понятие «компетенция». Понятие «компетенция» в переводе с латинского («competens») означает соответствовать, соотносить, подходить. Впервые данный термин был введен в 1959 году американским психологом Р. Уайтом и означал способность личности эффективно взаимодействовать с окружающей средой (Reiss, 2004). В свою очередь Д. Макклелланд рассматривал данное понятие с точки зрения социальной психологии. В российском образовании понятие компетенции уже около 40 лет назад в своих исследованиях по обучению иностранным языком использовала И. Л. Бим (Корнеева и др., 2016). А. В. Хуторской определяет компетенцию как некую норму, заранее заданное требование к уровню образования обучающегося (Хуторской, 2005). И. А. Зимняя раскрывает понятие компетенция как «некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях» (Фаритов, 2021). Х. Э. Мамалова, А. О. Плиева, А. Б. Журтов отмечают, что «под компетенцией понимается возможность специалиста решать профессиональный круг задач» (Мамалова, Плиева, Журтов, 2021).

В соответствии с ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «профессиональное обучение – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенции, необходимых

для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий)»¹.

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 15 апреля 2021 г. № 297 был утвержден новый Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (далее ФГОС ВО) – специалитет по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения. В соответствии с данным нормативным правовым актом у обучающихся по данной специальности должны быть сформированы общепрофессиональные и универсальные компетенции. Профессиональные компетенции определяются организацией самостоятельно на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, за исключением профессиональных компетенций, формируемых в рамках программ специалитета, указанных в п.1.5 ФГОС ВО. Отсылка на данную дефиницию нормативного правового акта свидетельствует о том, что при подготовке кадров в сфере внутренних дел перечень профессиональных компетенций определяется на основе квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников, устанавливаемых федеральным государственным органом, в ведении которого находится соответствующая организация.

Прежде чем перейти к подробному анализу компетенций и диагностике их сформированности, необходимо остановиться на профилактической деятельности по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества со стороны сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН).

Сегодня несовершеннолетние большую часть своего свободного времени проводят в гаджетах, компьютерах и т. д. Данная проблема не может не беспокоить, т. к. при нахождении в онлайн-среде несовершеннолетние могут столкнуться с негативной информацией, травлей, вовлечением в деструктивные интернет-сообщества. Проблема вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества рассматривается многими авторами. Так, например, Н. В. Голубых и Н. В. Потанин отмечают, что «в настоящий период времени особую значимость приобретает проблема противодействия преступлениям в виртуальной среде. Особенно это касается преступлений, связанных с вовлечением в их совершение несовершеннолетних» (Голубых, Потанин, 2020). В свою очередь И. А. Кирянина считает, что «стремительное развитие информационных технологий в настоящее время влечет рост виртуально-организованной преступности, целью которой являются не только пропаганда и вербовка несовершеннолетних в экстремистские и террористические организации, вовлечение несовершеннолетних сферу виртуальной порноиндустрии, но и формирование деструктивных интернет-сообществ (группы смерти, анорексивные группы, депрессивные группы и др.)» (Кирянина, 2018). Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, А. А. Дренева, С. Н. Илюхина в своих трудах подчеркивают, что «интернет становится пространством не только все новых возможностей, но и рисков, которые, как правило, связаны с различными видами деструктивного онлайн-поведения», при этом «высокие темпы цифровизации и особенности цифрового пространства, с одной стороны, недостаточный уровень цифровой грамотности и позитивной цифровой культуры, а также возрастно-психологические особенности подростков и молодежи – с другой, делают их наиболее уязвимыми к опасностям и угрозам деструктивного поведения в Интернете»².

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

² Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Дренева, А. А., Илюхина, С. Н. (2019). *Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учебно-методическое пособие*. Когито-Центр.

Интернет-платформы в действительности могут нести негативные последствия для подрастающего поколения. В силу своих психологических, возрастных и физиологических особенностей несовершеннолетние не всегда могут отличить полезную информацию из интернета от негативной, которая может способствовать формированию деструктивного поведения и изменению мировоззрения в целом. Также не всегда несовершеннолетние могут распознать, что на них оказывают манипулятивные воздействия для вовлечения их в деструктивные интернет-сообщества.

Уход несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества может быть вызван разными причинами:

- 1) поиск идентичности и своего собственного «Я». Обычно в деструктивных интернет-сообществах несовершеннолетние ищут одобрения, принятия и свое место в обществе;
- 2) избегание проблем и непонимание со стороны родителей, одноклассников, друзей. Администраторы же деструктивных интернет-сообществ всегда понимают несовершеннолетних, придают им значимость;
- 3) поиск поддержки и общения (в том случае, когда подростки чувствуют себя изолированными от общества и никому не нужными);
- 4) желание испытать новые ощущения или же поведение, вызванное азартными мотивами;
- 5) воздействие окружения, когда кто-то из близких друзей несовершеннолетнего уже состоит в деструктивном интернет-сообществе и рассказывает «в красках» об этой группе;
- 6) кризис семейных отношений;
- 7) отсутствие альтернативных занятий (хобби);
- 8) соответствие определенным стереотипам (идеалам) и т. д.

Основные полномочия по защите прав и законных интересов несовершеннолетних находятся в компетенции подразделений по делам несовершеннолетних, деятельность которых регламентирована следующими нормативными правовыми актами: Федеральный закон № 3 «О полиции», приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В соответствии с этими документами профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества в первую очередь осуществляется сотрудниками ПДН.

Прежде чем перейти к рассмотрению диагностического инструментария в аспекте сформированности компетенций курсантов в данной деятельности, подчеркнем, что в рамках Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя обучающиеся (будущие инспекторы ПДН) проходят подготовку по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения, специализация – Психолого-педагогическое и правовое обеспечение работы правоохранительных органов с несовершеннолетними, склонными к девиантному поведению, по очной форме обучения (поколение ФГОС 3++).

Возвращаясь к понятию «компетенция», отметим, что мы рассматриваем его как обозначение образовательного результата, представляющего подготовку выпускника к реальной профессиональной деятельности, владение методами и средствами деятельности, обладание совокупностью знаний, умений и навыков, которые позволяют выполнять профессиональные задачи, а также способность обучающегося конструктивно использовать и применять сформированные у него знания и умения в конкретной ситуации для результативного решения профессиональных задач.

Освоение компетенций в рамках ФГОС 3++ предусмотрено в ходе изучения дисциплин (модулей) и прохождения практик. В соответствии с учебными планами Московского универ-

ситета МВД России имени В. Я. Кикотя УК, ОПК, ПК предусматривают освоение индикаторов «знания», «умения», «владения». Для профессиональной деятельности требуется компетентный специалист, способный применять свои знания, умения, навыки, а также личностные качества, которые необходимы для продуктивного решения поставленных задач в будущей профессиональной деятельности.

В рамках диагностики сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества можно использовать различные методы и подходы.

Для начала обозначим основные ПК, которые должны быть сформированы у курсантов для осуществления вышеуказанной проблемы:

1) ПК 1. Способен осуществлять профилактическую работу с несовершеннолетними, в том числе совершившими антиобщественное действие, административное правонарушение, общественно опасное деяние, преступление, а также родителями (иными законными представителями несовершеннолетних), злоупотребляющими алкогольной и (или) спиртосодержащей продукцией, употребляющими наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, либо одурманивающие вещества, не исполняющими или ненадлежащим образом исполняющими свои обязанности по содержанию, воспитанию и обучению несовершеннолетних либо допускающими жестокое обращение с ними, а также отрицательно влияющими на поведение несовершеннолетних.

2) ПК 2. Способен проводить профилактические мероприятия по предупреждению совершения террористических актов в образовательных организациях; предупреждению и пресечению правонарушений и антиобщественных действий, в т. ч. экстремистской направленности, со стороны обучающихся в образовательных организациях либо в отношении них, а также с группами несовершеннолетних антиобщественной направленности.

3) ПК 3. Способен осуществлять мероприятия по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, преступлений, совершаемых несовершеннолетними и (или) в отношении них.

4) ПК 9. Способен осуществлять комплексный анализ материалов, размещенных в средствах массовой информации, сообщений государственных органов, общественных объединений, обращений граждан, а также других материалов, содержащих информацию, необходимую для организации работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, осуществлять сбор и обобщение информационно-статистических материалов на образовательные организации, расположенные на обслуживаемой территории.

5) ПК 15. Способен решать задачи профессиональной служебной деятельности по противодействию преступлениям и иным правонарушениям, в т. ч. совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

6) ПК 30. Способен применять приемы диагностики личности по внешним признакам, характерологическим и поведенческим особенностям, в т. ч. выявлять по внешним признакам лиц, вынашивающих преступные замыслы, планирующих совершение террористических актов и экстремистских действий.

Относительно необходимых знаний, умений и навыков, необходимых курсантам для профилактики вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества, отметим следующие: знать актуальные деструктивные интернет-сообщества и их основные характеристики, знать маркеры вовлеченности несовершеннолетних в сообщества данной направленности, знать процесс вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества; уметь осуществлять мониторинг страниц несовершеннолетних в социальных сетях, а также сообществ и сайтов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», проводить

профилактические беседы с несовершеннолетними, их родителями (законными представителями), проводить профилактические мероприятия в образовательных учреждениях; использовать цифровые ресурсы в профессиональной деятельности; проводить мониторинг страниц, сообществ, сайтов; проведения профилактических мероприятий.

Диагностика сформированности компетенций курсантов по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества может быть проведена с помощью следующих методов: тестирование, портфолио, кейс-метод, наблюдение и анализ деятельности, метод проектов, рефлексия. Далее разберем подробнее вышеперечисленные методы и приведем разработанные примеры готовых заданий.

Тестирование – форма измерения знаний учащихся, основанная на применении педагогических тестов. Данный метод выполняет три функции: диагностическую (выявление уровня знаний, умений и навыков), обучающую (мотивирует обучающегося к активизации деятельности при усвоении учебного материала), воспитательную (дисциплинирует, организует и направляет деятельность обучающихся, позволяет выявить пробелы в знаниях). Важно отметить, что при разработке тестирования по вышеуказанной проблеме преподавателю необходимо самому хорошо ориентироваться в теме, а также первоначально задать цель (для чего необходима разработка теста и какой именно должен быть получен результат), после чего четко сформулировать вопросы и варианты ответов на них. Также данный метод можно реализовывать и с помощью интернет-платформ, например, «Google Формы», в которой преподаватель может не только создать тест, но и выбрать форму ответа на вопрос, а также получить статистику прохождения теста обучающимися. В рамках вышеуказанной проблемы перечень вопросов может быть следующим: в каком нормативно-правовом акте закреплены основные полномочия инспектора по делам несовершеннолетних? Входит ли в полномочия сотрудника ПДН информирование территориального органа Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – о выявлении страниц сайтов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», пропагандирующих суицид, а также противоправные действия, представляющие опасность для жизни и здоровья несовершеннолетнего? Деструктивное поведение – это? На территории Российской Федерации криминальная субкультура АУЕ («Арестантское уголовное единство»)* признана? К основным характеристикам идеологии криминальной субкультуры АУЕ* относятся? Скулшутинг (Колумбайн) – это? Движения, пропагандирующие аутодеструктивное поведение – это? «М.К.У» («Маньяки. Культ убийства») – это? При обнаружении учащегося с признаками к готовящемуся «Скулшутингу» следует? Под юрисдикцию какой статьи КоАП РФ попадает следующее правонарушение «Незаконное распространение информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий»? К маркерам внешнего вида представителей криминальной субкультуры относятся? Алгоритм определения уровня вовлеченности лица в деструктивные сообщества включает в себя выявление? Информация, распространяемая в информационно-телекоммуникационной сети Интернет деструктивными сообществами, какими признаками характеризуется?

И при прохождении тестирования должны быть обязательно разработаны критерии оценивания, например, за каждый правильный ответ на вопрос предусмотрено 2 балла. Для определения уровня знаний и умений по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества предусмотрены следующие нормативные границы:

28-30 баллов – высокий уровень знаний и умений по профилактике вовлечения подростков в деструктивные интернет-сообщества;

20-26 баллов – средний уровень знаний и умений по профилактике вовлечения подростков в деструктивные интернет-сообщества;

0-18 баллов – низкий уровень знаний и умений по профилактике вовлечения подростков в деструктивные интернет-сообщества.

Кейс-метод (от англ. case – случай, ситуация) – это метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач-ситуаций (кейсов). Данный метод предусмотрен для решения сложных проблем, которые не имеют четкой структуры и предполагают применение обучающимися своих знаний, умений и навыков, своего творческого потенциала и креативности. Кейс-метод позволяет демонстрировать теорию с точки зрения реальных событий. Ниже нами представлен примерный перечень кейс-задач.

Задача 1. К сотруднику подразделения по делам несовершеннолетних обратилась мать несовершеннолетнего Z, которая пояснила, что ее сын последнее время находится в подавленном состоянии, у него поменялся режим сна, он мало ест, с друзьями перестал общаться. При разговоре с матерью несовершеннолетний Z отвечает, что у него все хорошо, просто он хочет побыть один. Мать несовершеннолетнего Z с помощью фейковой страницы просмотрела страницу своего сына и увидела, что он публикует записи суицидального характера; записи, идеализирующие смерть. Все свои фотографии несовершеннолетний в социальной сети также удалил, а вместо них выложил грустные картинки.

1) Данное описание ситуации может свидетельствовать о том, что несовершеннолетний вовлечен в деструктивную группу. Какую именно группу? Охарактеризуйте ваш ответ, согласно основным характеристикам деструктивных интернет-сообществ.

2) Опишите основные маркеры вовлеченности несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества.

Задача 2. К сотруднику по делам несовершеннолетних обратился классный руководитель 9 «Г» класса МБОУ СОШ № 101, которая пояснила, что несовершеннолетний N (15 лет) во время перемены показывал одноклассникам интернет-сообщество, на котором транслируются фрагменты насилия, убийства, пропаганда оружия и взрывчатых устройств. В свою очередь, классный руководитель позвонила родителям несовершеннолетнего N и попросила, чтобы родители узнали у своего сына, что за сайт он показывал одноклассникам, и прислали ей ссылку. Ссылку сайта родители прислали классному руководителю и она ее предоставила сотруднику ПДН.

По каким маркерам Вы бы анализировали данное интернет-сообщество? Опишите, какие вы знаете деструктивные интернет-сообщества и их основные характеристики.

Обязаны ли вы привлечь несовершеннолетнего N к административной ответственности?

Задача 3. Сотрудник ПДН в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» обнаружит сайт, пропагандирующий противоправные действия, представляющие опасность для жизни и здоровья несовершеннолетнего, на который подписаны несовершеннолетние, состоящие у него на профилактическом учете.

Какие меры необходимо принять сотруднику ПДН в соответствии с приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»?

По каким маркерам сотрудник ПДН мог определить, что данный сайт действительно представляет опасность для жизни и здоровья несовершеннолетних? Перечислите маркеры, по которым осуществляется мониторинг страниц несовершеннолетних в социальных сетях.

При оценке решения данных ситуационных задач преподавателем должны быть обязательно разработаны критерии оценки выполнения. Критериями оценки могут быть следующие:

5 баллов (высокий уровень) – все задачи выполнены правильно;

4 балла (средний уровень) – верно выполнены две задачи;

3 балла (низкий уровень) – верно выполнена 1 задача;

0 баллов – ни одно из заданий не выполнено.

Наблюдение и анализ деятельности – суть данного метода заключается в систематическом наблюдении за деятельностью обучающегося (группы) для анализа их действий, алгоритма решения заданий, коммуникации, полученных результатов и пр.

Метод проектов – данный метод обучения предусмотрен с целью самостоятельного планирования, организации и выполнения проектной деятельности обучающихся. Обучающихся в рамках данного метода самостоятельно ищут решение для практической задачи (проблемы).

Рефлексия – метод, позволяющий обучающимся осознать, проанализировать свой собственный опыт обучения, оценить сформированность своих навыков, произвести анализ своих ошибок.

Важно подчеркнуть, что каждый из методов имеет свои преимущества и недостатки. Важно использовать данные методы в совокупности для достижения поставленных целей и задач учебного процесса. При этом эффективность использованных методов зависит от профессионализма преподавательского состава и их творческого подхода.

Заключение

В заключении отметим, что в современных реалиях важно подготовить, в рамках получения высшего профессионального образования, компетентного специалиста, который сможет применять знания, умения и навыки при решении профессиональных задач. Важно на каждом этапе образовательного процесса производить диагностику полученных знаний, умений, навыков у обучающихся. Диагностика нацелена в первую очередь на помощь курсантам в получении ими более качественного образования. С помощью диагностики представляется возможность не только дать сиюминутный срез уровня сформированности тех или иных компетенций, но и выявить динамику и тенденции к их формированию, что позволит скорректировать педагогический процесс.

Также после реализации диагностики сформированности компетенций курсантов нами предложены следующие рекомендации для более эффективного достижения целей образовательного процесса: разработка индивидуальных траекторий обучающихся в образовательном процессе, создание интерактивных платформ, привлечение специалистов из разных областей, постоянный мониторинг.

Список литературы

- Голубых, Н. В., Потанин, К. В. (2020). Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности. *Вестник Уральского юридического института МВД России*, 4 (28), 121–124.
- Кирянина, И. А. (2018). Альтернативные формы профилактической деятельности Следственного комитета, направленной на противодействие вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. В А. М. Багмет (ред.), *Уголовно-правовая политика в сфере охраны прав несовершеннолетнего: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (Новосибирск, 07 июня 2018 года, стр. 73–77). Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.
- Корнеева, Л. И., Обвинцева, О. В., Томберг, О. В., Игнаткова, С. В. (2016). *Теоретико-методологические основы подготовки лингвистов-переводчиков в вузе: монография*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет.
- Мамалова, Х. Э., Плиева, А. О., Журтов, А. Б. (2021). Понятие компетенции в стандартах высшего профессионального образования. *Проблемы современного педагогического образования*, 71-2, 238–241.
- Фаритов, А. Т. (2021). Методы диагностики уровня сформированности инженерной компетенции обучающихся основного общего образования. *Научное обозрение. Педагогические науки*, 1, 73–77.
- Хуторской, А. В. (2005). Технология проектирования ключевых и предметных компетенций. *Интернет-журнал «Эйдос»*. <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (дата обращения 05.07.2024)

Reiss, S. (2004). Multifaceted Nature of Intrinsic Motivation: The Theory of 16 Basic Desires. *Review of General Psychology*, 8 (3), 179–193. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.8.3.179>

References

- Golubyh, N. V., Potanin, K. V. (2020). Preduprezhdenie вовлечeniya nesovershennoletnih v deyatel'nost' destruktivnyh internet-soobshchestv ekstremistskoj napravlenosti. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 4 (28), 121–124.
- Kiryanina, I. A. (2018). Al'ternativnye formy profilakticheskoy deyatel'nosti Sledstvennogo komiteta, napravlennoj na protivodejstvie вовлечeniya nesovershennoletnih v destruktivnye internet-soobshchestva. V A. M. Bagmet (red.), *Ugolovno-pravovaya politika v sfere ohrany prav nesovershennoletnego: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Novosibirsk, 07 iyunya 2018 goda, str. 73–77). Moscow: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii.
- Korneeva, L. I., Obvinceva, O. V., Tomberg, O. V., Ignatkova, S. V. (2016). *Teoretiko-metodologicheskie osnovy podgotovki lingvistov-perevodchikov v vuze: monografiya*. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet.
- Mamalova, H. E., Plieva, A. O., Zhurtoy, A. B. (2021). Ponyatie kompetencii v standartah vysshego professional'nogo obrazovaniya. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 71-2, 238–241.
- Faritov, A. T. (2021). Metody diagnostiki urovnya sformirovannosti inzhenernoj kompetencii obuchayushchihsya osnovnogo obshchego obrazovaniya. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*, 1, 73–77.
- Hutorskoj, A. V. (2005). Tekhnologiya proektirovaniya klyuchevyh i predmetnyh kompetencij. *Internet-zhurnal «Ejdos»*. <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (data obrashcheniya 05.07.2024)
- Reiss, S. (2004). Multifaceted Nature of Intrinsic Motivation: The Theory of 16 Basic Desires. *Review of General Psychology*, 8 (3), 179–193. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.8.3.179>

Информация об авторах

Мария Александровна Ерофеева – профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор.

Дарья Андреевна Харламова – старший инспектор (по делам несовершеннолетних) отделения по делам несовершеннолетних отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних УМВД России по городу Смоленску.

About the authors

Maria A. Erofeeva – Professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Dr. Sci. (Pedag.), Professor.

Daria A. Kharlamova – Senior inspector (for juvenile affairs) of the Department for juvenile affairs of the Department of local police commissioners and for juvenile affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Smolensk.

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution. The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 10.09.2024

Одобрена после рецензирования 20.10.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted September 10, 2024

Approved after reviewing October 20, 2024

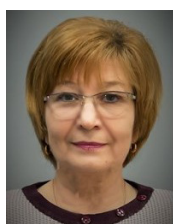
Accepted December 28, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-586-598

Отношение подростков сельской местности к сквернословию в своей среде

Татьяна Ивановна Куликова

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)
tativkul@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8655-1599

Аннотация

Введение. В статье поднимается проблема сквернословия в подростковой среде, актуальность которой обосновывается возрастающим количеством жалоб педагогов и родителей на слишком активное использование подростками сквернословия в межличностном взаимодействии. **Методы.** Приводится анализ социально-психологической и педагогической литературы по проблеме сквернословия в подростковом возрасте и результаты эмпирического исследования, проведенного с целью выявления причин и факторов распространения сквернословия среди подростков и обоснования необходимости его профилактики в условиях сельской школы. В исследовании приняли участие 72 подростка в возрасте 13–15 лет, обучающиеся в 7, 8 и 9-м классах сельских малокомплектных школ. В качестве диагностического материала были применены анкета «Сквернословие в моей жизни»; опросник на выявление причин сквернословия; анализ документов; тест-опросник для определения уровня самооценки С. В. Ковалева; методика диагностики межличностных и межгрупповых отношений «Социометрия» (Дж. Морено); методика диагностики оценки самоконтроля в общении М. Снайдера. **Результаты.** Выявлено, что использование ненормативной лексики представляет привычную форму личностного самовыражения подростков, является одним из способов проявления взрослости и возможности занимать более значимую позицию в референтной группе. Разработка комплексной программы профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков будет способствовать формированию у них негативного отношения к обценной лексике.

Ключевые слова

подростки, сквернословие, самооценка, социальный статус, референтная группа, самоконтроль, социально-педагогическая профилактика

Для цитирования: Куликова, Т. И. (2024). Отношение подростков сельской местности к сквернословию в своей среде. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 586–598. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-586-598.

Original paper

Attitude of rural teenagers to profanity in their community

Tatiana I. Kulikova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

(Tula, Russia)

tativkul@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8655-1599

Abstract

Introduction. The article raises the issue of profanity in teenage community, the relevance of which is substantiated by the increasing number of complaints of teachers and parents about too active use of profanity by teenagers in interpersonal interaction. **Methods.** The author analyses the socio-psychological and pedagogical literature on the problem of profanity in the teen age and the results of an empirical study conducted to identify the causes and factors of the spread of profanity among teenagers and to substantiate the necessity of its prevention in the conditions of rural schools. The study involved 72 adolescents aged 13-15 years studying in grades 7, 8, and 9 in rural low-complete schools. The diagnostic material included a questionnaire “Profanity in my life”; a questionnaire to identify the causes of profanity; document analysis; a test-questionnaire to determine the level of self-esteem by S. V. Kovalev; a method of diagnosing interpersonal and intergroup relations “Sociometry” (J. Moreno); a method of diagnosing the assessment of self-control in communication by M. Snyder. **Results.** The author revealed that the use of profanity is a regular form of personal self-expression of teenagers, is one of the ways of manifestation of adulthood and the possibility to occupy a more significant position in the reference group. The development of a comprehensive programme for the prevention of profanity in interpersonal interaction between adolescents will contribute to the formation of their negative attitude to profanity.

Keywords

teenagers, profanity, self-esteem, social status, reference group, self-control, socio-pedagogical prevention

For citation: Kulikova, T. I. (2024). Attitude of rural teenagers to profanity in their community. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 586–598. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-586-598.

Введение

Проблема чистоты речи сегодня стоит особенно остро, поскольку нецензурные выражения можно услышать в любом месте: на работе, в транспорте, в очереди, но что еще страшнее – в школе. Сквернословие является серьезной проблемой в межличностном взаимодействии подростков. Современные исследователи – как российские, так и зарубежные – подчеркивают сложность изучения объекта сквернословия в молодежной среде, особенно среди подростков. Ненормативная лексика становится сегодня неотъемлемой частью разговорной речи, хотя и является признаком отклоняющегося речевого поведения молодежи (Могутова, 2020). Молодые люди чувствуют себя неуютно без использования бранной лексики не только в реальном взаимодействии, но в онлайн-коммуникации, что актуализирует

задачу исследования причин и факторов формирования и распространения сквернословия (Liu, Zhang, Li, 2023).

Сквернословие не только негативно влияет на речь и поведение молодежи, но и может иметь серьезные последствия для их социального и психологического развития. К числу возможных последствий и рисков эпидемии сквернословия относятся, во-первых, принятие ненормативной лексики в качестве поведенческой и вербальной нормы; во-вторых, понимание мата как выражения субкультурного экстремизма и, в-третьих, демонстрация ненормативной лексики как индикатора нетерпимости, агрессии и насилия в обществе (Лаврикова, 2023).

Подростковый возраст является наиболее сложным для ребенка, т. к. происходит смена ведущего вида деятельности с учебного процесса на межличностное общение, рушатся старые модели поведения, которые были приемлемы в детстве, но еще не сформированы новые, относящие их к категории взрослых. В этом возрасте происходит наиболее сильное влияние извне, в особенности от референтной группы сверстников. Подростки создают себе некоего кумира, чье поведение для них становится эталоном. Использование скверных слов для подростков является одним из способов проявления взрослости, независимости, что позволяет занимать им более значимую позицию в референтной группе. Однако некоторые используют брань для выражения эмоций, чаще всего негативных.

В свое время к проблеме сквернословия в подростковой и молодежной среде обращались классики отечественной педагогики. А. С. Макаренко считал, что сквернословие является проявлением негативных социальных процессов и может привести к деградации личности. Он выступал за создание в коллективах здоровой атмосферы, в которой сквернословие будет осуждаться и не допускаться (Макаренко, 1988). В. А. Сухомлинский подчеркивал важность формирования у подростков нравственных ценностей и уважения к окружающим. Он полагал, что профилактика сквернословия должна осуществляться в процессе воспитания и образования, а также путем создания позитивного примера со стороны взрослых (Сухомлинский, 1990).

В социально-психологической и педагогической литературе проблема сквернословия рассматривается с точки зрения его влияния на развитие личности, формирования нравственных качеств, коммуникативных навыков и социальных отношений. По мнению И. В. Мешковой, уже с середины 1990-х годов внимание исследователей было обращено на возрастающее распространение ненормативной лексики, особенно в молодежной среде (Мешкова, 2021), при этом, как подчеркивает А. В. Ермакова, ненормативную лексику, или, проще говоря, мат, можно слышать буквально везде (Ермакова, 2001). Рассматривая возможные последствия принятия обществом сквернословия в столь широких масштабах, ряд ученых открыто высказывают свое отношение к вопросу о чистоте речевой культуры как важнейшем маркере национальной коммуникации, подчеркивая факт одновременного развития языка и сознания (Тымчук, 2024; Coulardeau, 2018).

Современные исследователи продолжают развивать идеи классиков психологии и педагогики, изучая особенности сквернословия в подростковом возрасте, выявляя причины и механизмы появления нецензурной лексики. При этом ученые склоняются к версии о том, что такого рода слова выполняют эмоционально-оценочную и даже защитную функцию от агрессивно настроенных сверстников в школе (Салимулин, Григоренко, Брызгалова, 2023). В стремлении завоевать статус и получить признание среди сверстников подростки часто прибегают к нестандартным моделям поведения, включая сквернословие. Ненормативная лексика воспринимается как часть «взрослой жизни», символ принадлежности к группе, проявление независимости. Таким образом, сквернословие представляет собой актуальную психолого-педагогическую проблему, требующую внимания и изучения.

Сквернословие перестало быть проблемой исключительно дезадаптированных и педагогически запущенных учащихся. Сегодня «вирус сквернословия» распространился повсеместно, затрагивая также семьи с высоким социальным статусом. Даже люди с высоким уровнем образования, дохода и социального положения, работающие в сферах, требующих особой коммуникативной культуры, считают допустимым употреблять нецензурную лексику. Удручающей тенденцией стало беспричинное сквернословие, употребление нецензурных слов для связки, как данность, не требующая никакого оправдания. Эксперты характеризуют ситуацию как «бранную пандемию», подчеркивая масштабы проблемы, выходящие за пределы традиционного понимания коррекционно-педагогической работы.

По утверждению Д. А. Дубровиной, существуют различные взгляды на определение причин сквернословия в подростковом возрасте (Дубровина, 2015). По мнению Н. В. Жигинас и др., сквернословие следует рассматривать как проявление отклоняющегося поведения, направленного на унижение и оскорбление личности, с целью нанести вред самооценке другого человека (Жигинас, Аксенов, 2005; Якимова, 2011). Считается, что сквернословие является проявлением асоциального поведения и может свидетельствовать о дезадаптации, неблагополучии личности (Одинцова, 2016; Семенюк, 2001). Есть мнение, что сквернословие представляет собой способ выражения эмоций, чаще всего отрицательных, а иногда и положительных, либо сквернословие следует рассматривать как деструктивную психологическую защиту (Жельвис, 2001; Щербинина, 2010) и даже как неотъемлемую часть лексикона (Власян, 2014).

В связи с этим следует обратиться к проблеме сквернословия подростков в условиях сельской школы. Сельская среда - это особый мир. Сельские районы характеризуются однообразием жизни, стабильными социальными нормами и гораздо меньшей социальной дифференцированностью и мобильностью, чем городская среда. Ограниченное количество моделей поведения и недостаточное развитие коммуникаций приводят к замедленному культурному развитию, бедности языка и низкому уровню культуры (Гурьянова, 2002). Сегодняшняя сельская молодежь считает, что многие традиционные ценности и моральные нормы устарели, мир изменился и значительно отличается от того, что было раньше. В селе гораздо ярче просматривается социальное расслоение людей (в т. ч. молодёжи). Более того, сельская школа – это центр образования, культуры и жизни села. Можно с уверенностью сказать, что именно в школе происходит становление и развитие личности ребенка.

Многие специалисты в области психологии и педагогики пытаются не только выяснить причину происхождения ненормативной лексики, но и рассмотреть существующие способы борьбы с ней (Сыкеева, Молотков, 2022). При этом ученые выражают уверенность в необходимости незамедлительного воспрепятствования распространению бранной пандемии всеми доступными средствами, подчеркивая роль раннего вмешательства в личностное развитие подростков и сохранность их психического здоровья (Haqberdiyeva, Rakhmatzhonov, Khushvakov, 2023).

Актуальным является вопрос поиска эффективных методов профилактики сквернословия, разработки коррекционных и профилактических программ и организации деятельности по предупреждению и преодолению пагубной привычки сквернословия (Захарова, Панина, 2024).

В результате анализа научно-методической литературы можно выделить основные противоречия, которые доказывают необходимость изучения проблемы подросткового сквернословия. Во-первых, противоречие между потребностью общества в культурно развитой и гармоничной личности и недостаточностью эмпирических данных о психологических причинах сквернословия в подростковой среде. Во-вторых, противоречие между необходимостью профилактики сквернословия подростков с учетом их психологических особенностей и недостаточной разработанностью теоретических и методических основ психолого-педагогических

профилактических программ. В-третьих, противоречие между необходимостью эффективной психолого-педагогической профилактики сквернословия и недостаточной разработанностью ее программно-содержательного обеспечения в образовательных учреждениях для ее проведения.

Таким образом, целью нашего исследования явилось выявление причин и особенностей сквернословия подростков в условиях сельской школы и определение содержания комплексной программы профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков.

В качестве гипотезы исследования выдвинуты следующие предположения:

- использование ненормативной лексики представляет форму личностного самовыражения подростков, проявляющуюся во взаимосвязи с такими личностными характеристиками, как самооценка, статусная позиция в группе сверстников и самоконтроль в общении;
- внешними факторами сквернословия подростков выступают социальный статус семьи и уровень образования родителей;
- профилактика сквернословия подростков будет результативна при реализации комплексной профилактической программы с учащимися, родителями и учителями.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач исследования: 1) обобщить и систематизировать подходы к изучению проблемы сквернословия в подростковом возрасте; 2) теоретически обосновать и эмпирическим путем изучить причины сквернословия в подростковом возрасте в межличностном взаимодействии; 3) рассмотреть возможность профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков в условиях сельской школы.

Описание исследования

Эмпирическое исследование проводилось на базе трех образовательных учреждений Веневского района Тульской области. Все школы находятся на территории сельских округов. В исследовании приняло участие 72 подростка в возрасте 13–15 лет, обучающихся в 7, 8 и 9-м классах. Объем выборки и возрастной разброс обусловлен спецификой сельской малокомплектной школы. В выборку вошли все обучающиеся указанных классов – и мальчики, и девочки, т. к. проведенный анализ литературы позволил сделать вывод о том, что в подростковом возрасте случаи сквернословия одинаково характерны для подростков обоих полов.

Эмпирическое исследование проводилось в три этапа. Первый этап – предварительный – предполагал формирование эмпирической группы на основе анкетирования обучающихся ($n = 72$) с использованием анкеты «Сквернословие в моей жизни». Второй этап – диагностический – направлен на изучение возрастно-психологических особенностей и причин сквернословия подростков, обучающихся в сельской школе. На данном этапе использовались методика изучения уровня самооценки С. В. Ковалева; социометрическая методика определения статусной позиции испытуемых в коллективе сверстников (Дж. Морено); методика диагностики оценки самоконтроля в общении М. Снайдера; опросник на выявление причин сквернословия среди подростков и отношения к нему; анализ документов (личных дел и социальных паспортов обучающихся) для установления возможных причин и факторов сквернословия в семейном окружении. Третий этап – проектировочный – предполагал разработку программы профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков.

На предварительном этапе исследования было проведено анкетирование обучающихся на всей выборке ($n = 72$) с использованием анкеты «Сквернословие в моей жизни»¹. На вопрос «Почему люди сквернословят?» 53 % респондентов ответили, что это привычка, 24 % опрошен-

¹ https://psy.1sept.ru/view_article.php?id=200802004

ных полагают, что это зависит от круга общения, 23 % подростков уверены, что так выражают эмоции. При этом 42 % испытуемых употребляют в своей речи нецензурные слова, еще 17 % опрошенных заявили, что употребляют скверные слова «про себя» и только 41 % подростков ответили отрицательно. Большинство опрошенных (58 %) считают, что сквернословие – это плохо, но 42 % подростков даже не задумываются об этом. 76 % подростков признались, что родители запрещают им использовать в речи нецензурные и скверные слова, остальные 24 % уверены, что родители не знают о сквернословии своих детей. По поводу целесообразности борьбы со сквернословием 48 % испытуемых полагают, что она необходима, но большая часть опрошенных (52 %) считает, что это не принесет особых плодов.

Таким образом, по результатам анкетирования можно сделать вывод, что, несмотря на запрет родителей и осуждение сквернословия обществом, подростки продолжают использовать нецензурную лексику в своей речи, однако делают это тайно, в своем кругу общения. Более половины опрошенных признались, что сквернословие для них – привычка, что говорит о необходимости развития самоконтроля и формирования культурных языковых навыков. Значительная часть опрошенных связывает сквернословие с кругом общения, что подчеркивает важность социального контекста и положительных ролевых моделей. Часть опрошенных сквернословят, чтобы выразить эмоции, что указывает на недостаток эмоционального интеллекта и умения конструктивно общаться. Опрошенные отличаются в своем отношении к сквернословью. Часть осознает его негативное влияние, другие не задумываются о нем. Некоторые признаются, что сквернословят «про себя», что указывает на глубоко укоренившуюся привычку, с которой необходимо работать. Испытуемые разделились в своих взглядах на целесообразность борьбы со сквернословием. Часть считает ее необходимой, другие уверены в ее бесполезности.

По результатам анкетирования была сформирована эмпирическая группа сквернословящих подростков в количестве 32 человек, в которую вошли и девочки, и мальчики с 7 по 9 класс.

Анализ результатов методики изучения уровня самооценки С. В. Ковалева позволил установить степень выраженности данного параметра в исследуемой группе (рисунок 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в группе присутствуют подростки с разным уровнем самооценки вне зависимости от возраста. Причем в одном классе также находятся дети с разным уровнем самооценки и полярными типами. Одни не уверены в себе и самокритичны, другие, наоборот, абсолютно уверены в себе и своем превосходстве. Тем не менее, чаще всего в исследуемой группе встречались школьники с низкой самооценкой (50 % эмпирической выборки).

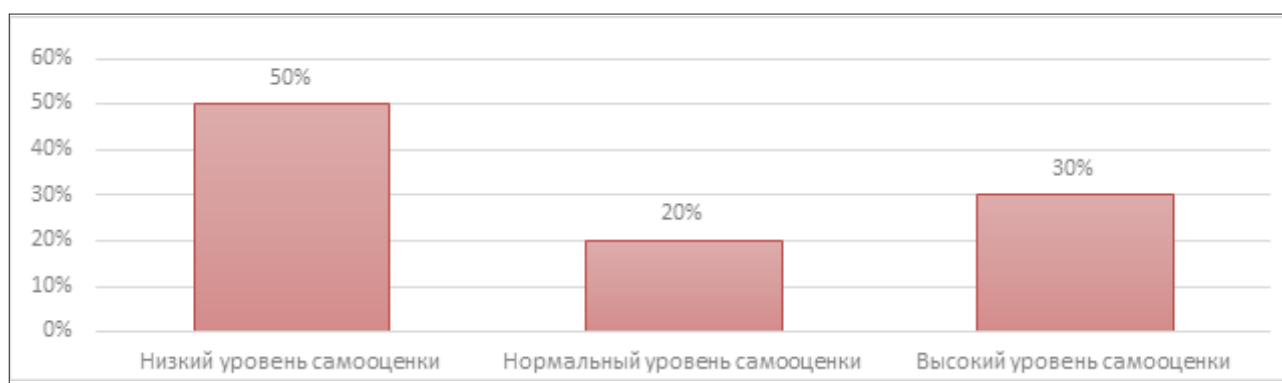

Рис. 1. Распределение испытуемых по уровням самооценки (в %)

Fig. 1. Distribution of respondents by self-esteem levels (in %)

Куликова Т. И. / Kulikova T. I.

Для получения данных о занимаемой статусной позиции испытуемых в коллективе сверстников была применена методика диагностики межличностных и межгрупповых отношений «Социометрия» (Дж. Морено). Полученное распределение испытуемых по занимаемым позициям в коллективе приведено на рисунке 2.

Несмотря на то, что подростки исследуемой группы допускают сквернословие в общении, большинство из них (47 %) занимают позицию предпочитаемых, а 32 % являются лидерами-звездами и лишь 21 % являются пренебрегаемыми. Таким образом, по данной методике можно констатировать, что позиция в группе у сквернословящего подростка может являться практически любой – от лидера до пренебрегаемого. Наглядное распределение испытуемых по статусным позициям представлено на социограмме (рисунок 3).

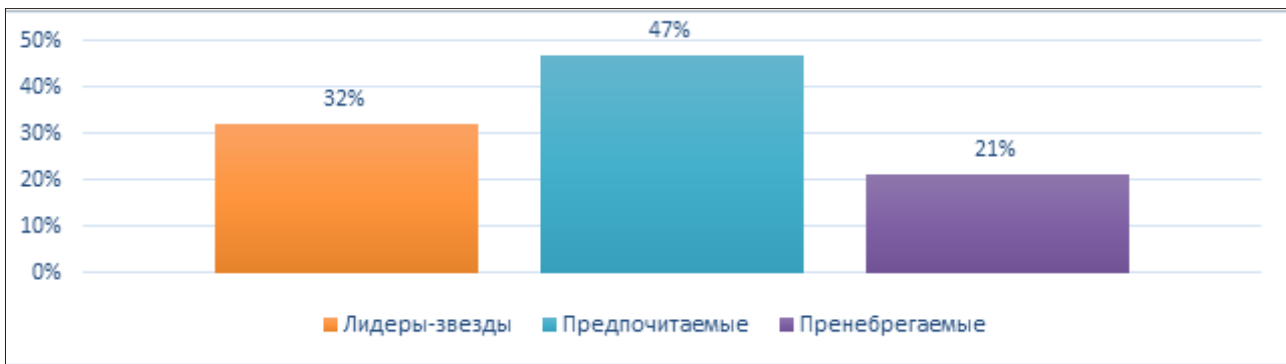

Рис. 2. Распределение испытуемых по занимаемым позициям в коллективе (в %)

Fig. 2. Distribution of respondents by their positions in the team (in %)

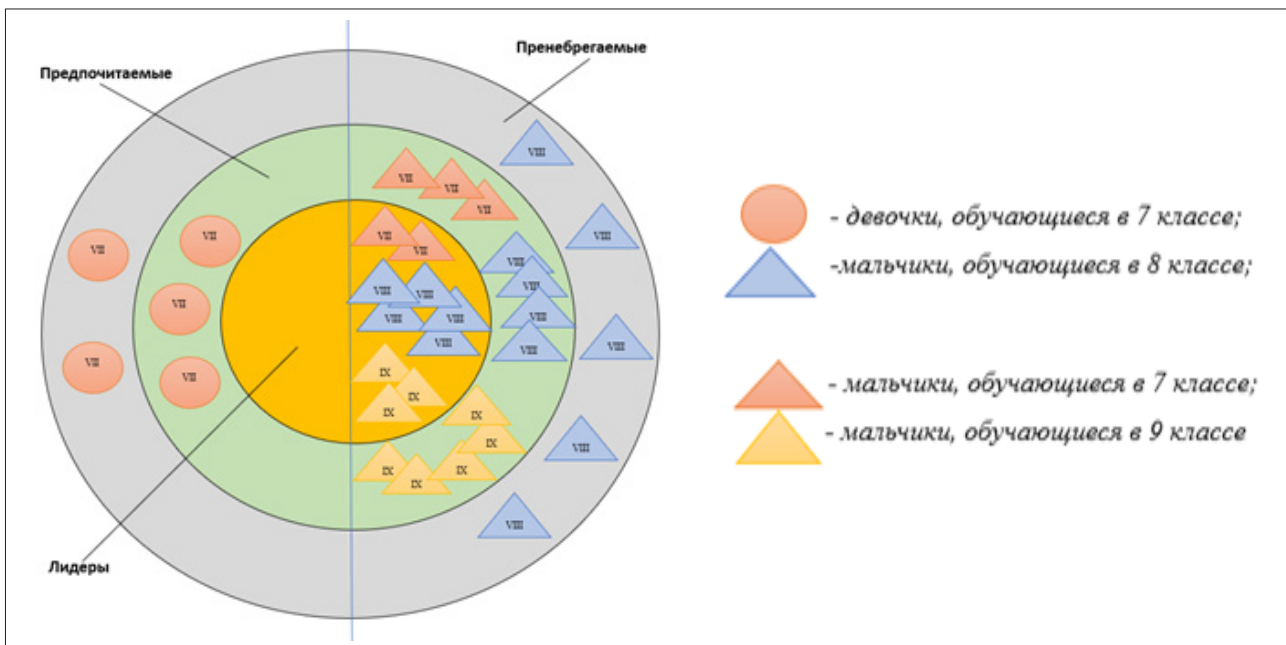

Рис. 3. Социограмма – характеристика занимаемых позиций в группе испытуемых подростков

Fig. 3. Sociogram - characterisation of the positions occupied in the group of teenagers tested

Анализируя занимаемые позиции, можно заключить, что среди сквернословящих мальчиков-подростков большинство составляют учащиеся 8-х классов, практически равномерно представленных в статусах лидеров, предпочитаемых и пренебрегаемых. Мальчики-подростки – учащиеся 9-х классов, прибегающие к сквернословью, представлены в статусах лидеров и предпочитаемых. Следует обратить внимание на тот факт, что в число сквернословящих подростков, обучающихся в 7-х классах, наряду с мальчиками вошли и девочки. Ключевая особенность сельской школы – малокомплектность, то есть взаимодействие учащихся происходит не только в своем классе, но и со всей школой в целом. Подростки находятся на виду друг у друга, перенимают манеру общения друг друга, выбирают себе кумира среди старших учащихся. Можно предположить, что девочки-семиклассницы, стремясь понравиться мальчикам из старших классов, подражают им в манере поведения и общения и даже используют ненормативную лексику, чтобы выглядеть старше.

Данные об особенностях самоконтроля подростков в общении были получены при помощи методики диагностики оценки самоконтроля в общении М. Снайдера. В результате выявлено, что низкий уровень самоконтроля свойственен 37 % респондентов. Они характеризуются довольно устойчивым поведением и в силу своей прямолинейности являются «неудобными» в общении. Более того, они даже не стремятся менять свой стиль и характер общения. Это подростки, которые уверены, что сквернословие «возвышает» их в глазах сверстников.

Следующим шагом стало изучение причин употребления сквернословия среди подростков и отношения к нему. Анализ данных позволил сделать вывод, что большинство респондентов (34 %) употребляют сквернословие с целью признания в группе сверстников; желание выглядеть взрослым представляется причиной сквернословия для 27 % подростков; еще 17 % просто считают достоинством использовать сквернословие в своей речи. Из общей выборки 14% не смогли объяснить причину и лишь 8 % целенаправленно используют сквернословие, чтобы оскорбить или унижить другого. При этом, отвечая на вопрос об отношении к сквернословью, 57 % подростков высказались негативно, затруднились ответить 14 % и 29 % дали положительный ответ.

Далее был осуществлен анализ документов (личные дела учащихся, социальный паспорт классов, школы) с целью сбора информации, необходимой для выявления возможных причин и факторов сквернословия в семейном окружении.

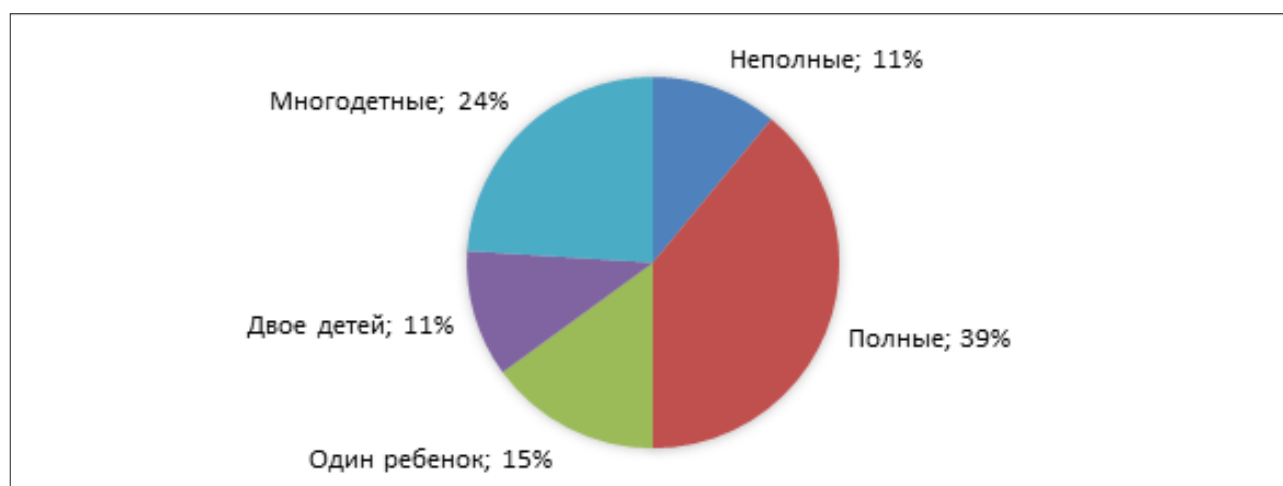

Рис. 4. Характеристика семей испытуемых подростков (в %)

Fig. 4. Characteristics of the families of the tested teenagers (in %)

По итогам анализа социальных паспортов сквернословящих детей можно сделать выводы, что учащиеся из многодетных семей (24 %) чаще являются старшими детьми. Это может говорить о большей ответственности и самостоятельности, но также о возможном недостатке внимания и ресурсов со стороны родителей. Из эмпирической выборки 11 % учащихся проживают в неполных семьях. Это может свидетельствовать о возможных психологических и материальных трудностях, с которыми сталкиваются данные семьи. Из числа испытуемых 15 % учащихся являются единственными детьми, что может проявляться в большем внимании со стороны родителей, но в то же время говорить о возможном недостатке социального опыта взаимодействия с другими детьми.

Среди родителей учащихся представлены разные уровни образования, от начального до высшего. Это может влиять на возможности родителей обеспечить качественное воспитание и образование своих детей. Родители работают в разных сферах и занимают должностные позиции от простых рабочих профессий до предпринимательства. Это указывает на разнообразие социального опыта, с которым сталкиваются дети в своих семьях. Данные анкетирования подтверждают разнообразие семейных условий, в которых растут подростки, что актуализирует необходимость учитывать индивидуальные особенности каждой семьи при организации профилактической работы. Место работы и образование родителей могут влиять на возможности родителей воспитывать и обучать детей.

Данные, полученные на диагностическом этапе, послужили основой для разработки программы профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков. Социально-педагогическая профилактика – это комплексная система профилактических мероприятий, направленных на устранение внешних причин, факторов и условий, приводящих к отклонениям в поведении детей и подростков, и направленных на создание оптимальной социальной ситуации развития, способствующей осуществлению различных видов активности. Профилактика сквернословия предполагает такую систему мероприятий, которые ориентированы на снижение опасности деградации речевого поведения обучающихся и возможности образовательной организации в предотвращении распространения ненормативной лексики в межличностном взаимодействии (Башманова, 2010; Буровихина, 2017). Выполнение данной задачи в первую очередь возлагаются на педагога-психолога и социального педагога школы.

В работе социального педагога применяются профилактические меры, позволяющие справиться с уже возникшими проблемами и предотвратить появление новых. Занимаясь профилактикой, социальный педагог может направить свою деятельность на референтный микросоциум школьников (учителей, родителей, группу сверстников), изменяя характер их отношений и влияния на детей. Социальный педагог также может повлиять на представление обучающихся об окружающих. Наконец, он может помочь изменить отношение ребенка к социуму (содействие, противодействие, бездействие). Профилактика является одним из основных и перспективных направлений деятельности социального педагога.

Нами была разработана программа профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков, которая может быть использована в работе педагогов-психологов и социальных педагогов для проведения групповой и индивидуальной работы с обучающимися, учителями и родителями. Программа согласуется с целевыми ориентирами Федеральной программы воспитания по «развитию личности, созданию условий для самоопределения и социализации на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства». Предлагаемая нами программа представлена двумя разделами: целевым и содержательным.

Целевой раздел включает описание целей, задач программы и целевой аудитории. Цель программы: профилактика сквернословия в межличностном взаимодействии подростков; формирование негативного отношения к нецензурной лексике; расширение словарного запаса; развитие навыков конструктивного общения и сотрудничества в небольших группах.

Задачи программы: 1) повысить уровень культуры речи у обучающихся; 2) сформировать знания о последствиях употребления обцененной лексики, а также негативное отношение к ней; 3) мотивировать снижение использования сквернословия в лексиконе подростков; 4) привлечь сквернословящих подростков к участию в профилактических мероприятиях; 5) сформировать у родителей понимание значимости их роли в воспитании чистоты речи детей; 6) способствовать просвещению педагогов школы и родителей (законных представителей) обучающихся о проблеме сквернословия.

Целевая аудитория: подростки в возрасте 13–15 лет, педагоги школы, родители (законные представители) обучающихся. Структурно программа представлена тремя блоками: «Учащиеся», «Родители», «Учителя».

Содержательный раздел включает основные и дополнительные характеристики образовательной среды, контингента обучающихся и их семей и виды, формы и содержание профилактической работы. Видами и формами работы с обучающимися являются: информационно-просветительская (беседы, классные часы), демонстрационно-дискуссионная (кинолекторий), внеурочное взаимодействие (спортивные игры, коллективные творческие дела).

Информационно-просветительская работа является наиболее привычным и распространенным направлением профилактики, включающим лекции, беседы, классные часы, правовой диалог. Цель информационно-просветительской профилактики – воздействие на когнитивные процессы подростков и повышение способности к принятию конструктивных решений.

Демонстрационно-дискуссионная работа в предлагаемой программе профилактики представлена организацией кинолектория. Важной составляющей здесь является дискуссия по итогам просмотра кинофильмов. Основной задачей является обсуждение содержания фильма и выявление причинно-следственных связей отклоняющихся форм поведения героев фильма.

Внеурочное взаимодействие (спортивные игры, коллективные творческие дела) ориентировано на формирование у подростков уважительного отношения к себе и своим сверстникам (одноклассникам); приобретение и закрепление навыков неагрессивного межличностного взаимодействия; развитие личностной ответственности за свое поведение; проявление социальной активности и определение своего положения в коллективе сверстников.

Для родителей основным видом работы является информационно-просветительская. Она проводится в форме родительских собраний, на которых будет доведена информация о масштабах проблемы сквернословия подростков в обществе, в т. ч. в конкретном образовательном учреждении, о том, как важна роль родителей в преодолении сквернословия. Речь пойдет о том, как предотвратить распространение этого явления, правильно реагировать на мат из уст детей, насколько важно влияние творчества и спорта на формирование здоровой личности подростка, а главное, как справиться со своими эмоциями при общении с подростками.

Для учителей также основным видом работы является информационно-просветительская – сообщения на педагогических советах о результатах исследования, знакомство с планом проведения классных часов и итогами реализации программы профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков. Педагоги узнают о том, как реагировать на сквернословие в стенах школы, и получают возможность поделиться личным опытом в успешном применении полученных знаний на семинаре-практикуме. Будет также организован совместный просмотр фильма с подростками (демонстрационно-дискуссионная форма).

Заключение

В ходе проведенного исследования описаны основные подходы отечественных и зарубежных ученых к изучению проблемы сквернословия в подростковой среде; эмпирическим путем выявлены причины и особенности использования ненормативной лексики подростками в межличностном взаимодействии. Установлено, что использование сквернословия в межличностном взаимодействии подростков может являться маркером «взрослости» и внутригрупповой принадлежности, либо представлять собой способ выражения как отрицательных, так и положительных эмоций и даже выполнять функцию деструктивной психологической защиты. Объединяющим выводом различных точек зрения исследователей данной проблемы является утверждение, что сквернословие – это проявление асоциального поведения, свидетельствующее о дезадаптации, неблагополучии личности.

Результаты проведенного исследования акцентируют внимание на необходимости поиска эффективных методов профилактики сквернословия, разработки коррекционных и профилактических программ по предупреждению и преодолению сквернословия не только в условиях сельской школы, но и искоренению скверны из лексики подростковой субкультуры.

Список литературы

- Башманова, Е. Л. (2010). Причины и факторы распространения сквернословия среди учащейся молодежи. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 2 (14), 174–183.
- Буровихина, И. А. (2017). Детское сквернословие. *Директор школы*, 7, 91–97.
- Власян, Г. Р. (2014). Проникновение ненормативной лексики в язык повседневного общения. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 7 (336), 15–17.
- Гурьянова, М. П. (2002). *Сельская школа и социальная педагогика*. Минск: Амалфея.
- Дубровина, Д. А. (2015). Сквернословие у подростка: сущность, особенности и психолого-педагогическая пропедевтика. *Педагогическое образование в России*, 9, 52–56.
- Ермакова, А. В. (2001). Русский мат как феномен культуры. *Высшее образование в России*, 3, 104–106.
- Жельвис, В. И. (2001). *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. Москва: Ладомир.
- Жигинас, Н. В., Аксёнов, М. М. (2005). Проблема агрессивности девиантных подростков в ракурсе маскулинного и феминного дискурса. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 1, 77–82.
- Захарова, И. Г., Панина, Л. В. (2024). Воспитательно-пропедевтическая деятельность по профилактике сквернословия младших школьников в рамках классного часа. *Наукосфера*, 7 (1), 128–134. <https://doi.org/10.5281/zenodo.12771203>
- Лаврикова, И. Н. (2023). Пандемия сквернословия: возможные риски и последствия. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 14 (3). <https://doi.org/10.15862/61KLSK323>
- Макаренко, А. С. (1988). *Книга для родителей*. Москва: Педагогика.
- Мешкова, И. В. (2021). Об отношении современной молодежи к ненормативной лексике. *Тенденции развития науки и образования*, 75 (4), 99–102.
- Могутова, О. А. (2020). О причинах сквернословия в вербальном поведении молодежи. *Общество: социология, психология, педагогика*, 2 (70), 50–53. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.2.7>
- Одинцова, Е. В. (2016). Культура речи как регулятор нравственного и физического здоровья общества. *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблема и пути их решения*, 11 (3), 107–115.

- Салимулин, А. А., Григоренко, Н. Ю., Брызгалова, С. О. (2023). Причины и механизмы появления обсценной лексики в детской речи у детей с нормотипичным и отклоняющимся развитием. *Педагогическое образование в России*, 5, 227–233.
- Семенюк, Л. М. (2001). *Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции*. Москва: Московский психолого-социальный институт: Флинта.
- Сухомлинский, В. А. (1990). *Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания)*. Педагогическое наследие. Москва: Педагогика.
- Сыкеева, И. Н., Молотков, Ю. В. (2022). Ненормативная лексика как культурный код новой эпохи. *Культура: управление, экономика, право*, 3, 13–17. <https://doi.org/10.18572/2070-2159-2022-3-13-17>
- Тымчук, Е. В. (2024). Значение речевой культуры в социальной коммуникации. *Начала русского мира*, 1, 103–117.
- Щербинина, Ю. В. (2010). *Учимся управлять агрессией*. Москва: Форум.
- Якимова, Н. С. (2011). Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 1 (45), 184–188.
- Coulardeau, J. (2018). Mind-Language, the Expanding Heart of Cognition. *Open Journal of Social Sciences*, 6, 32–47. <https://doi.org/10.4236/jss.2018.66004>
- Haqberdiyeva, F. G. Q., Rakhmatzhonov, J. R. O., & Khushvakov, Sh. F. (2023). Prevention of deviant behavior in adolescents. *Texas Journal of Multidisciplinary Studies*, 26, 1–3.
- Liu, J. Y., Zhang, X. Y., & Li, H. X. (2023). Analysis of Language Phenomena in Internet Slang: A Case Study of Internet Dirty Language. *Open Access Library Journal*, 10, e10484. <https://doi.org/10.4236/oalib.1110484>

References

- Bashmanova, E. L. (2010). Prichiny i faktory rasprostraneniya skvernosloviya sredi uchashchejsya molodezhi. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (14), 174–183.
- Burovihina, I. A. (2017). Detskoe skvernoslovie. *Direktor shkoly*, 7, 91–97.
- Vlasyan, G. R. (2014). Proniknovenie nenormativnoj leksiki v yazyk povsednevnogo obshcheniya. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 7 (336), 15–17.
- Gur'yanova, M. P. (2002). *Sel'skaya shkola i social'naya pedagogika*. Minsk: Amalfeya.
- Dubrovina, D. A. (2015). Skvernoslovie u podrostka: sushchnost', osobennosti i psihologo-pedagogichesкая propedevtika. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 9, 52–56.
- Ermakova, A. V. (2001). Russkij mat kak fenomen kul'tury. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 3, 104–106.
- Zhel'vis, V. I. (2001). *Pole brani. Skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turah mira*. Moskow: Lodomir.
- Zhiginas, N. V., Aksyonov, M. M. (2005). Problema agressivnosti deviantnyh podrostkov v rakurse maskulinogo i feminogo diskusa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1, 77–82.
- Zaharova, I. G., Panina, L. V. (2024). Vospitatel'no-propedevticheskaya deyatel'nost' po profilaktike skvernosloviya mladshih shkol'nikov v ramkah klassnogo chasa. *Naukosfera*, 7 (1), 128–134. <https://doi.org/10.5281/zenodo.12771203>
- Lavrikova, I. N. (2023). Pandemiya skvernosloviya: vozmozhnye riski i posledstviya. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*, 14 (3). <https://doi.org/10.15862/61KLSK323>
- Makarenko, A. S. (1988). *Kniga dlya roditelej*. Moskow: Pedagogika.
- Meshkova, I. V. (2021). Ob otnoshenii sovremennoj molodezhi k nenormativnoj leksike. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 75 (4), 99–102.

- Mogutova, O. A. (2020). O prichinah skvernosloviya v verbal'nom povedenii molodezhi. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 2 (70), 50–53. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.2.7>
- Odincova, E. V. (2016). Kul'tura rechi kak regul'yator npravstvennogo i fizicheskogo zdorov'ya obshchestva. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problema i puti ih resheniya*, 11 (3), 107–115.
- Salimulin, A. A., Grigorenko, N. YU., Bryzgalova, S. O. (2023). Prichiny i mekhanizmy poyavleniya obscennoj leksiki v detskoj rechi u detej s normotipichnym i otklonyayushchimsya razvitiem. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 5, 227–233.
- Semenyuk, L. M. (2001). *Psihologicheskie osobennosti agressivnogo povedeniya podrostkov i usloviya ego korrekcii*. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut: Flinta.
- Suhomlinskij, V. A. (1990). Kak vospitat' nastoyashchego cheloveka: (Etika kommunisticheskogo vospitaniya). *Pedagogicheskoe nasledie*. Moscow: Pedagogika.
- Sykeeva, I. N., Molotkov, Yu. V. (2022). Nenormativnaya leksika kak kul'turnyj kod novoj epohi. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 3, 13–17. <https://doi.org/10.18572/2070-2159-2022-3-13-17>
- Tymchuk, E. V. (2024). Znachenie rechevoj kul'tury v social'noj kommunikacii. *Nachala russkogo mira*, 1, 103–117.
- Shcherbinina, Yu. V. (2010). *Uchimsya upravlyat' agressiej*. Moscow: Forum.
- Yakimova, N. S. (2011). Verbal'naya agressiya kak aktual'nyj fenomen sovremennogo obshchestva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (45), 184–188.
- Coulardeau, J. (2018). Mind-Language, the Expanding Heart of Cognition. *Open Journal of Social Sciences*, 6, 32–47. <https://doi.org/10.4236/jss.2018.66004>
- Haqberdiyeva, F. G. Q., Rakhmatzhonov, J. R. O., & Khushvakov, Sh. F. (2023). Prevention of deviant behavior in adolescents. *Texas Journal of Multidisciplinary Studies*, 26, 1–3.
- Liu, J. Y., Zhang, X. Y., & Li, H. X. (2023). Analysis of Language Phenomena in Internet Slang: A Case Study of Internet Dirty Language. *Open Access Library Journal*, 10: e10484. <https://doi.org/10.4236/oalib.1110484>

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Куликова – доцент кафедры специальной психологии, дефектологии и социальной работы Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат психологических наук, доцент.

About the author

Tatiana I. Kulikova – Associate Professor of the Department of Special Psychology, Defectology and Social Work, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Candidate of Psychological Sciences, Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 12.10.2024
Одобрена после рецензирования 20.11.2024
Опубликована 28.12.2024

Submitted October 12, 2024
Approved after reviewing November 20, 2024
Accepted December 28, 2024

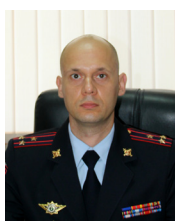

УДК 316.624:159.922.73

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-599-610

Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений

Сергей Анатольевич Буткевич

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)
sbutkevich@mvd.ru

ORCID: 0000-0001-8122-2964

Аннотация

Введение. В статье всесторонне и последовательно рассмотрены существующие и появляющиеся девиации в подростковой среде, непосредственно или опосредованно связанные с обучением в общеобразовательных организациях. В ходе подготовки научной статьи изучены и проанализированы соответствующие нормы зарубежного законодательства, нормотворческие инициативы и правоприменительная практика в отдельных субъектах Российской Федерации. Дана подробная характеристика каждому из таких отклонений, определены их детерминанты, раскрыта специфика и сущность данных асоциальных и антисоциальных активностей, разработаны предложения по пресечению девиантного поведения школьников, минимизации последствий от травли, издевательств и оскорблений. **Цель** исследования – анализ научных взглядов на проблемы подростковой агрессии и жестокости в образовательной среде, осуществления превенции школьной травли, привлечения к ответственности буллеров, их родителей и педагогов за асоциальное и антисоциальное поведение. **Методология, методы и методики.** Методологической основой проведенного исследования стали философские, современные общие и специальные методы научного познания. Их применение обусловлено системным подходом, который позволил изучить проблемы последовательно и всесторонне, а также разработать авторские предложения в этой сфере. **Результаты** проведенного изыскания свидетельствуют об актуальности, своевременности, значимости и прикладном характере результатов проведенного исследования, касающихся исследования проявлений и превенции школьной травли, возникновения данного явления, устранения причин и условий, которые способствуют его развитию. **Научная новизна** статьи обусловлена комплексным и всесторонним анализом мультидисциплинарных научных исследований различных аспектов подростковой агрессии и жестокости в современных условиях, реальных и потенциальных угроз от школьной травли и издевательств. **Практическая значимость.** Представленные результаты могут использоваться в учебном процессе образовательных организаций высшего образования (юридические, психологические и педагогические специальности), научно-исследовательской деятельности при изучении данного феномена и сопутствующих девиаций, а также в практической деятельности школьных педагогов, воспитателей, психологов и правоохранителей в области предупреждения различных девиаций в подростковой и молодежной среде.

Ключевые слова

педагогические работники, подростковая агрессия, профилактическая деятельность, превенция девиаций, профилактика отклонений, традиционные ценности, физическое и психическое насилие, школьная травля

Для цитирования: Буткевич, С. А. (2024). Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 599–610. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-599-610.

Original paper

School bullying: characteristics of genesis, manifestations and prevention of deviations of interpersonal relations

Sergey A. Butkevich

Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Simferopol, Russia)

sbutkevich@mvd.ru

ORCID: 0000-0001-8122-2964

Abstract

Introduction. The article discusses the existing and emerging deviations in the adolescent environment directly or indirectly related to schooling. In the course of scientific research, we systematised and analysed the relevant norms of foreign legislation, rule-making initiatives and law enforcement practice in some subjects of the Russian Federation. The author gives thorough analysis of each of these deviations, classifies their determinants, reveals the nature and characteristics of asocial and antisocial behaviour and offers recommendations to curb deviant behaviour of schoolchildren and reduce the consequences of bullying and abuse. The study **aims** to systematise and analyse scientific approaches of the problems of adolescent aggression and cruelty in a school setting; to implement prevention of school bullying; to bring bullies, their parents and teachers to account for asocial and antisocial behaviour. **Methodology, methods and techniques.** The methodological basis of the research was philosophical, contemporary general and special methods of scientific knowledge. Their application is based on the system approach, which enabled to study the problems gradually and thoroughly, as well as to develop the author's recommendations in this area. **The results** of the research demonstrate the relevance, urgency, significance and applied nature of the research related to the study of the manifestation and prevention of school bullying, the formation of this phenomenon, and the elimination of causes and circumstances that help its development. **Scientific novelty** is determined by a full and integral analysis of multidisciplinary scientific research of various aspects of adolescent aggression and cruelty in a contemporary society, real and potential threats from school bullying and abuse. **Practical significance.** The findings may be used in the educational process of higher educational establishments (in the field of law, psychology and pedagogy), in a scientific research while studying the phenomenon and related deviations, as well as in the practical work of school teachers, educators, psychologists and law enforcers to prevent various deviations among adolescents and young people.

Keywords

educators, adolescent aggression, preventive activity, prevention of deviations, prevention of aberrations, traditional values, physical and mental violence, school bullying

For citation: Butkevich, S. A. (2024). School bullying: characteristics of genesis, manifestations and prevention of deviations of interpersonal relations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 599–610. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-599-610.

Исторический экскурс в эпохи и этапы развития цивилизации свидетельствует о том, что насилие является неотъемлемой составляющей общественного бытия и коллективного сознания. Несмотря на эволюцию форм, методов, приемов, способов совершения насильственных действий и их инструментария, невозможно назвать какой-либо исторический период, государство или социум, в которых бы оно не применялось в том или ином формате.

В XXI в. турбулентность научно-исследовательского интереса и фокус внимания правоохранителей к травле (буллингу) как одной из форм отклонений в поведенческих паттернах и нарративах обусловлены в первую очередь геометрическим ростом проявлений неосознанной, неконтролируемой агрессии или неоправданной жестокости детьми и подростками. Тем не менее научные исследования явлений травли, издевательств и насилия среди малолетних и несовершеннолетних не только разновекторны, мультидисциплинарны и многогранны, но и противоречивы. Это подтверждает полифонию подходов к их пониманию, неоднозначность толкования и, соответственно, сумбурность превентивных действий и контрмер.

Именно с травлей в общеобразовательных организациях зачастую непосредственно связаны нарушения идентичности, формирование и развитие чувств безвыходности, безнадежности и одиночества, рецидивы феноменов «колумбайн», «скулшутинг», суицидальных, экстремистских проявлений (Губченко, 2022) и их модусов (Коноплева, 2017). При этом негативные последствия от травли, издевательств, унижений и оскорблений часто носят пролонгированный травмирующий характер и могут проявляться в более зрелом возрасте. Это подтверждают и факты массовых убийств, совершаемых «стрелками» в школах даже после завершения обучения. Безусловно, педагогические работники не должны быть единственными на фронтире или становиться авангардом в вопросах превенции школьных девиаций. Уверены, что на маркеры реальных и лакмусы потенциальных угроз в этой сфере, существующие девиации, их детерминанты и последствия должны адекватно, адаптивно и гибко реагировать (предвидеть, предупреждать, купировать, сублимировать, устранять) семья, образовательные организации и органы правопорядка, консолидируя свои усилия, гармонично и согласованно взаимодополняя друг друга (Сафонов, 2017).

Традиционно считается, что конфликты среди несовершеннолетних, в т. ч. в образовательных организациях и (или) с одноклассниками, сверстниками, закономерно возникают в процессе борьбы подростков за авторитет, власть, лидерство, внимание и влияние в определенной социальной группе. Вместе с тем общественная опасность крайних форм травли обусловлена рядом причин и условий, в т. ч. распространенностью и будничностью данного феномена в исследуемой среде, наличием причинно-следственной связи с насильственным поведением, несовершенством психолого-педагогических инструментов, бессистемным взаимодействием семьи со школой, противоречивостью механизмов правоохранительного контроля и юридической ответственности за девиации в данной области (Цындра, 2022). К тому же во избежание репутационных рисков и имиджевых потерь наличие проблем травли часто замалчивается руководством и педагогическими коллективами образовательных организаций. Они не всегда замечаются, распознаются или же вообще игнорируются и скрываются ввиду нежелания либо неспособности реагировать на них и ликвидировать их последствия.

Не секрет, что иногда педагоги сами вовлечены в инициирование процесса непосредственной или опосредованной травли как удобной формы коллективного дисциплинарного воздействия на «аутсайдеров», изгоев, нерадивых и недисциплинированных обучающихся.

Это могут быть: обсуждение при коллективе (классе) каких-либо недостатков школьника, его внешнего вида, личных качеств, поведения, успеваемости, родителей; игнорирование физических потребностей ребенка; повышенный тон, насмешливые интонации, нецензурная брань; предвзятое отношение, в т. ч. необъективное выставление оценок; неэтичные замечания, некорректные реплики, сарказм; армейский принцип «воспитание коллективом». Но если такие события и лица получают общественный резонанс, то социум, администрации школ, профильные министерства, надзорные ведомства, судебные инстанции и правозащитные организации всегда выбирают сторону детей, глубоко не погружаясь в причины, суть проблемы и конфликтной ситуации. В то же время родители виновных или пострадавших детей чаще всего идут самым простым путем, переводя их в другие образовательные организации или обеспечивая их социальную изоляцию (например, перевод на семейное образование, установление ограничений на использование гаджетов, запрет прогулок). В синергии это приводит к еще большей популяризации школьной травли и появлению новых вариаций агрессивного, жестокого и противоправного поведения ее участников.

Другими словами, для школьной травли, как правило, характерно умышленное (осознанное), систематическое, продолжительное (повторяемое) и последовательное агрессивное или жестокое поведение индивида или микроколлектива по отношению к определенному лицу или группе лиц в целях унижения, доминирования, физического или психологического самоутверждения, в т. ч. с использованием информационно-телекоммуникационных средств. Она может включать широкий спектр поведенческих действий, преимущественно маскируемых или скрытых от окружающих (латентных) – физическое нападение, преследование, запугивание, вымогательство, террор, насильственное изъятие чего-либо, принуждение что-то сделать, повреждение и другие действия с имуществом, вербальные издевательства, социальная изоляция жертв. Несомненно, школьная травля приводит к негативным последствиям и пагубно влияет на всех участников образовательного процесса. В то же время систематичность, повторяемость и продолжительность школьной травли мы считаем не обязательными, имманентными признаками, а скорее обстоятельствами, отягчающими ответственность, поскольку даже однократные и непродолжительные действия агрессора иногда могут причинить жертве более тяжкий физический и (или) психический вред, чем многократные подтрунивания либо насмешки, осуществляемые при поддержке либо попустительстве (молчаливом согласии) части или всего коллектива. Подростку самому трудно признать, что он стал объектом травли, поскольку обычно его ждет не квалифицированная помощь специалиста(-ов) и сочувствие, а в лучшем случае ритуальное общение со школьным психологом (в худшем случае – «ябедник не любит»), формальное анкетирование обучающихся, дежурная беседа с классом под лозунгом «в конфликте всегда виноваты обе стороны».

Полагаем, что травля становится следствием формирования асоциальной (антисоциальной) направленности личности подростка, выступая в качестве преморбидного фона, поскольку жертву, которая младше, слабее или уязвимее, постоянно унижают, а запугивания, издевательства и экзекуции формируют камуфлируемые чувства ненависти, агрессии, враждебности, желания мести и уничтожения обидчика. У самого абьюзера вследствие систематического, сознательного унижения жертвы, применения физического и (или) психического насилия по отношению к ней формируются устойчивые чувства безнаказанности, вседозволенности, всевластия, легитимности совершаемых насильственных действий и унижений. Одновременно с этим культивированию школьной травли благоприятствуют: ненадлежащее семейное воспитание (Пестов, Савочкина, Габдуллин, 2023) или его отсутствие (Душкин, Гончарова, 2021); гипер- либо гипоопека родителей или заменяющих их лиц; неблагоприятный микроклимат и напряженная психологическая атмосфера в общеобразовательной органи-

зации; вредные привычки, неправильный образ жизни и ограниченный круг общения, противоречия становления характера и первичная социализация школьника; формализм в осуществлении воспитательной работы в образовательной организации; слабые эмоциональные ресурсы и недостаточные профессиональные компетенции педагога, с перекладыванием ответственности за воспитание ребенка на институт семьи, улицу, спортивные секции, кружки, общество и др. В последнем случае речь идет о «делегировании» педагогом своих задач и обязанностей по воспитательной работе неопределенному кругу лиц («даже стул воспитывает ученика», «воспитание атмосферой»), своеобразном аутсорсинге.

Как правило, объектами школьных издевательств и травли становятся виктимные личности, каким-либо образом отличающиеся от основной массы, – внешним видом, гендером, физическими признаками, поведением, привычками, социальным статусом и уровнем доходов родителей, принадлежностью к другим культурным, этнонациональным, религиозным группам, дети мигрантов или переселенцев, новички и т. д. Этому также благоприятствуют такие деликтогенные факторы, как кибераддикция (Никитина, 2022), маргинальность (в т. ч. форсированная интересом к уголовной субкультуре), дифференциация и неравенство членов социальной группы, социальная виктимность, недостатки в организации воспитания и правового просвещения. Очевидно, что главным отличием травли от конфликтов, противоречий и споров является то, что в последних стороны равны, а при травле жертва всегда слабее и уязвимее, ей сложнее себя защитить в виртуальном пространстве или физическом мире (дисбаланс сил).

Часто в поведении современных подростков проявляются эмоциональная неустойчивость, ценностно-смысловая неопределенность, стыдливость, агрессивность, напряженность, подозрительность, негативизм, конфронтационное отношение к окружающим (фронта «оппозиционностью», бунтарство), склонность к крайним оценкам и суждениям, фобии и тревоги, преимущественное времяпрепровождение в киберпространстве и, как следствие, отсутствие навыков коммуникации офлайн. В то же время самооценка агрессоров, преследователей, организаторов (зачинщиков, инициаторов) травли всегда высокая, у них ярко выражены самоуверенность, стремления к доминированию и успеху, они имеют более высокий социальный статус и стремятся занять еще более высокое положение, заработать дешевый авторитет, относясь к травле либо как к шутке, развлечению, игре, шалости, не чувствуя вины, стыда и эмпатии, либо с осознанным желанием причинить боль, напугать или держать жертву в состоянии стресса и длительного дискомфорта. Именно поэтому таким девиантам необходимы демонстрация своей активности и третьи лица – свидетели (наблюдатели) либо документирование (фото-, видео-, аудиофиксация) с последующим распространением этих действий с помощью социальных медиа. Поэтому неединичны предложения о том, что к ответственности за причастность к данной противоправной деятельности целесообразно привлекать и свидетелей травли при условии, что они не вмешивались и (или) не оказывали помощь жертве. Также в качестве наказаний предлагается привлечение виновных детей и их родителей к волонтерским мероприятиям (назначение «курса исправления»), блокирование в социальных сетях страниц подростков, причастных к кибербуллингу, и реализация других репрессивных мер с запущенным маховиком ювенальной юстиции.

Мы категорически против деиндивидуализации наказания и трансмиссии ответственности, поскольку вместо виновных в травле подростков в таких случаях наказание понесут родители или педагоги, т. е. ребенок де-факто не почувствует себя виновным и наказанным. К тому же если в издевательствах участвовал весь класс (активно или пассивно), это также на порядок усложнит работу правоохранителей, но без увеличения КПД и повышения эффективности осуществляемой превенции. В дополнение ко всему агрессия родителей (как часть

последующего «воспитательного» процесса) (Токарчук, 2022) по отношению к детям-абузерам будет проецироваться на жертвах последних в школе, а советы пострадавшим сводиться к «дай ему сдачи!», «поступи с ним [обидчиком] также». В свою очередь педагогический состав еще с большим рвением будет заниматься укрывательством подобных фактов, а реализация воспитательной функции права будет полностью нивелирована. Вот почему инициативы по введению института ответственности родителей или лиц, их заменяющих, педагогического и руководящего состава образовательных организаций за девиации подростков в этой сфере, ужесточение репрессивных мер и выбор в пользу реактивного подхода к данной проблеме не принесут ожидаемых результатов, а сделают ее глубоко латентной и прогрессирующей.

С другой стороны, объектом травли может быть и учитель (в том числе классный руководитель), подвергающийся издевательствам в целях провокации на ответную эмоциональную реакцию, спонтанные поступки, ненормативную лексику. Чаще всего это связано с патологическим желанием детей зафиксировать подобный контент на камеры мобильных телефонов и немедленно выложить его на видеохостингах или в социальных медиа, заработав однодневную мнимую популярность в виде «лайков», репостов и комментариев («хайпануть»).

Объективная сторона таких действий школьников может включать саботаж или воспрепятствование деятельности педагогических работников, оскорбительное общение, дискредитацию морально-деловых качеств и профессиональной компетенции педагога, демонстративное игнорирование учителя как такового и его требований, физическое насилие или угрозу его применения, попытки компрометации. Указанные девиации могут быть связаны как со спецификой деятельности образовательных институций, личными качествами обучающихся, так и формальным или отсутствующим авторитетом, несформированной резильентностью, утратой субъектности самими педагогическими работниками. В таком случае реализация любой государственной стратегии, региональной программы или плана работы общеобразовательной организации по предупреждению школьной травли и развитию взаимоуважения среди обучающихся будут просто симулякрами, формальностями, очередными отписками для вышестоящих инстанций, проверяющих и контролирующих органов, не имея в реальности ничего общего с превенцией девиантного и антисоциального поведения подростков.

В контексте данного исследования подчеркнем недопустимость смещения акцентов с воспитания на обучение, не оставляя без внимания внеурочную (внеклассную) деятельность. Приходится констатировать, что сегодня для педагогического состава на первый план директивно выходят имидж школы, конкурсы профессионального мастерства, гранты, научно-представительские и отчетные мероприятия, применение инновационных технологий и новаторских педагогических методик в обучении, улучшения учебно-материальной базы, взаимодействие с родительскими комитетами и бюрократические моменты. Поэтому второстепенными ожидаемо становятся формирование и поддержание здорового психологического климата в коллективе, воспитание и привитие детям культуры поведения в общественных местах, чувства такта, взаимоуважения, мирного сосуществования, дружбы, товарищества, патриотизма, гуманизма, традиционных для Российского государства духовно-нравственных ценностей, пропаганда правовых знаний (Котляр, 2022).

Далее рассмотрим нормативное правовое регулирование исследуемых и смежных вопросов и законодательные инициативы в этой сфере, в т. ч. на постсоветском пространстве и региональном уровне.

Согласно казахскому закону «О правах ребенка в Республике Казахстан» под травлей или буллингом понимаются систематические (два и более раза) действия унижительного характера, преследование и (или) запугивание, в т. ч. направленные на принуждение к совершению или отказу от совершения какого-либо действия, а равно те же действия, совершенные публично

или с использованием массмедиа и (или) сетей телекоммуникаций, и (или) онлайн-платформ (кибербуллинг)¹. Соответствующие изменения в законодательстве (с 15 апреля 2024 г.) коснулись полномочий центральных и местных исполнительных органов по вопросам защиты прав ребенка в государстве (в части разработки и утверждения программ помощи несовершеннолетним, подвергшимся насилию, жестокому обращению, буллингу, а также несовершеннолетним, в присутствии которых совершены правонарушения против личности), требований, предъявляемых к деятельности органов управления образованием городов республиканского и областного значения, столицы и районов (обеспечение реализации мероприятий по профилактике травли ребенка), и дополнения перечня прав ребенка на жизнь, личную свободу, неприкосновенность достоинства и частной жизни.

Еще дальше пошли узбекские парламентарии, которые в законопроекте «О защите детей от всех форм насилия» инициировали расширение общепринятых форм насилия над детьми (физическое, психологическое, сексуальное) следующими:

а) буллинг – использование группой детей или одним ребенком оскорбительных прозвищ в отношении другого ребенка или детей, в частности, в отношении жертвы насилия, ограничение (бойкот) любого общения с ним, отнятие и (или) причинение вреда его имуществу, массовое обсуждение присущих ему физических, психологических или интеллектуальных особенностей, унижение чести и достоинства либо причинение вреда здоровью и жизни, в т. ч. и продолжительное психологическое и (или) физическое агрессивное поведение в социальных сетях и интернете;

б) эксплуатация – принуждение путем применения физического или психического воздействия к совершению (несовершению) действия, принуждение ребенка к любой форме труда, в т. ч. торговле людьми, сексуальной эксплуатации, вступлению в брак или продолжению проживания в браке, антиобщественному поведению и попрошайничеству, получению религиозного воспитания и определению ребенком религиозной позиции, принуждение его к труду в любой форме, представляющей опасность для здоровья, безопасности, нравственности, умственного и физического развития, в т. ч. препятствующей образованию ребенка;

в) отсутствие заботы – неудовлетворение родителями (лицами, их заменяющими) физических, материальных и (или) психологических потребностей находящегося на попечении ребенка, несмотря на имеющиеся возможности, наличие необходимых знаний и навыков, а также возможностей соответствующих служб (медицинских, образовательных, социальных и пр.), приводящее к серьезным нарушениям здоровья, физического, умственного, духовного и нравственного развития ребенка².

Также планировалось ввести новые институты – выдача органами внутренних дел охранного ордера для детей-жертв насилия (на срок от 30 дней до года), создание круглосуточного телефона доверия для оказания им бесплатной помощи; право детей обращаться напрямую или через законного представителя в суд с требованиями о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда; запреты для родителей и педагогов на насильственные методы воспитания детей и их физические наказания; защита детей от оказывающей вредное воздействие информации.

В законе Республики Таджикистан «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» воспитание определяется как целенаправленный процесс воспитания ребенка родителями (лицами, их заменяющими), образовательным учреждением, обществом и его подготовка

¹ Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345-III «О правах ребенка в Республике Казахстан» (2002). *Казахстанская правда*, в ред. от 20 августа 2024 г., 174.

² Проект закона «О защите детей от всех форм насилия» прошел первое чтение. Главное (2024). *Газета.uz*. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/02/27/protecting-children-from-violence/>

к самостоятельной жизни³. Схожие законы есть и в отдельных субъектах Российской Федерации (например, в Республике Дагестан). В свою очередь в Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики обращается внимание на воспитание детей и на дошкольном этапе. Подчеркивается, что именно в семье формируется и развивается личность человека, происходит овладение ими социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребенка в обществе, закладываются основы нравственности человека, формируются нормы поведения, раскрываются внутренний мир и индивидуальные качества личности. Соответственно семья должна способствовать не только формированию личности, но и самоутверждению человека, стимулировать его социальную и творческую активность, раскрывать его индивидуальность. Основными принципами семейного воспитания закреплены: гуманность и милосердие к ребенку; вовлечение детей в жизнедеятельность семьи как ее равноправных участников; открытость и доверительность отношений с детьми; последовательность и согласованность родителей в своих требованиях; оказание помощи ребенку, готовность отвечать на его вопросы; социальная направленность (погружение в реальные проблемы жизни) и др.⁴

Однако обратной стороной медали видится контрпродуктивная активность государственных и общественных деятелей, музыкальной, теле- и киноиндустрии, лидеров общественного мнения, известных блогеров и т. п., которые не несут никакой юридической и моральной ответственности за формирование асоциального, нигилистического, маргинального и агрессивного общества в результате потребления создаваемых ими информационных продуктов. К примеру, несмотря на маркировку возрастным ограничением «18+», российский криминальный сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» (2023 г., режиссер Ж. Крыжовников), повествующий о жизни молодежных группировок в г. Казани конца 1980-х годов, посмотрели в т. ч. и школьники. А заявление главы Чечни Р. Кадырова 10 октября 2024 г. об объявлении кровной мести трем членам Совета Федерации и Государственной Думы («древний и красивый обычай») мгновенно растиражировали все интернет-ресурсы. Подобные «решения» возникающих конфликтов, безусловно, будут экстраполироваться подростками и для «урегулирования» проблем и противоречий в школьной среде, при коммуницировании и проведении досуга. Благодаря этому в подростковой и молодежной среде с помощью массмедиа, социальных сетей и мессенджеров могут беспрепятственно популяризоваться различные девиации, активно продвигаться аномальные нарративы, с обесцениванием традиционных смыслов, прививаемых ориентиров, наставлений и советов родителей и учителей, а также их подменой на вредные и чуждые нашему обществу и государству «нормальности». Далее формируется новая, альтернативная смысловая система, в которой неолиберальные ценности и культурное расчеловечивание становятся безальтернативными нормами поведения, стандартами мышления, обыкновениями и данностями.

В сентябре 2024 г. на различных интернет-ресурсах появилась информация о том, что Министерство просвещения РФ хочет исключить из школьной программы слова «гендер», «толерантность», «домашнее насилие» и т. д. в целях приведения образовательных программ к «национальному воспитательному идеалу». В частности, слова «домашнее насилие и буллинг» предлагается заменить формулировкой «психологическое насилие, систематическое унижение чести и достоинства, издевательства, преследование». Словосочетание «гендерные

³ Закон Республики Таджикистан от 20 июня 2024 г. № 2049 «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» (2024). База данных ЦБПИ «ADLIA». URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=148567

⁴ Указ Главы Чеченской Республики от 5 октября 2021 г. № 177 «Об утверждении Единой Концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики» (2021). *Вести Республики*, 77 (3370).

особенности» будет заменено словом «пол», а «толерантность» – «взаимоуважением». Конечно же, исключение тех или иных формулировок из школьных курсов, нормативных актов или общения (например, англицизмов) не имеет ничего общего с решением проблемы, в т. ч. касающейся школьной травли.

Схожая по сути законотворческая инициатива касается ограничений или запретов публикаций в массмедиа и на интернет-площадках подробностей насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, по мнению ее инициаторов (депутаты Государственной Думы, руководство Следственного комитета РФ), новостные сообщения о таких происшествиях не должны раскрывать какую-либо личную информацию, персональные данные и характеристики подозреваемых и обвиняемых, упоминания об орудиях преступления, комментарии свидетелей, родных и близких жертв или самого злоумышленника. Как считает вице-спикер Государственной Думы Б. Чернышев, «выгодоприобретатель от подробностей таких преступлений только один – владельцы информационных ресурсов, которые наращивают посещаемость за счет препарирования трагедий детей на глазах у миллионов читателей», к тому же может наблюдаться волновой, каскадный характер совершаемых общественно опасных деяний (к примеру, синдром Вертера). Что же касается крайних форм агрессивного и жестокого поведения подростков, то в большинстве случаев без огласки или общественного резонанса достичь справедливости жертвам школьной травли бывает невозможно. Как уже говорилось выше, школьные администрации почти всегда стараются замолчать и спустить на тормозах любые конфликты. Как следствие, дети могут годами подвергаться травле, издевательствам, побоям, вымогательствам, другим формам противоправного психического (информационного) и физического воздействия.

Таким образом, предложения по совершенствованию нормотворчества (в первую очередь установления ответственности за такие правонарушения) в этой сфере зачастую носят популистский и демагогичный характер, оторваны от актуальной правоприменительной и правоохранительной деятельности, поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно останавливаться на них всех подробно. К примеру, одна из недавних рекомендаций Национального антитеррористического комитета родителям и педагогам – обращать внимание на детей, у которых менее ста друзей в социальных сетях, поскольку это может указывать на их опасность и интерес к массовым убийствам, вовлеченность в деятельность групп деструктивного и агрессивного спектра. Получается, что речь о ребенке-интроверте или создании им нескольких страниц в одной социальной сети для различных целей (общение; прослушивание или просмотр контента; знакомства; «официальная» для родителей или дистанционного обучения и т. п.) идти не может. Уверены, что более логичным и оправданным будет формирование в школьных коллективах нетерпимого отношения к травле, а эффективность превенции ее детерминант и проявлений будет достигаться только благодаря комплексности, сочетанию различных форм работы (мониторинг, диагностика, индивидуальные профилактические, корректирующие и воспитательные беседы, интерактивные лекции, тематические занятия, выставки, плакаты, тренинги, экскурсии, соревнования, концерты, прикладное творчество), всеохватности (привлекаются все обучающиеся, родители, педагоги, психологи, воспитатели) и целостности планируемых и проводимых мероприятий, развитию стойкого коллективного иммунитета к данным девиациям.

Поскольку девиации, которые можно отнести к школьной травле, уже содержатся в отдельных статьях Кодекса об административных правонарушениях, Уголовного кодекса и Гражданского кодекса Российской Федерации (например, оскорбление, хулиганство, клевета, побои; компенсация морального вреда и т. п.), нет необходимости выделять это отклонение в отдельный деликт. Аналогичного подхода законодатель придерживался и по правонарушениям

экстремистской направленности и террористического характера (Чудина-Шмидт, 2022), в т. ч. не выделяя совершенные с помощью информационно-телекоммуникационных технологий (например, кибертерроризм). Вместо пенализации дополнительных девиаций лучше переосмыслить организацию и содержание воспитательной, просветительской, мониторинговой и аналитической работы в образовательных организациях, постоянно улучшая взаимоотношения среди участников образовательного процесса. Это касается и недопущения чрезмерной заорганизованности и зарегулированности деятельности по превенции девиаций в межличностном общении (см. закон Кыргызской Республики «Об охране и защите от семейного насилия»).

На основании проведенного исследования к основным проблемам превенции школьной травли нами отнесены: деликатность проблемы и, как следствие, ее замалчивание или отрицание; подход к травле как к проблеме двух или нескольких участников, а не всего коллектива; чувство беспомощности у детей в контексте равнодушия и безразличия взрослых; невозможность составления унифицированных алгоритмов действий по превенции и пресечению дифференцированных вариаций школьной травли; несформированность ценностных ориентиров и морально-нравственных качеств у подростков; недооценка роли классного руководителя, педагога как лидера коллектива; отсутствие навыков бесшовного, бесконфликтного, системного и комплексного решения таких проблем. С учетом изложенного полагаем, что данный вопрос должен решаться не в правовом поле, а прежде всего на уровне психолого-педагогической работы с обучающимися как в групповой, так и индивидуальной формах, как с агрессорами и их пособниками, так и свидетелями и жертвами, родителями и педагогами, с участием воспитателей и психологов, юристов и правоохранителей.

По нашему мнению, травля является агрессивным поведением, крайне нежелательным для любого коллектива, организации и сферы деятельности, и если в подростковом возрасте такие девиации своевременно не пресекать, то в дальнейшем асоциальная (антисоциальная) активность может трансформироваться в общественно опасные деяния. Поэтому педагогический коллектив во взаимодействии с родителями (лицами, их заменяющими), правоохранительными органами и институтами гражданского общества в рамках воспитательной работы должен выявлять, идентифицировать, локализовывать, устранять и не допускать в дальнейшем причин и условий, способствующих появлению и развитию данных явлений как в стенах школы, так и за ее пределами. Иначе говоря, приоритетной задачей уполномоченных субъектов и привлекаемых акторов должно стать обеспечение формирования и функционирования безопасной и комфортной образовательной среды для всех ее участников, осуществляемое на общественном, школьном, классном и индивидуальном уровнях.

Список литературы

- Губченко, Е. С. (2022). Деструктивные проявления протестной активности несовершеннолетних и молодежи как одна из форм проявлений экстремизма. В *Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (г. Симферополь, 20 мая 2022 г., стр. 56–58). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Душкин, А. С., Гончарова, Н. А. (2021). Факторы семейного воспитания в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 1, 30–35.
- Коноплева, А. А. (2017). Кризис идентичности современного человека: причины развития, формы, проявления, последствия. В *Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвузовский сборник научных трудов* (г. Краснодар,

- 14 апреля 2017 г., вып. 14, стр. 61–65). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Котляр, А. И. (2022). Правовая пропаганда среди несовершеннолетних как средство совершенствования правоохранительной деятельности. В С. А. Буткевич (ред.), *Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений*: монография (стр. 105–111). Симферополь: Полипринт.
- Никитина, Л. Н. (2022). Психологические аспекты нарушения социализации несовершеннолетних киберрадикалов. *Проблемы современного педагогического образования*, 76-2, 140–143.
- Пестов, Р. А., Савочкина, Д. О., Габдуллин, Т. Р. (2023). Профилактика семейно-бытового насилия: междисциплинарный аспект. *Евразийский юридический журнал*, 7 (182), 108–110.
- Сафонов, Д. А. (2017). К вопросу о перспективных направлениях обеспечения безопасности от преступных и иных противоправных посягательств. В *Актуальные вопросы конституционного и административного права*: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Ростов-на-Дону, 28 февраля 2017 г., стр. 151–165). Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России.
- Токарчук, Р. Е. (2022). Правовые проблемы применения воспитательного принуждения для профилактики деструктивных и радикальных проявлений молодежи. В С. А. Буткевич (ред.), *Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений*: монография (стр. 36–57). Симферополь: Полипринт.
- Цындра, В. Н. (2022). Санкции, применяемые к несовершеннолетним лицам, совершившим административные правонарушения: анализ зарубежного опыта. В *Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы*: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Симферополь, 20 мая 2022 г., стр. 339–343). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
- Чудина-Шмидт, Н. В. (2022). Экстремизм и терроризм: от мысли к действию. *Евразийский юридический журнал*, 12 (175), 427–428.

References

- Gubchenko, E. S. (2022). Destruktivnye proyavleniya protestnoj aktivnosti nesovershennoletnih i molodezhi kak odna iz form proyavlenij ekstremizma. V *Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy*: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Simferopol', 20 maya 2022 g., str. 56–58). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Dushkin, A. S., Goncharova, N. A. (2021). Faktory semejnogo vospitaniya v profilaktike deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih pravonarushitelej. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatelnosti*, 1, 30–35.
- Konopleva, A. A. (2017). Krizis identichnosti sovremennogo cheloveka: prichiny razvitiya, formy, proyavleniya, posledstviya. V *Aktual'nye voprosy sociogumanitarnogo znaniya: istoriya i sovremennost'*: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov (g. Krasnodar, 14 aprelya 2017 g., vyp. 14, str. 61–65). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Kotlyar, A. I. (2022). Pravovaya propaganda sredi nesovershennoletnih kak sredstvo sovershenstvovaniya pravooxranitel'noj deyatelnosti. V S. A. Butkevich (red.), *Protestnaya aktivnost'*

nesovershennoletnih i molodezhi: prichiny, formy i metody profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij: monografiya (str. 105–111). Simferopol': Poliprint.

- Nikitina, L. N. (2022). Psihologicheskie aspekty narusheniya socializacii nesovershennoletnih kiber-addiktov. *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 76-2, 140–143.
- Pestov, R. A., Savochkina, D. O., Gabdullin, T. R. (2023). Profilaktika semejno-bytovogo nasiliya: mezhdisciplinarnyj aspekt. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 7 (182), 108–110.
- Safonov, D. A. (2017). K voprosu o perspektivnyh napravleniyah obespecheniya bezopasnosti ot prestupnyh i inyh protivopravnyh posyagatel'stv. V *Aktual'nye voprosy konstitucionnogo i administrativnogo prava*: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (g. Rostov-na-Donu, 28 fevralya 2017 g., str. 151–165). Rostov-na-Donu: Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii.
- Tokarchuk, R. E. (2022). Pravovye problemy primeneniya vospitatel'nogo prinuzhdeniya dlya profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij molodezhi. V S. A. Butkevich (red.), *Protestnaya aktivnost' nesovershennoletnih i molodezhi: prichiny, formy i metody profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij*: monografiya (str. 36–57). Simferopol': Poliprint.
- Cyndrya, V. N. (2022). Sankcii, primenyaemye k nesovershennoletnim licam, sovershivshim administrativnye pravonarusheniya: analiz zarubezhnogo opyta. V *Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy*: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Simferopol', 20 maya 2022 g., str. 339–343). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii.
- Chudina-Shmidt, N. V. (2022). Ekstremizm i terrorizm: ot mysli k dejstviyu. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 12 (175), 427–428.

Информация об авторе

Сергей Анатольевич Буткевич – начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Крым.

About the author

Sergey A. Butkevich – Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Crimea branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Honored Lawyer of the Republic of Crimea.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.10.2024
Одобрена после рецензирования 20.11.2024
Опубликована 28.12.2024

Submitted October 22, 2024
Approved after reviewing November 20, 2024
Accepted December 28, 2024

УДК 316.624:316.472.4(571.17)

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-611-622

Основания и компоненты деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах: региональный аспект

Наталья Владимировна Нятина

Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
kozeeva_n@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8512-3282

Аннотация

Введение. В настоящее время основания деструктивного социально-политического взаимодействия среди населения обновляются и становятся все более диверсифицированными. Это обусловлено распространением новых угроз латентного характера для социальной безопасности, что соответствующим образом влияет на сознание и поведение людей. Формируется устойчивый запрос на информированность и включенность в событийную повестку для понимания собственного поведения в нестандартных жизненных ситуациях и стратегического планирования социализационной траектории. В реальном секторе взаимодействия круг субъектов, транслирующих значимые данные, как правило, ограничен, в то время как сетевые сообщества – это особое пространство для коммуникации, функционального делегирования определенных зон ответственности, т. к. практически все управленческие административные организации имеют официальные сообщества, в которых есть возможность «напрямую» узнать достоверную информацию от первых лиц и / или обратиться к власти для решения вопросов как личного характера, так и социально значимых. Однако для понимания специфики социально-политической коммуникации особый исследовательский интерес вызывает неформальное взаимодействие в востребованных жителями регионов сообществах. Целью статьи является анализ оснований и компонентов деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах сибирских регионов. **Методы.** Исследование проведено на основании анализа комментариев в популярных сетевых сообществах сибирских регионов Кемеровской области – Кузбасса и Томской области. Всего было проанализировано 32 226 комментариев пользователей. **Результаты.** По результатам проведенного исследования были определены основания, которые стимулируют онлайн-активность населения деструктивной направленности.

Ключевые слова

социально-политическое взаимодействие, деструктивность, сетевые сообщества, активность, агрессия

Благодарности

Материалы подготовлены при поддержке гранта РФФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining».

Для цитирования: Нятина, Н. В. (2024). Основания и компоненты деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах: региональный аспект. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 611–622. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-611-622.

Original paper

Bases and components of destructive socio-political interaction of the population in network communities: regional aspect

Natalia V. Nyatina

Kemerovo State University

(Kemerovo, Russia)

kozeeva_n@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8512-3282

Abstract

Introduction. At present, the bases of destructive socio-political interaction among the population are being updated and are becoming more diversified. This is due to the spread of new threats of latent nature to social security, which appropriately affects the consciousness and behaviour of people. There is a steady demand for awareness and inclusion in the event agenda to understand their own behaviour in non-standard life situations and strategic planning of socialisation trajectory. In the real sector of interaction, the circle of subjects transmitting significant data is usually limited, while network communities are a special space for communication, functional delegation of certain areas of responsibility, as practically all managerial administrative organisations have official communities, where it is possible to 'directly' learn reliable information from top officials and / or appeal to the authorities to solve issues of both personal and socially significant nature. However, to understand the specifics of socio-political communication, informal interaction in the communities demanded by the residents of the regions is of particular research interest. The aim of the article is to analyse the bases and components of destructive socio-political interaction of the population in network communities of Siberian regions. **Methods.** The study was based on the analysis of comments in popular online communities in the Siberian regions of the Kemerovo Region - Kuzbass and Tomsk Region. A total of 32,226 user comments were analysed. **Results.** According to the results of the research, the reasons that stimulate online activity of the population of destructive orientation were identified.

Keywords

socio-political interaction, destructiveness, online communities, activity, aggression

Acknowledgments

The materials were prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01230 "Social and political mobilisation of constructive and destructive types in the context of multiple network worlds of Siberian regions of resource development: possibilities of using data-mining tools".

For citation: Nyatina, N. V. (2024). Bases and components of destructive socio-political interaction of the population in network communities: regional aspect. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 611–622. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-611-622.

Введение

Деструктивное поведение предполагает, что поступки или действия не соответствуют институционально установленным ожиданиям и групповой норме. В современном обществе население демонстрирует подобные практики в силу возрастных особенностей, отсутствия устоявшихся жизненных ценностных ориентаций, готовности к социальной мобильности, включенности в сетевые и цифровые сообщества, которые оказывают существенное влияние на социализацию и персонализацию личности. Перед жителями различных регионов возникают различные мобилизационные вызовы и ограничения, которые провоцируют проявление гражданской позиции, сопряженное с помогающим поведением либо наоборот, подталкивают к практикам изоляции и «ухода» от реальной ситуации в предлагаемые форматы «метавселенных», различных теневого сообществ, играизацию и пр. В таких условиях отклонения в поведенческих нормах могут носить конструктивный характер либо граничить с делинквентными проявлениями. Девиация может рассматриваться как деструктивная, когда представляет собой угрозу устойчивому общественному развитию, так и конструктивная, когда становится одним из основополагающих ресурсов данного процесса. Конструктивная девиация возникает как отклонение от нормативного поведения, которое может обеспечивать социальную стабильность, улучшение качества жизни населения, диагностику мобилизационного потенциала населения, в то время как деструктивная девиация влияет на распространение анти-социальных форматов взаимодействия, которые могут представлять угрозу как для личной безопасности, так и общественной.

В современных социологических исследованиях анализ сетевого социально-политического взаимодействия и его цифровых следов является актуальной проблемой для изучения, и это обусловлено различными аспектами. С точки зрения социологии безопасности такая постановка вопроса содействует выявлению триггеров социальной напряженности, определению взаимосвязи и влияния определенных сетевых сообществ на сознание групп пользователей. Психологический подход, рассматривая волевую и мотивационную составляющую поведения личности, помогает сконструировать портрет пользователей и ключевые аспекты общения в Сети. Кроме того, учитывая востребованность, доступность и меру социальной адаптации населения, подобное взаимодействие может развиваться в непредсказуемых формах и типах, поэтому следует диагностировать возможные инновационные эффекты, в т. ч. и побочного характера. Классический сетевой анализ позволяет определять социальные взаимосвязи, способствует проверке исследовательских гипотез о корреляции определенных параметров, прогнозировать возможные варианты развития коммуникативных связей с учетом территориальной специфики.

В условиях актуальной социально-политической повестки, виртуализации коммуникации власти и населения, расширения возможностей социальной активности население может включаться в различные сетевые сообщества. На данный процесс одновременно влияют множество факторов: политическая идеология, социокультурные основания жизни, процессы социальной дифференциации, стремительные процессы развития коммуникаций и скорость распространения информации, а также социальная политика. Одновременно на социально-политическое взаимодействие оказывает воздействие и гражданская идентичность, которая представляет собой комплексный показатель, отражающий солидаризацию населения с властью, отношение к общественно-значимым изменениям, доверие к социальным

и политическим институтам. При этом динамичное развитие сетевого пространства противоречивым образом влияет на процессы самоотождествления личности с гражданскими сообществами. С одной стороны, открытость и доступность в сетевом пространстве информации, коммуникации с представителями власти смягчают состояние социальной напряженности и влияют на развитие диалогового социально-политического взаимодействия. С другой стороны, наблюдается вариативность социально-психологической идентичности, поверхностность в политическом сознании пользователей, когда активность ограничивается слактивизмом, деструктивными проявлениями и неготовностью к альтруистическим поступкам в ситуациях, когда востребованы практики конструктивной активности.

Социально-политическое взаимодействие населения характеризуется различными основаниями возникновения, интенсивностью, субъектностью и способами регулирования. Кроме классического различения по уровням территориального развития (федеральное, региональное, местное, организационное), оно отличается по субъектам участия: жители, органы власти, общественные движения, политические партии, общественные объединения, некоммерческие организации, лидеры общественного мнения и т. п. Такое взаимодействие может реализовываться в различных комбинациях. Инициативное обращение к органам власти по схеме участия «житель – представитель власти» в дальнейшем может развиваться в рамках данного же проблемного поля с привлечением участников другого уровня. Современные социально-политические условия влияют на организацию и адаптацию нового пространства для коммуникации. Сетевые сообщества в настоящее время являются полем активных дискуссий, транслятором мнений, отношений, суждений об определенных событиях, изменениях, принятых нововведениях.

Социально-политическое взаимодействие может быть конструктивным и деструктивным. В первом случае оно направлено на созидательную активность, трансляцию помогающего поведения, проектирование инициатив, которые направлены на реализацию социально значимых целей. Деструктивное социально-политическое взаимодействие необходимо отличать от агрессивного поведения, хотя в исследовательской литературе можно встретить точку зрения, согласно которой в соотношении данных понятий нет четкого понимания (Антипова, Ларионова, Орлова, 2020, с. 129–131). Агрессия представляет собой двустороннее социальное действие, целью которого является наступление негативных социально-психологических, физических, материальных последствий в отношении определенного лица (или группы лиц) при условии, что было сопротивление данной негативной форме в отношении виновника (агрессора). Подобная активность может развиваться как в конструктивном, так и деструктивном ключе. Деструктивное взаимодействие возникает на основании отрицания сложившегося внешнего уклада жизни и стремления к его структурным изменениям (Хайдеггер, 2003, с. 102), которые значимо влияют на организацию жизненного и / или социального пространства личности, социальной группы (и других объединений), общества в целом.

Деструктивность в понимании Э. Фромма является результатом социокультурного и технического развития общества, которое проявляется как разрыв между экзистенциальными потребностями личности и социальными условиями ее жизнедеятельности (Фромм, 1973, с. 23). Вполне возможно, что агрессивное поведение в конструктивном ключе будет не способствовать антиобщественной активности, а влиять на положительные инициативы и соответствующие преобразования. Также с психологической точки зрения деструктивные социальные проявления анализируются как свойство личности, а именно, как многоуровневая система функциональных связей, которая проявляется в произвольной активности (Злоказов, 2013, с. 40). Внешние социально-политические изменения в период постмодерна сами продуцируют полярные форматы таких проявлений. Например, в настоящее время можно

наблюдать социальную дифференциацию населения на включенных в общественную практику и исключенных из нее (Гишинский, 2022, с. 8). Но несмотря на то, что воздействие внешней социальной среды ощутимо влияет на распространение деструктивных социально-политических взаимодействий, ключевым все-таки является первичная социализация личности и процессе воспитания, которое в случае отклонений проявляется в формировании категорий «асоциальности», «просоциальности» и «диссоциативности» (Аксютин, 2023, с. 301).

Деструктивное социально-политическое взаимодействие характеризуется следующими чертами:

- отклонение от норм (медицинских, социально-психологических, организации жизненного пространства отдельного социального объединения);
- является последствием социальной дезадаптации, то есть несогласованности между требованиями внешней социальной среды и ожиданиями личности-нарушителя;
- наличие устойчивых когнитивных искажений личности-транслятора деструктивных ценностных ориентаций, которые воплощаются в стремлении реализовать определенные структурные преобразования, основанные на функциональных изменениях, в т. ч. в пространстве «искусственной социальности» (Шмерлина, 2024, с. 9);
- доминирование эмоционального, а не рационального восприятия происходящих в ближайшем окружении или обществе событий;
- замена общепризнанного ценностно-рационального социального регулирования на личностно ориентированное;
- может сопровождаться мотивами оборонительной и злокачественной агрессии, асертивности.

Исследование сетевого социально-политического взаимодействия с точки зрения социологического анализа необходимо рассматривать с учетом определенных социальных, психологических и территориальных противоречий (Резаев, Трегубова, 2019, с. 39). Рассматривая «жизнь» сообществ, можно заметить, что количественная составляющая не является показателем заинтересованности и включенности в ту информацию, которая в них транслируется. Теоретические основания данного подхода, описывающего жизненные начала социальных и политических отношений в обществе, базируются на продолжительных исследованиях российских социологов, в частности, на работах Л. Л. Шпак (Шпак, 2007) и Ж. Т. Тощенко (Тощенко, 2016). Так, многие формально административные сетевые площадки объединяют большое количество пользователей, однако они часто не выстраивают непосредственный диалог, сохраняя иллюзорную картину институционального благополучия. При этом одновременно сообщества творческие, соседские и др. могут стать основой для интенсивной коммуникации и динамичного выстраивания паритетных взаимодействий в решении интересующих вопросов. Поэтому сетевые сообщества требуют качественного анализа с точки зрения содержания, интенсивности и пересечения в коммуникации участников. Одним из новых концептуальных подходов к анализу сетевой коммуникации и взаимодействия в области развития «умных» городов (Василенко, Захарова, 2023, с. 101). Интерпретация «умного» города в таком подходе достигается не только за счет органичного внедрения информационно-коммуникационных технологий в городскую инфраструктуру, адаптации сложных систем искусственного интеллекта для решения социальных проблем, но и посредством участия местных сообществ в управлении развитием пространств. Население «умных» городов, по мнению авторов, должны обладать качествами проактивного участия, выдвижения и реализации общественных инициатив, создания систем управления и контроля развития городов, в т. ч. при помощи формирования обратной связи. Подобная активность достигается за счет «smart-коммуникации», в качестве которой предполагаются кратковременные сетевые социальные контакты, не имеющие

другой значимости, ценности для коммуникантов, кроме конструирования социальных отношений на основе взаимовыгодного доверия. Такие коммуникации, обладающие свойством реципрокности, служат показателем социальных отношений, возникающих в структуре сетевого пространства городов (Смирнова, 2024). При этом сами социальные образования стали сложноуправляемыми, т. к. процесс контроля и регулирования носит скрытый либо ситуативный характер. Кроме того, происходит развитие «многослойности» коммуникации, при этом одновременно в процессе взаимодействия может обновляться лидер мнения и источник достоверной информации.

Коммуникацию в сетевых сообществах можно анализировать с точки зрения теории «использования и удовлетворения» (U&G). Согласно ей, пользователи активно выбирают и включаются в сообщества в соответствии с их конкретными потребностями (Eginli & Tas, 2018). Данная теория сосредоточена на пяти фундаментальных предположениях:

- 1) коммуникативное поведение является целенаправленным и мотивированным;
- 2) люди находятся в активной позиции выбора альтернатив, выбирая способ коммуникации;
- 3) люди могут определить свои мотивы и способы их удовлетворения;
- 4) средства массовой коммуникации, в т. ч. социальные сети, ориентированы на обеспечение непрерывной коммуникации, ее стиля и тональности;
- 5) на людей влияют социальные (образование, статус, социальные связи и т. д.) и психологические факторы при выборе альтернатив коммуникации.

Исследовательский подход в изучении сетевых сообществ и коммуникаций в пользовательской среде опирается на принципы предложенные Б. Латуром (Latour, 2011), а в российских прикладных исследованиях принципы кластерно-зернового построения и картирования получили развитие в исследованиях и публикациях Г. В. Градосельской (Градосельская, Щеглова, Карпов, 2019). Для понимания и анализа контекста сетевой среды, взаимодействия и коммуникации социальных акторов в ее рамках, а также ресурсов, доступных для участников сетевого взаимодействия, исследователи подчеркивают значимость использования цифрового социологического воображения (Кранзеева, Головацкий, Орлова, 2021), которое рекомендуется не только в качестве специализированного поисково-исследовательского инструмента, но и как средство для разработки инновационных решений, отвечающих общественным потребностям. Коммуникация в сообществах сибирских регионов имеет особую ресурсную характеристику. «Ресурсность» понимается не только как обеспеченность определенными средствами, условиями, но и как зависимость от них в различных аспектах: жизнеобеспечения, ритма и качества жизни (Курбатова и др., 2019). В таком понимании ресурсы могут задавать повестку социально-политического взаимодействия (в т. ч. и деструктивного профиля), регулировать интерес к определенным проблемам, влиять на создание тех сообществ, которые будут транслировать необходимую информацию (Смирнов, 2023). Изучение комментариев и постов, согласно современным исследованиям, предоставляет ряд преимуществ: агрегированные данные позволяют анализировать большой массив данных, которые с помощью традиционных методов охватить достаточно проблематично (Зотов, Василенко, 2023); цифровая репрезентация позволяет обогащать теоретико-методологическую базу и разрабатывать новые рабочие гипотезы (Карагулян, Батырева, 2024); раскрывает возможности для наблюдения за труднодоступными, закрытыми и маленькими группами через социальные медиа (Богданов, Смирнов, 2021).

Таким образом, изучение деструктивного социально-политического взаимодействия в сетевых сообществах помогает диагностировать ключевые структурные элементы (участники, повестка, мотивы и др.), а также определить тональность и результативность подобной коммуникации, которая зачастую отражает оценку институциональной деятельности на территории.

Описание исследования

Исследовательский интерес демонстрирует практическую полифункциональную направленность изучения сетевых коммуникаций во всем практическом многообразии повседневной жизни сибирских регионов. Данное методологическое объединение предлагает рассмотреть возможности социологического метода и инструментов интеллектуального сетевого анализа. Для изучения оснований и компонентов деструктивного социально-политического взаимодействия населения были проанализированы комментарии пользователей популярных сетевых сообществ в Кемеровской области – Кузбассе и Томской области в сети «ВКонтакте». Внешняя политика сформировала новые акценты в использовании и развитии потенциала данных территорий (Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 г., 2020; Стратегия социально-экономического развития Томской области на период до 2030 года, 2021). Так, кроме активного оборота природных ресурсов, предусматривается интенсивное развитие туристического сектора, что означает формирование нового облика регионального развития, преобразование социальной инфраструктуры, изменение в направлениях миграционного потока, повышение экологичной генерации природных ресурсов и применение инновационных технологий. Ресурсная зависимость территории формирует комплекс неотъемлемых характеристик, например, влияет на производственную структуру социально-экономических отношений, выстраивание системы институциональной поддержки населения, а также на подготовку кадров в регионе. Коммуникативная активность пользователей сетевых сообществ в ожидаемых параметрах должна отражать общую направленность и тональность регионального развития. К числу рейтинговых сообществ Томской области относятся: «Регион-70 | Томск» (число подписчиков: 353 052), «Loqietean» (число подписчиков: 225238), «Я из Томска» (число подписчиков: 186 010), «Интересный Томск» (число подписчиков: 150 350), «Подслушано Томск» (число подписчиков: 143 378); для Кемеровской области – Кузбасса: «Инцидент Кузбасс» (число подписчиков: 310 074), «Регион-42 Кемерово» (число подписчиков: 299 722), «BODY CREATION – Фитнес и Бодибилдинг, ЗОЖ» (число подписчиков: 256 959), «Под пыльным небом» (число подписчиков: 242 649), «Работа в Кемерово» (число подписчиков: 226 761). К числу антирейтинга в укрупненных региональных группах относятся сообщества дошкольных и школьных образовательных организаций, спортивных и медицинских учреждений, развлекательных (знакомства, КВН) объединений. При характеристике сообщений, которые не вызывают обратной реакции и отклика пользователей в сетевых сообществах, в данных регионах можно отметить разноплановость и отсутствие четко заданной направленности и тональности высказываний. Одновременно в одной линии по низкой частотности обратной связи размещаются комментарии об экологической повестке, работе общественного транспорта, ценообразованию и качеству оказываемых медицинских и социальных услуг.

В ходе исследования всего был проанализирован 2991 комментарий пользователей сетевых сообществ Кузбасса и 29 235 – Томской области (период сбора комментариев: с 4 декабря 2023 г. по 15 марта 2024 г.). Парсинг данных был реализован с помощью открытого сервиса *vk.barkov.net*, который активно используется для сбора данных в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» с 2014 года. В структуре деструктивного социально-политического взаимодействия необходимо выделять три компонента: познавательный (анализ ситуации, связанный с обоснованием мотива активности), эмоциональный (доминирование определенной репульсивной (отталкивающей) и аппульсивной (привлекательной) эмоции) и волевой (решимость на реализацию определенной идеи). Анализ социально-политического взаимодействия осуществлялся по следующей схеме:

Таблица 1. Частота комментирования пользователей в популярных сетевых сообществах по полу (чел.)

Table 1. Frequency of users' comments in popular online communities by gender

Сообщества Кузбасса	пол		Сообщества Томска	пол	
	женский	мужской		женский	мужской
«Типичный Кемерово»	779	1378	«Черный список Томска»	7 046	7 295
«Все нормально, это Кемерово»	321	480	«VASK STORE_Томская область»	9 001	4 735
«Под пыльным небом_Кузбасс»	7	14	«РАМУЗЫКА_ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ»	246	147
«BODY CREATION - Фитнес и Бодибилдинг, ЗОЖ_Кузбасс»	0	8	«Подслушано Томск»	104	106
«Развлекательный канал Warpath»	0	4	«Loqiemean_Томск»	93	462
Всего: 2 991	1 107	1884	Всего: 29 235	16 490	12 745

- участники взаимодействия;
- основания взаимодействия;
- познавательный компонент взаимодействия;
- эмоциональный компонент взаимодействия (с акцентом на аппульсивность и репульсивность);
- волевой компонент взаимодействия.

Исходя из собранных первичных данных распределение пользователей, которые часто оставляют комментарии, характеризуется тем, что и женщины, и мужчины достаточно активно высказывают свое мнение в сообществах (см. таблицу 1). Такая особенность сохраняется для всех популярных сетевых сообществ. Исключение составляет сообщество, которое тематически и содержательно относится к моде и красоте – «VASK STORE_Томская область».

К топ-5 основаниям социально-политического взаимодействия деструктивной направленности в сетевых сообществах относятся:

- экологическая повестка («Такого грязного города я не помню, правда. Кто-то скажет, что так бывает каждую весну, нет – не каждую. Под лужами обычно был асфальт, ну согласитесь. Сейчас под ними – ямы, в которые проваливается не нога, а автомобили!!!!..», «Черный список Томска», опубликовано 29 марта 2023 года, 305 лайков к комментарию; «Но давайте сначала начнём с мусора, который оставляют люди...», «Черный список Томска», опубликовано 3 апреля 2023 года, 211 лайков к комментарию);

- качество общественного транспорта («Меня тоже удивляют “подарки” в виде списанных московских трамваев. Это что за унижение? Почему регионы должны “донашивать за Москвой?», «Черный список Томска», опубликовано 27 апреля 2023 года, 180 лайков к комментарию);

- оценка деятельности политических институтов на региональном уровне («Вообще нет власти нормальной... Город за последние лет 10 перестал быть для жизни...?», «Черный список Томска», опубликовано 5 апреля 2023 года, 167 лайков к комментарию);

- коммуникация жителей в городском пространстве («Бесполезно сюда это писать. Когда кто-то делает что-то аморальное, здесь в коментах только это и восхваляют то детством, то

молодостью, то праздником, то не сдержались... Поэтому люди у нас так и останутся такими какие есть. В плохом смысле», «Черный список Томска», опубликовано 10 июля 2023 года, 112 лайков к комментарию; «Мда... Жестокие люди живут у нас в городе. Из 100 % комментариев 95 % сплошной негатив, сарказм, недовольство и прочая грязь...», «Типичный Кемерово», опубликовано 6 декабря 2023 года, 45 лайков к комментарию; «Читаю комменты, люди соревнуются в едкости замечаний и выискивании негатива», «Типичный Кемерово», опубликовано 30 ноября 2023 года, 14 лайков к комментарию);

– воспитание детей и контроль за их досуговой деятельностью («А мы чем лучше были? Гаражи, заброшенная стройка, чердаки... Если так бояться за детей, то закройте их в комнате, включите им компьютер и приносите им туда еду...», «Типичный Кемерово», опубликовано 1 декабря 2023 года, 30 лайков к комментарию; «Мать, кстати, реально пить бросит теперь, лет на 10», «Все нормально, это Кемерово», опубликовано 7 декабря 2023 года, 14 лайков к комментарию).

Познавательный компонент социально-политического взаимодействия характеризуется активным уточнением среди пользователей условий, которые влияют на наступление ситуации. Данные комментарии имеются в отношении поиска решений наиболее социально значимых проблем: экологической обстановки в регионе, работы общественного транспорта, устройства в детский сад, качества образовательного процесса. Эмоциональный компонент деструктивного социально-политического взаимодействия отличается репульсивной составляющей при оценке тональности сообщений данной направленности. Семантически подобные комментарии характеризуются наличием негативно экспрессивно окрашенных слов и выражений, которые задают резкость в оценке. Волевая составляющая взаимодействия в сетевых сообществах описывается в параметрах отсутствия целеустремленности, настойчивости, решительности и инициативности, т. к. пользователи высказывают свое недовольство, но данная критика не относится к числу рациональной, проактивной и основывающейся на самоорганизации.

Заключение

Сетевые сообщества в настоящее время являются востребованным источником получения информации о событиях, которые происходят в региональном и городском пространстве. Кроме доступа к актуальным данным, подобная включенность является полем для взаимодействия населения по тем проблемам, которые вызывают заинтересованность, и как результат – определенную реакцию. Проанализировав комментарии и реакции пользователей сетевых сообществ регионов, отметим следующую специфику: деструктивное социально-политическое взаимодействие основывается на оценке населением своего качества жизни и соучастием в решении приоритетных и значимых проблем со стороны политических институтов и самих жителей. Взаимодействие в форме сотрудничества как форма гражданской самоорганизации не встречается в изучаемой выборке комментариев. Чаще наблюдается слактивизм («диванная активность»), когда в сообществах высказывается отношение к определенным событиям, что свидетельствует о низком деятельностном потенциале пользователей популярных сетевых объединений.

Сетевые сообщества и взаимодействие в них привлекают внимание исследователей на протяжении нескольких десятилетий. Их изучение позволяет понимать повестку социально-политической коммуникации, отношение к социальным изменениям и преобразованиям, а также наиболее рейтинговые и антирейтинговые темы, которые волнуют или не привлекают внимание населения. Однако необходимо учитывать динамичность и «текучесть» современности, когда повестка взаимодействия формируется стихийно и ситуативно, и то, что наполняет жизнь и деятельность населения в регионе сегодня, может существенным образом реактивно измениться.

Список литературы

- Аксютинa, З. А. (2023). Деструктивность в категориях социального воспитания общества постмодерна. В *Философия в XXI веке: социально-философские проблемы современной науки и техники: материалы I Международной научно-практической конференции* (Красноярск, 12 мая 2023 года, стр. 300–303). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет.
- Антипова, Е. А., Ларионова, А. В., Орлова, В. В. (2020). Деструктивное поведение в проблемном поле гуманитарной науки. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 4 (39), 128–137. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1052](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1052)
- Богданов, М. Б., Смирнов, И. Б. (2021). Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (161), 304–328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760>
- Василенко, Л. А., Захарова, С. А. (2023). Концепт «молодежные сетевые smart-коммуникации» в проектах «Умный город» в контексте реципрокности. *Научный результат. Социология и управление*, 9 (1), 98–112. <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-9>
- Гилинский, Я. И. (2022). Девиантология постмодерна. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 30 сентября 2022 года, стр. 7–10). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Градосельская, Г. В., Щеглова, Т. Е., Карпов, И. А. (2019). Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013-2018 гг. *Вопросы кибербезопасности*, 4 (32), 94–104.
- Злоказов, К. В. (2013). Особенности деструктивности личности и статус в служебном коллективе. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 4 (55), 38–42.
- Зотов, В. В., Василенко, Л. А. (2023). Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-сетевых и социально-сетевых аспектов. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3, 26–47. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47>
- Карагулян, Е. А., Батырева М. В. (2024). Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 17 (1), 65–83. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105>
- Кранзеева, Е. А., Головацкий, Е. В., Орлова, А. В. (2021). Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства. *Вестник Томского государственного университета*, 464, 81–90. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/10>
- Курбатова, М. В., Левин, С. Н., Каган, Е. С., Кислицын, Д. В. (2019). Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация. *Terra Economicus*, 17 (3), 89–106. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>
- Резаев, А. В., Трегубова, Н. Д. (2019). «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6 (154), 35–47. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>
- Смирнов, А. В. (2023). Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов. *Социологические исследования*, 4, 39–50. <http://doi.org/10.31857/S013216250022128-3>
- Смирнова, А. С. (2024). Теория и практика изучения цифровых неравенств. *Социологические исследования*, 1, 158–159. <http://doi.org/10.31857/S0132162524010164>
- Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года* (2020). URL: <https://xn---2035-3veg1c0a7eat.xn--p1ai/?ysclid=m3ptwvby3o299158715> (дата обращения: 10.09.2024).

- Стратегия социально-экономического развития Томской области на период до 2030 года (2021). Приложение к постановлению Законодательной Думы Томской области от 01.07.2021 № 2988. URL: <https://depzakon.tomsk.gov.ru/strategija-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-tomskoj-oblasti-na-period-do-2030-goda> (дата обращения: 10.09.2024).
- Тощенко, Ж. Т. (2016). *Социология жизни*: монография. Москва: Юнити-Дана.
- Фромм, Э. (1973). *Анатомия человеческой деструктивности*. Москва: Издательство АСТ.
- Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время* (пер. с нем. В. В. Библихина). Харьков: Фолио.
- Шмерлина, И. А. (2024). Искусственная социальность в свете старых и новых теоретико-методологических подходов. *Социологические исследования*, 1, 5–14. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010016>
- Шпак, Л. Л. (2007). *Социология жизни: научное наследие и современные трактовка*: монография. Кемерово: ООО «Фирма Полиграф».
- Eginli, A. T., & Tas, N. O. (2018). Interpersonal Communication in Social Networking Sites: An Investigation in the Framework of Uses and Gratification Theory. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 8 (2), 81–104. <https://doi.org/10.12973/ojcm/2355>
- Latour, B. (2011). Network, societies, spheres: Reflections of an actor-network theorist. *International Journal of Communication*, 5, 796–810.

References

- Aksyutina, Z. A. (2023). Destrktivnost' v kategoriyah social'nogo vospitaniya obshchestva post-moderna. V *Filosofiya v XXI veke: social'no-filosofskie problemy sovremennoj nauki i tekhniki*: materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Krasnoyarsk, 12 maya 2023 goda, str. 300–303). Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet.
- Antipova, E. A., Larionova, A. V., Orlova, V. V. (2020). Destrktivnoe povedenie v problemnom pole gumanitarnoy nauki. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium*, 4 (39), 128–137. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1052](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1052)
- Bogdanov, M. B., Smirnov, I. B. (2021). Vozmozhnosti i ogranicheniya cifrovyyh sledov i metodov mashinnogo obucheniya v sociologii. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1 (161), 304–328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760>
- Vasilenko, L. A., Zaharova, S. A. (2023). Koncept «molodezhnye setevye smart-kommunikacii» v proektah «Umnyy gorod» v kontekste reciprokosti. *Nauchnyy rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, 9 (1), 98–112. <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-9>
- Gilinskij, Ya. I. (2022). Deviantologiya postmoderna. V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 30 sentyabrya 2022 goda, str. 7–10). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii.
- Gradosel'skaya, G. V., Shcheglova, T. E., Karpov, I. A. (2019). Kartirovanie politicheskii aktivnyh grupp v Fejsbuke: dinamika 2013-2018 gg. *Voprosy kiberbezopasnosti*, 4 (32), 94–104.
- Zlokazov, K. V. (2013). Osobennosti destrktivnosti lichnosti i status v sluzhebnoy kollektive. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 4 (55), 38–42.
- Zotov, V. V., Vasilenko, L. A. (2023). Cifrovaya transformaciya publichnogo upravleniya: edinstvo servisno-setevyyh i social'no-setevyyh aspektov. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 3, 26–47. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47>
- Karagulyan, E. A., Batyreva M. V. (2024). Social'no-politicheskoe uchastie s ispol'zovaniem cifrovyyh servisov: pustoj ritual ili podlinnoe uchastie? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, 17 (1), 65–83. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105>
- Kranzeeva, E. A., Golovackij, E. V., Orlova, A. V. (2021). Social'noe i politicheskoe vzaimodejstvie mestnyh soobshchestv regiona v usloviyah reaktivnyh otnoshenij: kejsy blagoustrojstva

- gorodskogo prostranstva. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 464, 81–90. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/10>
- Kurbatova, M. V., Levin, S. N., Kagan, E. S., Kislicyn, D. V. (2019). Regiony resursnogo tipa v Rossii: opredelenie i klassifikaciya. *Terra Economicus*, 17 (3), 89–106. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>
- Rezaev, A. V., Tregubova, N. D. (2019). «Iskusstvennyj intellekt», «onlajn-kul'tura», «iskusstvennaya social'nost'»: opredelenie ponyatij. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 6 (154), 35–47. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>
- Smirnov, A. V. (2023). Rossijskaya sociologiya v usloviyah cifrovizacii obshchestva: rezul'taty analiza korpusa nauchnyh tekstov. *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, 39–50. <http://doi.org/10.31857/S013216250022128-3>
- Smirnova, A. S. (2024). Teoriya i praktika izucheniya cifrovyyh neravenstv. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1, 158–159. <http://doi.org/10.31857/S0132162524010164>
- Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa na period do 2035 goda* (2020). URL: <https://xn---2035-3veg1c0a7eat.xn--p1ai/?ysclid=m3ptwvby3o299158715> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
- Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Tomskoj oblasti na period do 2030 goda* (2021). Prilozhenie k postanovleniyu Zakonodatel'noj Dumy Tomskoj oblasti ot 01.07.2021 № 2988. URL: <https://depzakon.tomsk.gov.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-tomskoj-oblasti-na-period-do-2030-goda> (data obrashcheniya: 10.09.2024).
- Toshchenko, Zh. T. (2016). *Sociologiya zhizni: monografiya*. Moscow: Yuniti-Dana.
- Fromm, E. (1973). *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti*. Moscow: Izdatel'stvo AST.
- Hajdegger, M. (2003). *Bytie i vremya* (per. s nem. V. V. Bibihina). Har'kov: Folio.
- Shmerlina, I. A. (2024). Iskusstvennaya social'nost' v svete staryh i novyyh teoretiko-metodologicheskikh podhodov. *Sociologicheskie issledovaniya*, 1, 5–14. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010016>
- Shpak, L. L. (2007). *Sociologiya zhizni: nauchnoe nasledie i sovremennye traktovka: monografiya*. Kemerovo: ООО «Firma Poligraf».
- Eginli, A. T., & Tas, N. O. (2018). Interpersonal Communication in Social Networking Sites: An Investigation in the Framework of Uses and Gratification Theory. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 8 (2), 81–104. <https://doi.org/10.12973/ojcm/2355>
- Latour, B. (2011). Network, societies, spheres: Reflections of an actor-network theorist. *International Journal of Communication*, 5, 796–810.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Нятина – доцент кафедры социологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

About the author

Natalia V. Nyatina – associate professor of the department of sociological sciences Sociopsychological institute of Kemerovo State University, candidate of sociological sciences, associate professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 12.10.2024

Одобрена после рецензирования 20.11.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted October 12, 2024

Approved after reviewing November 20, 2024

Accepted December 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-623-635

Психологические и правовые аспекты защиты семьи

Владимир Николаевич Бурлаков

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
parus348@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3711-1762

Лилия Николаевна Плоткина

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
lin68@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1183-2198

Аннотация

Семья и личность подобны двуликому Янусу в жизни человека. История знает периоды патриархальной семьи, и периоды освобождения от семейных уз. Они всегда сопровождались идеологией, оправдывающей такие *modus vivendi*. Семья, подобно государству, нужна человеку, чтобы создать условия для развития, защитить, обеспечить коммуникацию с внешним миром. Сегодня семья нуждается в поддержке. Причины и средства такой необходимости – основные вопросы статьи. Дана характеристика функций современной семьи, уточняется сущность понятия «личность безопасного типа», «семья безопасного типа» и рассматриваются условия их формирования. Средства защиты разнообразны, и среди них привычными являются средства воспитания и меры принуждения. Между этими регуляторами воздействия на семью всегда была связь, которая то ослабевает, то укрепляется. Пренебрежение правовыми нормами и упование на воспитание (психологию поведения в семье) или наоборот, приводит к девиантному поведению, поэтому необходима система мер. Формы государственного принуждения различны, но типичной является право, в том числе уголовное. Для сдерживания негативного воздействия на семью в статье предлагается пакет мер, в том числе: 1) психолого-педагогическое формирование «семьи безопасного типа», 2) уголовно-правовые в качестве дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) несколькими статьями: статьи 123¹ УК РФ «Понуждение к искусственному прерыванию беременности»; статьи 149¹ УК РФ «Дискредитация семьи и семейных ценностей»; статьи 156¹ УК РФ «Принуждение к заключению брака или к расторжению брака». А также включение в действующие статьи дополнительных квалифицирующих признаков в следующих главах уголовного кодекса: главы 16–20, 25 УК РФ.

Ключевые слова

семья, личность, личность безопасного типа, семья безопасного типа, стили семейного воспитания, семейные ценности, правовые средства защиты семьи

Для цитирования: Бурлаков, В. Н., Плоткина, Л. Н. (2024). Психологические и правовые аспекты защиты семьи. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 623–635. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-623-635.

Psychological and legal aspects of family protection

Vladimir N. Burlakov

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
parus348@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3711-1762

Lilia N. Plotkina

The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
lin68@bk.ru
ORCID: 0000-0003-1183-2198

Abstract

Family and personality are like a two-faced Janus in human life. History knows periods of patriarchal family, and periods of liberation from family ties. They have always been accompanied by an ideology justifying such *modus vivendi*. The family, like the state, is necessary for a person to create conditions for development, to protect, to provide communication with the outside world. Today, the family needs support. The reasons and means of such necessity are the main issues of the article. The article characterises the functions of modern family, clarifies the essence of the notion of “safe-type personality”, “safe-type family” and considers the conditions of their formation. The means of protection are diverse, and among them the means of education and coercive measures are habitual. There has always been a connection between these regulators of impact on the family, which weakens and strengthens now and then. Neglect of legal norms and reliance on education (psychology of behavior in the family) or vice versa lead to deviant behavior, therefore a system of measures is needed. The forms of state coercion vary, but typical is law, including criminal law. To curb the negative impact on the family, the article proposes a set of measures, including: 1) psychological and pedagogical formation of a “safe-type family”, 2) criminal-legal, as the addition of several articles to the Criminal Code of the Russian Federation: Article 123¹ of the Criminal Code of the Russian Federation “Coercion to artificial termination of pregnancy”; Article 149¹ of the Criminal Code of the Russian Federation “Discrediting the family and family values”; Article 156¹ of the Criminal Code of the Russian Federation “Coercion to enter into or dissolve the marriage”; as well as the inclusion of additional qualifying characteristics in the current articles in the following chapters of the Criminal Code of the Russian Federation: chapters 16–20, 25 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords

family, personality, safe-type personality, safe-type family, family upbringing styles, family values, legal means of family protection

For citation: Burlakov, V. N., Plotkina, L. N. (2024). Psychological and legal aspects of family protection. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 623–635. doi: 10.35750/2713-0622-024-4-623-635.

Введение

Семью, где рождается, растет и воспитывается человек, принято считать очагом мира, добра и любви для нового родившегося члена общества. Однако развитие современных отношений между членами семьи, в т. ч. между родителями и детьми на современном этапе требует серьезного пересмотра устоявшихся десятилетиями стереотипов. Все чаще приходится с грустью констатировать, что современная семья начинает ассоциироваться с ареной ожесточенных споров, взаимных угроз, обвинений, обособленности друг от друга и очевидного одиночества в кругу близких. Кто-то заявит, что деликатность на предмет невмешательства в отношения внутрисемейные никто не отменял, а стало быть, и среду, в которую погружается родившийся ребенок, также необходимо признать неприкосновенной для обсуждения внешними лицами, если условия, в которых проживает ребенок, не угрожают его физической целостности. Но именно такое «деликатное невмешательство» часто сильно отражается на формирующейся личности ребенка, проявляясь в дальнейшем в его характере и судьбе в целом. Ведь именно семья является главным социальным фактором, влияющим на становление личности.

Каждой отдельной семье как субъекту в рамках общественных отношений присущи характерные признаки. Во-первых, потому, что семья рассматривается как социальный институт, нормальное функционирование которого стабилизирует общество. И если мы наблюдаем процесс разрушения института семьи, прежде всего на психологическом уровне, приходится констатировать, что данное общество переживает глубокий кризис. Безусловно, существуют и другие социальные институты, где предполагается развитие человека как личности: дошкольные, школьные учреждения, разного рода объединения дополнительного образования для ребенка, и тем не менее именно в семье человек находится или должен находиться в максимально комфортных условиях с психической и психологической точек зрения.

Во-вторых, семья как ячейка общества играет немаловажную роль в экономике страны. В этом случае будет уместным подчеркнуть, что семья на основании статуса обособленной ячейки общества, занимаясь организацией домашнего хозяйства, также тем самым поддерживает стабильность и благополучие своей страны. Исходя из этого можно утверждать, что уровень развития семьи, ее благосостояние или домашнее хозяйство являются структурным элементом экономики и именно по этой причине многие государства стараются стимулировать и поддерживать жизнеспособность семей. В этом контексте можно обратиться к истории нашей страны. С древних времен на территории Руси семейный уклад всегда был ориентирован на развитие собственного хозяйства, часть прибыли которого отдавалась в пользу общества, что и формировало устойчивую экономическую систему государства.

Предметом данной статьи является понятие более широкое, чем личность ребенка, а именно, личность безопасного типа. Каковы необходимые условия для ее формирования? Сам термин *«личность безопасного типа»* появился в науке относительно недавно – в конце XX столетия, но данное понятие уже прочно вошло в арсенал науки о человеке. Проведенный анализ различных точек зрения позволил сделать следующий вывод: *«личность безопасного типа – человек, ориентированный на созидание, знающий основы защиты себя и других и способный применять знания на практике»*. Однако если еще более углубиться в суть понятия, мы увидим, что в современных публикациях, касающихся безопасного стиля поведения, на смену концепции «реагировать и выправлять» пришла новая – «предвидеть и предупреждать». В связи с этим наиболее точной характеристикой личности безопасного типа будет готовность к предупреждению опасных ситуаций разного рода. Такая личность безопасна как для себя, так и для окружающих, она в случае необходимости способна защитить себя, социум, природу от внешних угроз.

Проблема осмысления исторического содержания понятия «личность безопасного типа» является на современном этапе развития общества центральной во многих общественных

научных областях. По мнению ряда ученых (А. Ф. Абзалов, Н. С. Костоусов, А. Ф. Шамич), личность безопасного типа представляет собой «своеобразное соотношение человеческих особенностей в гармоничном сочетании личностного, индивидуального и общественного», в результате чего в ней возникают новые качественные образования, которые, по мнению психологов, социологов, педагогов, формируют сущность рассматриваемого вида личности (Мальцев, В. В., Мальцев, А. Ф., 2008). Разработанная К. К. Платоновым концепция структуры личности предполагает наличие таких подструктур, как направленность личности, опыт, психические процессы, биологические особенности. Концепция К. К. Платонова в свою очередь выступает основой для определения содержания личности безопасного типа. Наибольшую значимость в рассматриваемой категории имеют знания, интересы, установки, ценностные ориентации и идеалы, которые по мере взросления и социализации человека и образуют модель личности безопасного типа. (Мальцев, В. В., Мальцев, А. Ф., 2008). В модели личности безопасного типа принципиально важны такие компоненты, как ядро личностной индивидуальности (личная безопасность) и социально-типическое ядро (общественная и национальная безопасность). Каковы же принципиальные отличия личности от личности безопасного типа? Ответ очевиден и логичен: личность безопасного типа способна определять безопасность, риски безопасности, предвидеть опасность, правильно оценивать ситуацию, ее характер и последствия опасности, реально оценивать свои возможности в преодолении опасности и стратегию поведения.

Описание исследования

В педагогике существует единое мнение, что качества безопасной личности нужно начинать развивать уже в дошкольном возрасте. Это будет своего рода подготовительная ступень, т. к. именно в период младшего школьного возраста ребенку предстоит пройти первую проверку на личностную жизнестойкость. Отличительная особенность дошкольного детства от школьного заключается в том, что дошкольник еще находится под опекой родителей практически полностью, тогда как младший школьник постепенно утрачивает постоянную обратную связь с родителями, в результате чего усложняется период его социализации.

Ввиду заявленного выше тезиса об облике современной семьи можно утверждать, что она далеко не идеальна по ряду признаков и не всегда готова обеспечить своему ребенку необходимые условия для качественного прохождения стадий формирования личности безопасного типа. Поэтому в нашем рассуждении будет уместным вопрос и о «семье безопасного типа».

На что именно в отношении современной семьи стоит обратить внимание, чтобы определиться с первопричинами существующей проблемы? Прежде всего проанализируем функции, которые выполняет или должна выполнять семья применительно к личности растущего в этой семье ребенка. Стоит отметить, что особенности исторических этапов развития общества выступают предпосылкой того, какие функции будут ведущими. В таблице 1 представлены функции современной семьи.

Если проанализировать уклад современной семьи, становится понятно, что фелицитологическая функция выходит на первый план. Эта функция существовала и ранее, но именно на современном этапе, когда причиной для создания семьи молодожены из предложенных вариантов выделяют желание быть счастливыми, она становится предпосылкой прочных супружеских отношений по сравнению с семьями прошлых лет, где ведущими выступали репродуктивная и экономическая функции (Макаров, Давлитова, 2019).

Однако, характеризуя современную семью, следует отметить, что цифровая эпоха заметно трансформирует семью как социальный институт, перераспределяя семейные роли. Как следствие, появляются альтернативные формы брака, которые на государственном и церковном

Таблица 1. Характеристика функций семьи

Table 1. Characteristics of family functions

Функции семьи	Характеристика
Социализация личности, передача культурного наследия новым поколениям (Мацковский, 1989)	Семья дает первичную социализацию индивиду, ребенку, учит его жить среди людей.
Социальная и эмоциональная защита членов семьи (Вишневский, 2014)	В ситуации, угрожающей жизни и здоровью, человек зовет на помощь самого родного и близкого человека – мать. В семье человек ощущает ценность своей жизни, находит бескорыстную самоотдачу, готовность к самопожертвованию во имя жизни близких людей.
Экономическая и хозяйственно-бытовая ¹ (Харчев, 1995)	Заключается в материальной поддержке несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи и в ведении домашнего хозяйства, уходе за детьми и престарелыми членами семьи.
Социально-статусная (А. Г. Харчев, Т. А. Куликова, М. С. Мацковский).	Связана с предоставлением определенного социального статуса членам семьи и воспроизводством социальной структуры.
Воспитательная (А. Г. Харчев, Т. А. Куликова, М. С. Мацковский, Н. А. Тырнова).	Первичная социализация детей. Семья прививает ребенку основы определенных идейно-политических взглядов, мировоззренческих установок, он осваивает нравственные нормы, у него вырабатываются образцы поведения, шлифуются индивидуальные нравственно-психологические черты и особенности.
Рекреативная, восстановительная (Т. А. Куликова).	Это оказание психологической поддержки членам семьи, восстановление и укрепление физических, эмоциональных и духовных сил человека после трудового рабочего дня.
Досуговая (А. Г. Харчев, Т. А. Куликова, М. С. Мацковский).	Осуществляет организацию рационального досуга и контроль в данной сфере, взаимообогащение интересов, удовлетворяет потребности индивида в проведении свободного времени.
Фелицитологическая (Аргайл, 2003, стр. 125–134)	Означает создание условий для счастья, гармонии, взаимопонимания каждого члена семьи. Выполнять эту функцию может только дружная, благополучная, культурная, полноценная семья.
Репродуктивная. (Римашевская, 1997)	Состоит в воспроизводстве жизни, т. е. в рождении детей, продолжении человеческого рода.

уровнях не получают официального статуса семьи. В связи с этим можно вспомнить слова Святейшего Патриарха Кирилла о том, что общество состоит не из личностей, а из семей, и что семью не случайно называют ячейкой общества. Поэтому на смену антропоцентризму закономерно должен прийти семьецентризм (Чуприна, 2015), который предполагает, что в системе традиционных ценностей именно семье и семейным отношениям должно принадлежать центральное место.

Таблица 2 отчетливо констатирует факт снижения престижа классической семьи. Это, безусловно, отражается не только на демографической проблеме страны, но и естественным образом в контексте рассматриваемого нами вопроса препятствует гармоничному формированию ребенка как личности безопасного типа.

¹ Куликова, Т. А. (1999). *Семейная педагогика и дошкольное воспитание: учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений*. Академия.

Таблица 2. Формы современных альтернативных семей

Table 2. Forms of modern alternative families

Альтернативная форма брака	Характеристики семьи
Годвин-брак (визитный брак, гостевой брак)	Раздельное проживание супругов, отсутствие общего быта.
Конкубинат (аналогия римского брака)	Союз разнополых людей, где мужчина открыто обеспечивает незамужнюю женщину и общего ребенка. Как правило, мужчина состоит в официальном браке с другой женщиной, общее хозяйство и детей.
Открытый брак	Союз супругов, признающих право на независимость и свободу каждого, что также касается их половой жизни.
Пробный брак	Совместное проживание без официальной регистрации* *Большая часть населения России строит отношения именно в таком браке, решаясь законно оформить отношения только после рождения ребенка.

Таким образом, семья как основной социальный институт, осуществляющий воспроизводство населения, не всегда способна обеспечить родившемуся ребенку ту среду, в которой он будет развиваться как личность. Вместе с тем также невозможно утверждать, что в подобных альтернативных семьях ребенок будет способен увидеть отчетливо облик своей семьи. Хорошо еще, если он будет понимать, что у него есть родители, которые его любят. Но кто они друг другу: влюбленные, муж и жена или просто делят общий угол – в этом ему разобраться будет сложнее. Поэтому актуальным представляется вопрос, возможно ли вообще успешное формирование личности безопасного типа, и семьи безопасного типа, или в современных условиях, когда семья не всегда соответствует критериям классической модели, создававшейся не одно десятилетие, это только иллюзия?

Теперь взглянем на проблему защиты семьи с позиции права. В настоящий момент общественное сознание в России переживает критический момент. Этому способствуют два фактора. Во-первых, идеология космополитизма (в современной трактовке глобализма), приносящая семью в жертву мировоззрению «мирового гражданства», с его интересами всего человечества, за которые принимаются интересы государства-гегемона, интересы отдельной нации и государства. И, во-вторых, миграционная политика, больше похожая на интервенцию, особенно на региональном уровне. Она ведет к культурной экспансии, когда мигранты не пытаются адаптироваться к местным правилам и порядкам, а вместо этого навязывают русским свои правила. Проявлением такой экспансии, например, стал шариатский патруль, когда какой-нибудь нацмен начинает приставать к русским девушкам из-за слишком коротких юбок или устраивает скандал в школах, требуя отказаться от праздника Нового года в классе, поскольку «поклоняться дереву – это грех». Влияние этих двух факторов выражается в размывании традиционных духовно-нравственных ценностей, составляющих основу общественного сознания. Потому не случайны слова Патриарха всея Руси о том, что «если иная вера, иная культура будут так распространяться, что в какой-то момент они сравняются или, не дай бог, станут доминировать, то мы потеряем страну, мы потеряем свою идентичность». В результате фактически создается ситуация, когда защита традиционных духовных ценностей становится одновременно защитой национальной безопасности.

Нельзя не отметить влияния на жизнь человека и его социальных ценностей эпохи Возрождения или Ренессанса, послуживших толчком к духовному, нравственному и общественному обновлению. Но наряду с этим культура Возрождения с присущим ей антропоцентризмом поставила во главу общественных ценностей человека, вознеся на пьедестал сначала свободу воли, и затем общечеловеческие ценности. С этого момента философия либерализма начинает постепенно доминировать, на внутреннем контуре разрушая историческую традицию, а на внешнем приводя к глобализации, претендующей на то, чтобы сделать всех счастливыми. Но возможно ли человека (или страну) осчастливить против воли, вопреки имеющейся культуре и складывавшимся веками цивилизационным ценностям, возможно ли бесконечно не замечать пороки либерализма, поставившего индивидуалистические «хотелки» личности превыше всего. Люди стали уставать от навязанного культа либеральной идеологии, извращающей абсолютно все и продвигающей в качестве общественных идеалов аморальные и безнравственные нормы.

Сегодня либерализм укоренил в общественном сознании идею первенства личности с ее индивидуальной свободой, называя ее квинтэссенцией общества. Он стал трендом современного западного образа жизни с его ценностями, далекими от духовной сущности человека. Можно согласиться с мнением экспертов, в частности, экс-главы МИД Австрии Карин Кнайсль², которая отмечает, что закрепление в европейских культурных кругах этого тренда с трансгендерами, представителями ЛГБТ-сообществ³ привело к «раздуванию шумного уродства». У Европы больше нет общей морали – сегодня это звучит почти как приговор. Естественной реакцией на западный уклад становится выдвигание на первый план в системе традиционных ценностей не личности, а именно семьи.

В отличие от моральных традиций, правовые нормы отличаются большей четкостью формализации и большей подвижностью. Между этими регуляторами поведения людей издавна установилась связь, основанная на взаимодействии, поддержке и защите. Поэтому пренебрежение правовыми нормами и упование на традиции и наоборот не всегда давало положительные результаты. Вот почему воспитание в семье, с одной стороны, и ответственность, с другой, были и остаются главными факторами установления равновесия между членами семьи, личностью и обществом, способствуя тем самым гармонизации отношений между ними.

Исторически сложилось, что делами семейных отношений в России, включая причинение вреда интересам семьи, занималась церковь. За нарушение обетов полагались епитимьи или мог последовать развод. Традиции, казалось, считались сильнее законов. Наказать за проступки разрешал и Домострой, нормы которого доминировали в прошлом повсеместно. Это был сборник наставлений о семейной жизни, которые сложились под влиянием Византии и представляли собой идеальную модель отношений между обществом и семьей. В искусстве того времени можно найти поучительные примеры, как исполнялись такие наставления. Например, Максим Горький описал в 1891 году факт из семейной жизни, имевший место в деревне Кандыбовке: муж запрягал в телегу свою жену, совершившую супружескую измену.

До XIX века в уголовном законодательстве России нормы об ответственности за посягательства на интересы семьи отличались казуистичностью. Они приобрели привычную в нашем понимании форму в Уложении о наказаниях 1845 г., в котором был предусмотрен

² Карин Кнайсль – эксперт-аналитик, руководит Геополитической обсерваторией по ключевым проблемам России (G.O.R.K.I.) в Санкт-Петербургском государственном университете. В настоящий момент профессор центра G.O.R.K.I. («Геополитическая обсерватория по ключевым проблемам развития России»).

³ Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения, деятельность которых признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации по решению Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 в ответ на иск Министерства юстиции Российской Федерации.

раздел «О преступлениях против прав семейных». Этот раздел состоял из нескольких глав, например: «О преступлениях против союза брачного», «О злоупотреблениях родительской власти и преступлениях детей против родителей». В них, в частности, была предусмотрена ответственность за вступление в брак между родственниками (кровосмешение). В Уголовном Уложении 1903 г. произошли некоторые изменения в отношении этой группы преступлений. Например, была исключена ответственность за кровосмешение, но зато введена ответственность за нарушение правил регистрации актов гражданского состояния (несообщение лицом сведений о рождении или смерти члена семьи).

В XX веке в первых советских уголовных кодексах уменьшилось количество самостоятельных статей, предусматривающих ответственность за преступления против семьи. Причины этого связаны с отделением церкви от государства и снижением роли религии в этих вопросах, в частности, произошла отмена церковного обряда брака. Отрицательную роль сыграло и так называемое раскрепощение сексуальной морали. Дети становились объектом государственного патронажа, поэтому посягательства в сфере семьи рассматривались по общим нормам. Так, в УК РСФСР (1960 г.) эти преступления назывались в духе того времени «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев», и таких в уголовном кодексе было пять. Например, уплата и принятие выкупа за невесту, принуждение женщины к вступлению в брак, двоеженство или многоженство. В современном Уголовном кодексе (1996 г.) подобных преступлений стало в два раза больше, и они называются преступлениями против семьи и несовершеннолетних.

Доля преступлений против семьи и несовершеннолетних в общей структуре преступности невелика, что обусловлено незначительным уровнем криминализации поведения в этой сфере, т. к. в УК РФ за эти преступления предусмотрена уголовная ответственность только в десяти случаях. Исследования показывают, что количество посягательств на семью и детей, семейные ценности, значительно больше. (Бурлаков, Плоткина, 2023). Причины этого в высокой латентности этих преступлений и их разнообразии. Они, во-первых, кроются в нежелании потерпевших «выносить сор из избы». Во-вторых, связаны с неполной регистрацией правонарушений в этой сфере. В-третьих, способствует латентности и изменение уголовно-правовой оценки насилия в сфере семейных отношений, в частности, нанесения побоев, которые теперь подпадают под состав с административной преюдицией ст. 116¹ УК РФ и влекут уголовную ответственность лишь для лица, ранее подвергнутого административному наказанию за аналогичное деяние. В-четвертых, причины латентности связаны с особенностями официального учета преступлений против семьи, ведь сведения о ней получают, исходя из числа совершенных преступлений, предусмотренных только в главе 20 УК РФ, хотя посягательства на семейные ценности предусмотрены и в других главах УК РФ. В частности, к ним можно отнести некоторые преступления против общественной нравственности (вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией; изготовление и распространение порнографии), преступления против жизни и здоровья (семейное насилие).

Таким образом, все более ощущается, что профилактика посягательства против семьи нуждается в активизации, начиная от совершенствования методов психологической работы до правильного выстраивания правовой основы (Харламов, 2014). Есть мнение, что принятие специального закона о противодействии семейному насилию может существенно повысить эффективность такой профилактики, но есть и противоположная точка зрения⁴ (Бурлаков, 2020). В отношении субъектов профилактики предлагаются меры, например, по расширению компетенции комиссии по делам несовершеннолетних; по устранению проблем у подразделений по предупреждению правонарушений несовершеннолетних ОВД, которые занимаются

⁴ <https://nstarikov.ru/sankt-peterburg-protiv-zakonoproekta-o-sbn-112426?ysclid=m4lbssqr3a244904295>

неблагополучными семьями. Это и некомплект, и отсутствие специальной подготовки, и чрезмерная нагрузка. Повышению эффективности защиты семьи могут содействовать административное и уголовное законодательство (Зобов, 2017).

Заключение

Проблема защиты семейных ценностей актуализировалась в связи Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵ (Елисеева, 2022; Хужина, 2023). Разнообразие этих ценностей и их защиты становится предметом специальных исследований (Кашкина, 2024). Отмечается, что нужен и самостоятельный вектор в уголовной политике (Андреев, 2011, с. 72). В контексте такой политики по защите семьи можно предложить следующее.

1. В последнее время идет дискуссия по вопросу запрещения аборт. В трех регионах России приняты нормы, запрещающие «склонение к аборт». Впервые в стране такой закон приняли в Мордовии, затем – в Тверской и Тамбовской областях. Законодательное собрание Тверской области при принятии такого закона отметило, что данный закон направлен на повышение рождаемости, снижение количества аборт и социальную защиту беременных женщин, а также на противодействие информационным угрозам семье, отцовству, материнству и детству. В Мордовии под «склонением к аборт» понимают «понуждение беременной к искусственному прерыванию беременности с помощью уговоров, предложений, а также подкупа, обмана и выдвигания иных требований». Сторонники запрета на аборт отмечают, что такие действия являются угрозой для семьи, и предлагают такую практику распространить на всю Россию (вице-спикер Госдумы Анна Кузнецова). Но есть и противники такой практики, в частности, врачи-специалисты, которые считают, что между уговорами и информированием существует очень тонкая грань.

Никто не станет спорить, что аборт является опасным медицинским вмешательством. Прерывание беременности предусмотрено в качестве признака преступления в ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и считается тяжким преступлением. Поэтому подстрекательство к аборт можно и нужно признать общественно опасным деянием. В УК РФ есть несколько статей, предусматривающих наказание за склонение к общественно опасным действиям. Этот перечень длинный. К таким действиям относятся, например: склонение к самоубийству, понуждение к действиям сексуального характера, склонение несовершеннолетнего к совершению действий, опасных для его жизни, принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения, склонение к употреблению наркотиков, принуждение к занятию проституцией и некоторые другие. Если сравнить перечисленные деяния по степени опасности с принуждением к аборт, то станет ясно, что в этом перечне на первых местах окажется принуждение к аборт.

Поэтому предлагается дополнить уголовный кодекс новой статьей 123¹ УК РФ «Понуждение к искусственному прерыванию беременности» и изложить в следующей редакции: часть 1 – «Понуждение к искусственному прерыванию беременности путем шантажа, угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшей». Часть 2 – те же действия с применением насилия.

2. В настоящее время принят закон о запрете информации, пропагандирующей отказ от деторождения (о запрете «пропаганды чайлдфри»). Запрет распространяется на информацию, которая размещается в интернете, средствах массовой информации, кино, рекламе, а также

⁵ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

демонстрируется в присутствии несовершеннолетних⁶. Полагаем, что пропаганда осознанного отказа от деторождения является частным случаем более общего воздействия на семью, и назовем такое воздействие дискредитацией семьи.

Поэтому в целях предупреждения такого воздействия предлагается дополнить УК РФ новой статьей 149¹ УК РФ «Дискредитация семьи и семейных ценностей», а ее диспозицию изложить следующим образом: «Пропаганда, либо иные публичные действия, дискредитирующие семью и семейные ценности, совершенные неоднократно (либо лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичные действия)». К дискредитации могли бы относиться и действия, выраженные в призывах, популяризирующих бездетность; бисексуальные отношения; усыновление в однополых семьях; а также неуважение к материнству и отцовству, содержащиеся в публичных выступлениях, в печатной продукции, в кино и театральных постановках и др.

3. В первой части статьи мы постарались обосновать, что крепкая семья основана на стабильном браке (Кашкина, 2024). Поэтому предлагается дополнить УК РФ новой статьей 156¹ УК РФ «Принуждение к заключению брака или к расторжению брака».

Часть 1 статьи предлагается изложить следующим образом: «Принуждение к браку или разводу путем шантажа, угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшей».

Часть 2 предлагается изложить следующим образом: «если принуждение совершено с применением насилия или угрозы насилия, а равно сопряжено с похищением потерпевшего (потерпевшей)».

Часть 3 предлагается изложить следующим образом: «действия, предусмотренные частями 1 и 2, если это повлекло тяжкие последствия».

В дополнение к сказанному можно предложить для сдерживания негативного воздействия на семью и ряд квалифицирующих признаков для некоторых статей в следующих главах уголовного кодекса: главы 16–20, 25 УК РФ.

Вышеизложенные предложения, вероятно, приведут к расширению криминализации опасного поведения в семейной сфере. Но если такое опасное поведение оставить вне поля правовой ответственности, а профилактика его пока малоэффективна, то они не покажутся чрезмерными, т. к. являются вынужденной мерой. Иногда приходится действовать как в ситуации крайней необходимости. А такая ситуация наступила.

Список литературы

- Андреев, В. Л. (2011). Направления реализации уголовной политики в сфере уголовно-правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1 (49), 71–75.
- Аргайл, М. (2003). *Психология счастья* (пер. с англ.). Санкт-Петербург: Питер.
- Бурлаков, В. Н. (2020). К вопросу о целесообразности закона о домашнем насилии. В Д. В. Сочивко (ред.), *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием* (Рязань, 09-10 апреля 2020 года, стр. 550–552). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Бурлаков, В. Н., Плоткина, Л. Н. (2023). Педагогические, психологические и правовые основы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценно-

⁶ Федеральный закон от 23.11.2024 N 411-ФЗ "О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (2024).

- стей. В Р. М. Кашапов (сост.), *Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы II Международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 7 декабря 2023 г., стр. 150–156). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета.
- Вишневецкий, А. Г. (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *homo sapiens*. *Демографическое обозрение*, 1 (1), 6–33.
- Елисеева, А. А. (2022). Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права. *Актуальные проблемы российского права*, 17 (3), 67–74.
- Зобов, В. А. (2017). Защита института семьи в контексте уголовно-правовой охраны жизни и здоровья. *Отечественная юриспруденция*, 2 (5 (19)), 39–40.
- Кашкина, Е. В. (2024). Уголовно-правовая охрана «крепкой семьи» как элемента традиционных российских духовно-нравственных ценностей. *Российский судья*, 5, 24–27.
- Макаров, А. Н., Давлитова, Л. М. (2019). *Укрепление института семьи на уровне муниципальных образований*. Казань: Изд-во Казанского университета.
- Мальцев, В. В., Мальцев, А. Ф. (2008). Сущность, структура и содержание понятия «личность безопасного типа». В *Культура безопасности жизнедеятельности: актуальность, проблемы, перспективы: ежеквартальный сборник научных и учебно-методических работ факультета безопасности жизнедеятельности*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.
- Мацковский, М. С. (1989). *Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики*. Москва: Наука.
- Некоммерческое партнерство «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб» (2020). *Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба*, 2 (57).
- Римашевская, Н. М. (1997). *Роль семьи в условиях социальных трансформаций*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Тырнова, Н. А. (2005). *Молодая семья в современной России: проблемы и тенденции развития: дис. канд. социол. наук*. Москва.
- Характеристика различных типов семей и их особенностей (2019, 6 марта). *Образовательный портал Nauka.Club*. URL: <https://nauka.club/obshchestvoznanie/typy-semej-i-ix-karakteristika.html>.
- Харламов, В. С. (2014). *Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье: монография*. Санкт-Петербург.
- Харчев, А. Г. (1995). *Семья и брак*. Москва: Статистика.
- Хужина, О. Н. (2023). Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 3 (63), 39–43.
- Чуприна, А. А. (2015). Семьецентризм российского общества как альтернатива модернизационным процессам социального бытия в экзистенциально-аксиологическом измерении. *KANT*, 3 (16), 44–47.
- Шестаков, Д. А. (2003). *Семейная криминология = Family criminology: Family criminology: Криминофамилистика*, 2-е изд. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс.

References

- Andreev, V. L. (2011). Napravleniya realizacii ugovolnoy politiki v sfere ugovolno-pravovoj ohrany interesov sem'i i nesovershennoletnih. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1 (49), 71–75.
- Argajl, M. (2003). *Psihologiya schast'ya* (per. s angl.). Saint Petersburg: Piter.

- Burlakov, V. N. (2020). K voprosu o celesoobraznosti zakona o domashnem nasilii. V D. V. Sochivko (red.), *Psihologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya*: sbornik materialov Vserossijskogo simpoziuma psihologov s mezhdunarodnym uchastiem (Ryazan', 09-10 aprelya 2020 goda, str. 550–552). Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij.
- Burlakov, V. N., Plotkina, L. N. (2023). Pedagogicheskie, psihologicheskie i pravovye osnovy sohraneniya i ukrepleniya tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej. V R. M. Kashapov (sost.), *Aktual'nye voprosy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti*: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 7 dekabrya 2023 g., str. 150–156). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta.
- Vishnevskij, A. G. (2014). Demograficheskaya revolyuciya menyaet reproduktivnyuyu strategiyu vida homo sapiens. *Demograficheskoe obozrenie*, 1 (1), 6–33.
- Eliseeva, A. A. (2022). Sem'ya i semejnye cennosti: podhody k ponimaniyu v usloviyah sovremennogo prava. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 17 (3), 67–74.
- Zobov, V. A. (2017). Zashchita instituta sem'i v kontekste ugovovno-pravovoj ohrany zhizni i zdorov'ya. *Otechestvennaya yurisprudenciya*, 2 (5 (19)), 39–40.
- Kashkina, E. V. (2024). Ugolovno-pravovaya ohrana «krepkoj sem'i» kak elementa tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej. *Rossijskij sud'ya*, 5, 24–27.
- Makarov, A. N., Davlitova, L. M. (2019). *Ukreplenie instituta sem'i na urovne municipal'nyh obrazovanij*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta.
- Mal'cev, V. V., Mal'cev, A. F. (2008). Sushchnost', struktura i sodержanie ponyatiya «lichnost' bezopasnogo tipa». V *Kul'tura bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: aktual'nost', problemy, perspektivy*: ezhekvartal'nyj sbornik nauchnyh i uchebno-metodicheskikh rabot fakul'teta bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Mackovskij, M. S. (1989). *Sociologiya sem'i. Problemy teorii, metodologii i metodiki*. Moscow: Nauka.
- Nekommercheskoe partnerstvo «Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj kriminologicheskij klub» (2020). *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2 (57).
- Rimashevskaya, N. M. (1997). *Rol' sem'i v usloviyah social'nyh transformacij*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Tyrnova, N. A. (2005). *Molodaya sem'ya v sovremennoj Rossii: problemy i tendencii razvitiya*: dis. kand. sociol. nauk. Moscow.
- Harakteristika razlichnyh tipov semej i ih osobennostej (2019, 6 marta). *Obrazovatel'nyj portal Nauka.Club*. URL: <https://nauka.club/obshchestvoznanie/typy-semej-i-ix-xarakteristika.html>.
- Harlamov, V. S. (2014). *Otechestvennyj i zarubezhnyj opyt protivodejstviya kriminal'nomu nasiliyu v sem'e*: monografiya. Saint Petersburg.
- Harchev, A. G. (1995). *Sem'ya i brak*. Moscow: Statistika.
- Huzhina, O. N. (2023). Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v rossijskom prave: postanovka nauchnoj problemy. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 3 (63), 39–43.
- Chuprina, A. A. (2015). Sem'ecentrizm rossijskogo obshchestva kak al'ternativa modernizacionnym processam social'nogo bytiya v ekzistencial'no-aksiologicheskom izmerenii. *KANT*, 3 (16), 44–47.
- Shestakov, D. A. (2003). *Semejnaya kriminologiya = Family criminology: Family criminology: Kriminofamilistika*, 2-e izd. Saint Petersburg: Yurid. centr Press.

Информация об авторах

Владимир Николаевич Бурлаков – профессор кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Лилия Николаевна Плоткина – доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат психологических наук, доцент.

About the authors

Vladimir N. Burlakov – Professor at the Criminal Law Department, Faculty of Law, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Jurid.), Professor.

Lilia N. Plotkina – Associate Professor at the Department of Life Safety of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.10.2024

Одобрена после рецензирования 20.11.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted October 13, 2024

Approved after reviewing November 20, 2024

Accepted December 28, 2024

УДК 328.185

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-636-652

Methodological issues of investigating corruption crimes in Mongolia

R. Bayarmagnay

Anti-Corruption Agency of Mongolia

(Ulaanbaatar, Mongolia)

lkhamsuren.a@police.gov.mn

ORCID: 0000-0002-0438-5871

Abstract

The legal frameworks for combating, preventing, detecting, and investigating corruption crimes are a top priority for professional organizations and their cooperation at both national and international levels. Corruption crimes often involve high-ranking government officials and influential political decision-makers so-called white-collar officials. Although these crimes appear to occur solely between the two persons or parties who are the giver and receiver of a bribe or advantage, they inflict substantial harm on the country's interests and economy due to illegal orders and decisions made by those authorized officials for their personal gain and interests. The impact of corruption crime differs from other types of crime in that it affects all members of society, regardless of their social class, and therefore, is classified as a serious crime or felony.

Keywords

corruption, anti-corruption, bribe, corruption crime, prevention of corruption crimes

For citation: Bayarmagnay, R. (2024). Methodological issues of investigating corruption crimes in Mongolia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 636–652. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-636-652.

Методологические вопросы изучения коррупционных преступлений в Монголии

Р. Баярмагнай

Антикоррупционное агентство Монголии

(Улан-Батор, Монголия) lkhamsuren.a@police.gov.mn

ORCID: 0000-0002-0438-5871

Аннотация

Правовые основы для противодействия, предупреждения, выявления и расследования коррупционных преступлений являются одним из главных приоритетов для профессиональных организаций и их сотрудничества как на национальном, так и на международном уровнях. В коррупционных преступлениях часто замешаны высокопоставленные государственные

чиновники и влиятельные лица, принимающие политические решения, так называемые «белые воротнички». Хотя эти преступления кажутся совершаемыми исключительно между двумя лицами или сторонами – дающим и получающим взятку или преимущество, они наносят существенный вред интересам и экономике страны из-за незаконных постановлений и решений, принимаемых этими уполномоченными должностными лицами в своих личных интересах и выгодах. Последствия коррупционной преступности отличаются от других видов преступлений тем, что она затрагивает всех членов общества, независимо от их социального класса, и поэтому классифицируется как тяжкое преступление или фелония.

Ключевые слова

коррупция, противодействие коррупции, взятка, коррупционная преступность, предупреждение коррупционных преступлений

Для цитирования: Баярмагнай, Р. (2024). Методологические вопросы изучения коррупционных преступлений в Монголии. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 636–652. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-636-652.

§ 1.1 Classification and categories of public positions

Who is a public official?

In the United Nations Convention against Corruption, the term “Public Official” is used instead of the term “official” for corruption crime and is defined as follows:

1. Any person holding a legislative, executive, administrative, or judicial office of a State Party, whether appointed or elected, whether permanent or temporary, whether paid or unpaid irrespective of that person’s seniority;
2. Any other person who performs a public function, including for a public agency or public enterprise, or provides a public service, as defined in the domestic law of the State Party and as applied in the pertinent area of law of that State Party;
3. Any other person defined as a “public official” in the domestic law of a State Party.

It demonstrates that the United Nations Convention employs the term “public official” when addressing corruption-related crimes and provides a broad, inclusive definition.

The spirit and core idea of this definition is that, firstly, any official or individual, regardless of their role or affiliation, who “performs public functions” or “provides services to the public” on behalf of the state may be vulnerable to bribery or corruption. Consequently, all such individuals become subject to bribery or corruption crime.

The Convention, however, emphasizes that the key criteria “public functions” and “public services” are defined by each member state through its own domestic laws.

Secondly, the Convention underscores that all categories of officials and employees are subjects, whether they are appointed or elected, permanent or temporary, paid or unpaid (including volunteers), and regardless of seniority or rank (Gereltuya et al., 2022).

A public official is defined in Article 3.1.4 of the Law on “Regulation of Public and Private Interests and Prevention of Conflict of Interest in Public Service” as specified in Article 4.1 of the same law¹. Article 4.1 clarifies that the “public official” referenced in Article 4 of the Anti-Corruption Law applies to enforcement under this legislation.²

¹ Law on regulation of public and private interests and prevention of conflict of interest in public service (2012). State information. UB, 7.

² Law on regulation of public and private interests and prevention of conflict of interest in public service (2012). State information. UB, 8.

Article 4 of the Anti-Corruption Law:

Article 4. A person subject to the law enforcement:

4.1. The following persons are subject to this law:

4.1.1. Persons who hold executive or managerial positions in the political, administrative, or special office of the state;

4.1.2. Persons who hold executive or managerial positions in the public service office, or the chief or senior accountant at such place

4.1.3. Managers or authorized employees of legal entities in which the state or the local administration has full or partial equity interest;

4.1.4. Chairman, members, director-in-chief of the National Council of Public Radio and Television;

4.1.5. Managers and executive officers of non-governmental organizations, temporarily or permanently performing particular state functions in compliance with legislation;

4.1.6. Candidates for President of Mongolia, Parliament or all levels of Citizens' Representative Khural;

4.1.7. Chairman and representatives from all levels of Citizens' Representative Khural;

4.1.8. Officials specified in the list approved by the competent authority;

4.1.9. The competent official and member of the supervisory board of Future Heritage Fund Corporation stipulated in provision 4.1.7 of the Law on Future Heritage Fund.³

Also, Article 10 of the "Civil Service Law" specifies the classification and categories of civil service positions as political officials, public administrative officials, special state service officials, and public service officials.

According to Article 3.1.1 of the Law on the Civil Service of Mongolia, "Civil service" refers to activities, structure, and arrangements for the implementation of the state's goals and functions within the scope of the Constitution of Mongolia and other laws and regulations, developing state policies and provision of mandatory government services to the public;

The United Nations Convention Against Corruption defines "Public Official" as follows:

A person who is permanently or temporarily appointed or elected to the legislative, executive, administrative, or judicial bodies of the participating countries, paid or unpaid, regardless of their rank;

Political appointment civil service positions shall include the following positions held by those elected under conditions, procedures, and criteria established by the Constitution of Mongolia and other laws, appointed as a result of such elections; and those who are recruited for positions to support them during their term in office⁴:

- The President of Mongolia;
- The Chairman of the State Great Khural (Parliament) of Mongolia;
- The Prime Minister of Mongolia;
- The Deputy Chairman and member of the State Great Hural of Mongolia;
- Member of the Government of Mongolia;
- The Chief of the President's Office of Mongolia;
- The Chief of the Cabinet Secretariat and vice minister;
- Advisor to the President of Mongolia, advisor to the Chairman of the State Great Hural of Mongolia, and advisor to the Prime Minister;
- Governors at all levels, Deputy Governors of Aimag, the capital city, soum and district, General Manager of Ulaanbaatar;

³ Law on anti-corruption (2006). State information. UB, 35.

⁴ Civil service law, Article 11.1.

- Positions of full-time advisor, assistant, or media officer rendering service for a political appointment civil servant during his/her term in office;
- Positions in secretariats serving parties and coalitions in the State Great Hural;
- Other positions specified in laws.
- Positions of chairman of Citizens' Representative Hural of Aimag, the capital city, soum, and district, and manager of town and village may be equated to political appointment civil service positions.

- Advisors, assistants, and media officers who are recruited solely to assist a politically appointed civil servant during their term in office shall be directly supervised by them however shall remain subordinate to the respective state bodies as civil servants.

Public administration positions shall include the following positions performing functions to provide professional advice for developing public policies, and provide public administration management and organizational support for the implementation of such policies:⁵

- Chairman, members, managerial and executive positions of the secretariat of the Civil Service Council;

- Managerial and executive positions of secretariats of the State Great Hural, the President's Office, the Government, the Constitutional Court, the Court Administration and the Prosecutor's Office;

- Managerial and executive positions of secretariats of the Financial Regulatory Commission, the National Statistics Committee, the General Election Commission, and the National Human Rights Commission;

- Managerial and executive positions of the secretariat of the National Security Council;

- State Secretary of a ministry, managerial and executive positions of ministries;

- Managerial and executive positions of government agencies, unless otherwise provided by laws;

- Secretary of Citizens' Representatives' Hural of aimag, the capital city, soum, district; managerial and executive positions of the Governor's Office and Secretariat of Citizens' Representative Hural of aimag, the capital city, soum, district;

- Managerial and executive positions of local public administration organizations under the Governor's Office of Aimag and the capital city, financed from the state budget, unless otherwise provided in laws;

- Managerial and executive positions of the secretariat of Mayor's office of town and village;

Special state service shall include the following positions to perform special state functions related to ensuring national security and public safety, maintaining social order and the core principle of the rule of law under procedures set out by the Constitution of Mongolia and other laws⁶:

- Judges of the Constitutional Court, judges of all levels of courts and prosecutors;

- Secretary of the National Security Council;

- President, first deputy governor, and deputy governor of the Central Bank of Mongolia; chairman and members of the Financial Regulatory Commission; chairman and vice chairman of the National Statistics Committee; chairman and secretary of the General Election Commission; chairman and members of the National Human Rights Commission; the member in charge of the preliminary prevention of torture; chairmen and members of the Judicial General Council and Judicial Disciplinary Committee; managerial and executive positions of the national and local audit offices and the Independent Authority against Corruption.

- Managerial positions in armed forces, border and internal troops, emergency, intelligence, police, court decision enforcement, and forensic science institutions;

⁵ *Civil service law, 12.1 of Article 12.*

⁶ *Civil service law, Section 13.1 of Article 13*

- Diplomatic service positions;
- Officers, sergeants and bailiffs, customs inspectors, forensic experts and specialists of armed forces, border and internal troops, emergency, intelligence, police, case filing, investigation, court decision enforcement bodies;

Public service positions shall include the following positions to perform functions related to delivering equitable, quality, and accessible public services, and to assist in the normal functioning of state bodies, employment conditions of which shall be based on labor contract⁷:

- Support positions to assist in the normal operation of state bodies;
- Managers, directors, principals, and other managerial, executive and support positions of public service organizations such as education, science, health, culture, arts and sports, financed from the state budget;
- Managerial, executive, and support positions of public service organizations under a ministry or agency, financed from the state budget.

The aforementioned public official, vested with full authority, issues decrees, orders, decisions, and resolutions within the scope of the mandate, positioning him/her as a special subject with substantial authority and influence. This special subject is characterized by advanced education, extensive professional experience, and a high level of legal and economic expertise. They possess strong and consistent communication skills, a broad network of contacts, and a recognized position within society. Known publicly and within their field, they are financially established and often hold or have held political and public elected positions, with considerable experience and influence, particularly within law enforcement agencies (Bumnanjid & Myagmartseren, 2011).

Official duties and authority refer to the combination of power and primary functions conferred by law upon elected and appointed officials.

Abuse of official position refers to the misuse of one's duties, position, or authority by either neglecting required actions, undertaking prohibited actions, or leveraging official power contrary to the public interest to serve personal interests.

Deliberate failure to perform official duties and authority refers to an intentional neglect of official responsibilities for personal gain, despite knowing and having the full capacity and opportunity to fulfill these duties within the scope of one's mandate.

Personal interest refers to both material and non-material benefits that a public official may be influenced by in the exercise of their official power or related parties.⁸ A conflict of interest facilitates conditions for corruption by enabling the misuse of one's position to perform official duties in favor of acquaintances, friends, or associates, even in the absence of direct personal gain.

Creating an advantage for oneself or others refers to the actions of individuals specified in Article 4, Section 4.1 of the Anti-Corruption Law, who misuse their official authority to obtain material or non-material benefits for themselves, or for another individual, or legal entity.⁹

Material and non-material benefits encompass unlawfully obtained cash, property with monetary value, preferential loans, tender rights, complimentary trips or outings, preferential job or school admissions, ownership of shares, as well as the income, wages, and bonuses earned by dual employment of jobs and positions prohibited by the Law on Civil Service (Article 15 Section 15.1.6) and Law on Regulation of Public and Private Interests and Prevention of Conflicts of Interest in Public Service. In addition to the remuneration received by an official for fulfilling their official duties, other income

⁷ *Civil service law, Section 14.1 of Article 14*

⁸ *Law on Regulation of Public and Private Interests and Prevention of Conflict of Interest in Public Service. Section 3.1.2, Article 3.*

⁹ *Law on anti-corruption, Section 3.1.4, Article 3*

sources—such as bonuses from permitted work, office positions, contracts, and business activities not prohibited by this law or other regulations¹⁰—shall not be considered as creating undue material or non-material benefits for the official or others.

Abuse of power is a form of position misuse in which a public official exceeds their official duties and authority for personal gain, thereby creating an advantage for themselves or others. This can occur, for example, when an official arbitrarily and unilaterally resolves issues that should be addressed through collective procedures, or when authority is exercised in the absence of the special circumstances required by law, involving activities that are prohibited and should not be undertaken.

Per public servant, **official power or influence** does not directly apply to the duties and authorities defined by laws and regulations; yet, it encompasses the ability to affect the actions of other officials through their higher position and common privileges that surpass standard responsibilities (Battseren & Amarbat, 2017).

If a public official abuses their official duties, powers, or official status, resulting in significant damage to public rights and interests, they shall be criminally liable under Article 22.1, Part 2 of the Criminal Code.

Extensive damage refers to financial losses equivalent to fifty units or more, as specified in Article 2.3, Section 2 of the Criminal Code, as well as any damage exceeding this threshold.

If a person of political influence commits the crime specified in Article 22.1, Sections 1 and 2 of the Criminal Code, criminal liability will be applied in accordance with Section 3 of this Article. As the country experiences social and economic growth, corruption crime has been anticipated to rise annually, with perpetrators employing increasingly sophisticated and organized methods. This crime is committed not only within Mongolia but also across the border and extends to neighboring and third countries. Consequently, investigating and addressing corruption requires a high level of legal, financial, and economic expertise, along with significant experience and extensive international cooperation, both formal and informal. Additionally, practical examples and experiences demonstrate that investigating corruption involves a wide scope and demands substantial time, resources, and effort.

The financial impact of this crime on society significantly outweighs that of other criminal activities, making it crucial to trace the flow of illicit funds and identify their ultimate ownership. Key objectives include determining the origins of the illegally obtained money, tracking its recipients, understanding where it was stored, and analyzing how it was utilized. These elements serve as the primary evidence for building a strong case.

Strengthening the financial trace related to cash flows is crucial for presenting facts, events, and circumstances logically and sequentially. Additionally, it helps identify the activities of co-participants in the crime, as well as their motives and methods.

Corruption is recognized as a fundamental economic crime, particularly in the context of money laundering. Therefore, it is crucial to conduct investigations promptly to identify illegal monetary gains, and movable and immovable assets acquired through criminal activities. Effective confiscation of these assets must be carried out without compromising their quality or value. This approach significantly reduces the risk of circulation, conversion, and laundering of illicitly obtained funds and properties, which is vital for establishing the case.

In addition to the traditional methods of taking statements, conducting searches, inspections, and seizures, authorized detectives investigating corruption crimes should utilize Internet resources and modern technological advancements, as well as electronic tools, to verify banking and accounting documents. They should also conduct financial reporting and investigations to trace money flows

---

¹⁰ *Law on Regulation of Public and Private Interests and Prevention of Conflict of Interest in Public Service, Section 22.1, Article 22*

from illegal sources and identify their ultimate owners. Moreover, it is essential to employ a broader range of investigative techniques and to study the cooperation and best practices of other countries to continuously enhance the methods.

According to Criminal Law of Mongolia /2015/, the following 12 components are considered as corruption crimes:

1. The abuse of authority or of official position /22.1/
2. The abuse of authority committed by an official of international organizations and foreign State organization /22.3/
3. Public official receiving a bribe /22.4./
4. Giving a bribe /22.5/
5. Bribing of an official of a foreign government institution, or international organization /22.6/
6. Illegal spending of the state resourced property /22.7/
7. Spending of the budget funds contrary to their designation /22.8/
8. Spending of non-budget funds contrary to their designation /22.9/
9. Enrich in an unjustified way /22.10/
10. Arbitrariness /22.11/
11. Abuse of power of a legal entity /22.12/
12. Offenses such as bribery apply.

In the realm of methodological theory for investigating corruption crimes, it is crucial to enhance the qualifications and capabilities of detectives assigned to these investigations. This enhancement should align with the legal functions of the investigating authorities and the specific characteristics of the crimes under their jurisdiction, particularly in cases of abuse of power. In other words, the effectiveness of the organization's crime-fighting efforts will directly depend on the professional experience and performance of its detectives.

The Law of Criminal Procedure enacted in Mongolia in 2002 established a framework in which both investigators and registrars were tasked with conducting investigations. However, significant changes were introduced with the implementation of the Criminal Procedure Law of 2017 . This revised legislation transferred the responsibility for both case registration and investigation to the investigators.

The authorized investigation agencies are empowered to combat abuse of official positions and corruption crimes that are often complex and clandestine in nature, based on their specific mandates. Authorized investigators are permitted to carry out various types of operations, including independent executive actions, a combination of overt and undercover investigations, as well as formation of joint working groups with other authorized organizations.

Similar to trends observed in other world countries, the incidence of "abuse of official positions and corruption crimes" has risen in Mongolia year by year, and the methods employed in these crimes have grown increasingly sophisticated and are now being committed across borders.

As the methods of these crimes become more sophisticated and the incidences of such offenses continue to rise, every officer responsible for detecting, preventing, and investigating such crimes is required to possess a strong knowledge and understanding of this field.

The detectives and investigators of corruption crimes are mandatory to possess the following skills in addition to the basic criteria defined by the related laws. It includes:

1. Ability to apply law.
2. Basic knowledge of finance and accounting.
3. Knowledge of foreign languages.
4. Skills of teamwork.

5. Tactics and methods of information collection/interrogation.
6. Tactics and methods of inspection and search.
7. Knowledge of computers, technology, and IT.
8. Knowledge and experience of other and undercover investigative procedures prescribed by law.

When investigating abuse of official positions and corruption crimes, it is essential for detectives and investigators to have a strong understanding of finance and accounting, along with relevant investigative experience. This requirement arises from the broad scope of these crimes, which often involve complex schemes. Additionally, those under investigation are often highly educated and knowledgeable about concealing their actions, frequently committing these offenses with clear intent.

Tactics and methods of interrogation and information collection

Before conducting an interrogation or collecting a statement, it is crucial to conduct thorough research on the individual involved. This preliminary phase involves gathering and assessing relevant facts about the person, providing investigators with valuable insights into their background and potential motivations. By evaluating this information, investigators can shape the direction of their inquiry more effectively, tailoring their approach to the specific circumstances of the case. This strategic groundwork is essential for enhancing the effectiveness of the interrogation and obtaining reliable information.

When establishing the sequence of individuals who need to testify, it is advisable to start with someone who possesses no personal stake in the matter, is well-informed about the case, and can provide truthful and unbiased testimony. This initial witness can serve as a crucial reference point, helping to clarify key issues and guiding the investigation's focus.

Carefully preparing questions for the informant or interrogatee in advance is a vital activity that significantly enhances the effectiveness of the interrogation process. Well-formulated questions enable detectives to efficiently elicit relevant information and recall causally related events and situations and they create a logical flow in the conversation, allowing investigators to better understand the context and establish a clear chain of evidence.

It is essential to focus on developing a strategy for gathering information about the individuals who will give a statement. This involves establishing a psychological rapport with them, as well as obtaining insights into the circumstances relevant to the case.

The information about the individual who will provide information or insights can be gathered through evidence collected as a result of immediate action, as well as during the process of taking statements, interviewing other individuals, and retrieving relevant documents.

When planning to take statements from witnesses, victims, and accused persons, it is necessary to ensure safety, determine the place where the statements will be taken, and prepare questions in advance.

Depending on their psychological characteristics and personalities, the witnesses may explain what they saw, heard, and knew differently.

Therefore, before questioning the witnesses, it is crucial to inform them that their testimony holds significant importance to the case and that providing false testimony may result in criminal liability. Additionally, it is essential to monitor for any signs of interference or coercion that may affect the witness's statements.

The victim often possesses more specific and detailed information about the circumstances surrounding the case than anyone else. In many instances, they know of events that occurred both before and after the crime. Additionally, the victim's testimony regarding their relationships with the alleged perpetrators is crucial for understanding the dynamics involved.

Furthermore, the victim's reactions and perceptions of the crime, as well as their assessment of the accused's actions, can significantly influence the outcome of the case.

Individuals involved in corruption crimes often come to their testimony well-prepared. Since detectives are in a position to sound of the facts surrounding the case, they can take steps to mitigate the situation. To accomplish this, detectives may begin by asking the witnesses about their backgrounds, including their interests, education, professions, previous work experience, social connections, and personal activities. By gradually shifting from general inquiries to specific questions about the crime, the process of obtaining testimony can be structured to move progressively from broader topics to more targeted, carefully crafted questions. This approach helps to uncover the truth while minimizing the likelihood of coordinated responses influenced by prior preparation.

The key to obtaining high-quality and effective statements lies in the detective's thorough preparation and familiarity with the evidence in the case file. It is essential for the detective to understand every action taken, as well as the timing and manner in which to utilize the existing evidence. Additionally, planning appropriate follow-up actions is crucial to the investigative process.

When interviewing a witness, victim, or suspect, the detective should aim to create a relaxed atmosphere through a conversational approach. This involves removing any physical and psychological barriers to communication, calming the individual being interviewed, and reassuring them that there is no need to conceal information.

Tactics and methods of inspection and search

To determine and clarify the circumstances surrounding a crime and other pertinent details of the case, it is essential to conduct thorough inspections of individuals, objects, documents, vehicles, baggage, animals, and the location where the incident occurred. If there are reasonable grounds to suspect that physical documents or written evidence related to the case, or items or individuals connected to the investigation, are present, searches may be conducted at residences and other specified locations, as well as on the person, with the appropriate authorization from the prosecutor.

Before carrying out any inspections or searches, careful planning is crucial. This includes a comprehensive evaluation of the area to be searched and an assessment of potential risks.

In situations where the individual being searched displays armed resistance or threatens self-harm upon entry into a residence, it is critical to prioritize safety. Measures should be taken to ensure the safety of all parties involved, which may include efforts to calm the individual, manage their mindset, and limit their ability to resist. Additionally, it may be necessary to seize any weapons and implement strategies to facilitate a safe and effective operation.

Once inside the premises, the detective should clearly introduce themselves, present their identification, and explain the purpose of the search. The detective should read the search warrant aloud and ensure that it is signed by the individual being searched. Security personnel should be stationed near the outer door, and the identities of all individuals present in the premises should be verified to maintain order and safety during the search process.

Request that the owner of the property where the search is being conducted voluntarily produce the item of interest. If the item is presented and deemed satisfactory by the detective, the item can be collected without conducting a full search. However, it is important to note that, in many cases, suspects and their accomplices may comply with requests while attempting to conceal other evidence or prohibited items.

In such situations, the detective should meticulously evaluate the circumstances, considering the specific items, information, documents, and cash that are crucial to the investigation. This assessment will aid in determining whether to conclude the operation or continue further investigations.

To maintain the integrity of the operation and prevent the destruction of any sought-after items, all individuals present should be gathered in a designated area. They should be informed that communication among them will be restricted, including prohibitions on phone calls or leaving the

area, until the search is complete. This approach helps ensure a structured and effective search process.

During the search, it is advisable to inquire about the purpose of individuals entering from outside, verify their identification, and take appropriate measures to temporarily restrain them until the search is complete. However, personnel who are on official duty will not be detained; instead, their movements will be monitored while maintaining the confidentiality of the search process.

The following tactical guidelines will be implemented during the search:

1. Sequential Search: Conduct a systematic search, moving methodically from one area to another.
2. Targeted Searches: Identify and prioritize specific key locations or items for focused examination.
3. Team Coordination: When a team of 2-3 detectives is assigned to search a large location, they should approach from opposite sides, converging toward a central point to ensure thorough coverage.
4. Parallel Searching: Deploy multiple teams to conduct simultaneous searches in different areas, maximizing efficiency.
5. Clockwise Search: In smaller residences or offices, execute the search in a clockwise direction to maintain order and ensure no areas are overlooked.
6. Simultaneous Searches: Several detectives may conduct searches concurrently in different sections of the premises to streamline the process.

During the investigation, it is essential for the detective to seize written evidence, as well as electronic devices such as computers, hard drives, flash drives, mobile phones, tablets, and laptops. The investigator should request the owner to provide passwords for these devices to facilitate access to the contained information. The data stored on these electronic devices is critical for the investigation, so meticulous documentation should be maintained regarding the information seized and the methods used to do so.

To prevent any unauthorized alterations to the data—particularly by third parties via the Internet—it is advisable to place the devices in flight mode as soon as they are confiscated. Additionally, it is important to be aware that the individual under investigation may have undisclosed "black accounts" stored on laptops, hard drives, iCloud, and flash drives, as well as "cold wallets." These cold wallets are similar to flash drives and can store electronic cryptocurrency immobilized for illicit purposes or bribes. Special attention should be given to reviewing the login credentials for any hot wallets and deciphering any encrypted or coded text. Immediate seizure of this information is crucial for further examination.

Key characteristics of investigating abuse of authority and corruption crimes, essential issues for investigators for evidence gathering and circumstances subject to proving:

Abuse of authority and corruption crimes in our country arise from a multitude of factors, including widespread poverty and unemployment, socioeconomic inequality, desire for quick financial gain and business management, violations of human rights and civil service ethics, economic crisis, privatization, and corporate ownership, banking, and financial crisis, various irregularities in practices, the slow market and monetary circulation, deterioration of solvency within the internal business activities, and the debt-credit chains.

According to Article 16.2 of the Law on Criminal Procedure of Mongolia, circumstances subject to proving in the course of inquiry, investigation and adjudication are defined as follows:

1. The circumstance in which the crime is committed (time, place, mode, and other circumstances stated in the Criminal Code);
2. The person committed the crime;
3. The motives, goal, and form of guilt of the crime;
4. Aggravating or mitigating factors of the sentence of accusing crime stated in the Criminal Code;

5. The character and the size of the damage caused by the crime;
6. Reason and cause of the crime.

To comply with the provisions of the aforementioned law, a detective must meticulously plan and organize the investigation from the outset. Conducting an investigation entails the following steps:

1. Develop a comprehensive plan in advance.
2. Ensure seamless communication and collaboration among all members involved in the investigation to facilitate efficiency and clarity.
3. Provide investigation procedure with professional management.
4. Clearly define the duties and responsibilities of each member of the investigative team.
5. Hold routine meetings with the working group to evaluate the investigation progress, discuss findings, and set new goals as necessary.
6. Create a conducive environment for the frequent exchange of information among participants,
7. Take into account all active criminal cases to ensure an equitable distribution of workload among team members when planning the investigation.
8. Ensure that all essential equipment and technology are available and operational throughout the investigation process.
9. Address critical issues such as maintaining the confidentiality of investigative information and implementing measures to prevent any potential destruction of evidence.

When investigating a crime, the detective must conduct thorough research on the individual or legal entity under investigation as the first step.

Following this, the detective should clearly define the scope of the case, including the collection and consolidation of evidence, as well as estimates for time and manpower needed for urgent operations.

Developing a comprehensive investigation plan is crucial for efficiently gathering and consolidating evidence that is vital to resolving the case promptly.

Due to the often concealed nature of evidence related to abuse of authority and corruption crimes, evaluating the collected evidence requires a high level of expertise. Therefore, it is advisable to engage an expert in the process of collecting and assessing relevant evidence to strengthen the investigation.

Additionally, some of the written evidence collected during the investigation of abuse of authority and corruption crimes may initially appear insignificant. However, as the investigation progresses, this evidence can later be recognized as crucial to resolving the case. Therefore, the detective needs to ensure that all evidence is preserved intact until the case is conclusively solved.

During the processes of searching, collecting, and confiscating evidence, valuable items may inadvertently be overlooked or left behind. To mitigate this risk, the detective should consider sealing certain objects for a specified period, taking into account the current circumstances and the routine activities of the legal entity involved. Investigating economic crimes often requires more time than other types of cases; thus, it is imperative to prioritize the preservation of evidence and maintain confidentiality throughout the investigative process.

Investigations are categorized as follows:

1. Investigations Requiring Prosecutorial Permission:

- a. Investigations conducted with authorization from the prosecutor;
- b. Urgent investigations conducted without prior approval from the prosecutor in cases requiring

immediate action;

Investigations conducted with authorization from the prosecutor:

- Conducting undercover examinations;
- Executing searches;
- Seizing objects and documents;

- Controlling, restricting, and monitoring the movement of capital;
  - Monitoring by regulating access to communication networks;
  - Obtaining the content of information transmitted via communication networks from relevant organizations;
  - Collecting information from relevant organizations, such as the users and owners of communication networks, their locations, connection times, devices, and access;
  - Gathering additional non-content-related information from relevant organizations;
  - Instructing relevant authorities to restrict access to communication networks;
  - Taking biological samples from individuals for analysis;
  - Exhuming and analyzing buried bodies;
  - Acquiring pertinent documents and information;
  - Engaging in controlled deliveries;
  - Engaging in controlled procurement;
  - Conducting secret investigative tests;
  - Implementing covert observation;
  - Carrying out covert identifications.
2. Independent Investigative Actions by the Investigator:
- Conducting checks and examinations;
  - Performing physical examinations;
  - Inspecting crime scenes;
  - Inspecting corpses;
  - Executing detection tests;
  - Searching an individual's body without prosecutorial authorization according to legal provisions;
  - Conducting searches;
  - Taking statements;
  - Conducting in-person, face-to-face interviews with witnesses and documenting their statements;
  - Establishing on-site evaluations;
  - Identifying and recognizing;
  - Conducting routine observations;
  - Undertaking testing and analytical procedures;
  - Collecting patterns and samples for examination.

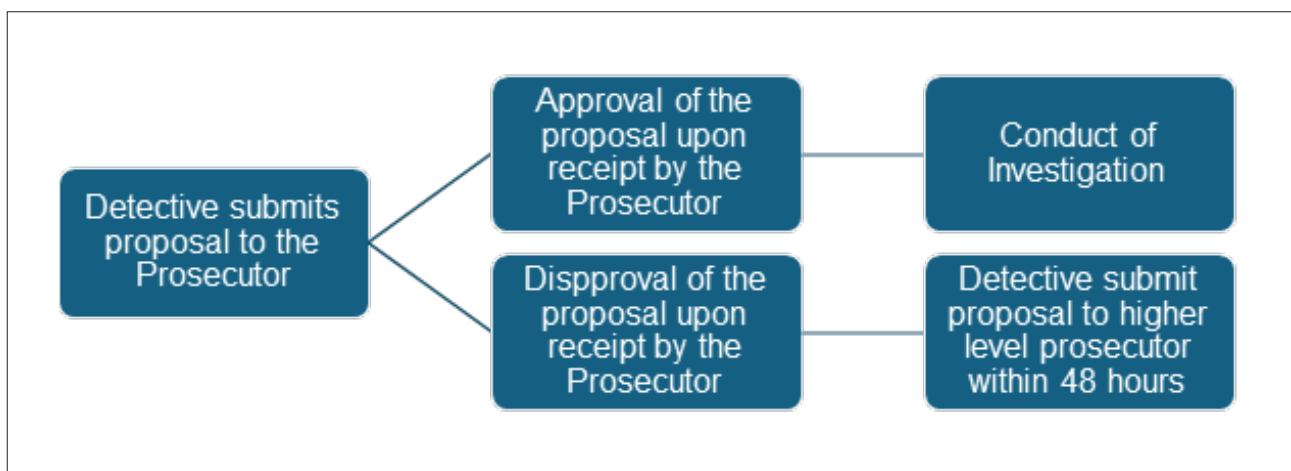

Fig. 1. Algorithm of actions

Under the "Criminal Procedure Law," detectives perform several essential procedures to establish proof of a crime, which include:

1. Taking statements.
2. Conducting inspections, searches, and confiscations.
3. Appointing experts for analysis.
4. Carrying out undercover investigations.
5. Seizing information and documents with the prosecutor's consent.

The detection of abuse of authority and corruption crimes often results from the diligent and innovative efforts of law enforcement officers. This process requires extensive documentation that may take days, months, or even years and demands considerable financial and time investments. Successfully uncovering and substantiating a case requires a high level of skill and experience.

The following information must be included in the Detective request of authorization to the Prosecutor:

1. Name of the detective submitting the request.
2. Type of Operation.
3. Purpose and justification of the operation.
4. The names of individuals, legal entities, organizations, and any relevant objects implicated in the operation.
5. Details of location, the address where the operation will take place, access, and transfer including the residence and property locations involved.
6. Duration of Operation.

7. Justification for night operations must be provided if the operation is scheduled to occur at night.

A detective may conduct an investigation without obtaining prior permission from the prosecutor in the following circumstances:

1. If there is a significant risk of harm to human life, health, or property if the operation does not proceed.
2. If there exists a genuine threat of destruction, transportation, concealment, or loss of traces and physical evidence related to the case if the operation is not conducted.

To determine the validity of these conditions, the prosecutor shall summon the investigator involved to provide a statement and to gather any necessary supplementary materials from the detective.

Following the assessment of the situation, the prosecutor will make one of the following determinations:

1. Validation of Investigation: The investigation is deemed valid and acceptable.
2. Invalidation of Investigation and any evidence gathered

Any confiscated items and documents will be returned to their rightful owners in the event of invalidation or annulment.

In future investigations related to abuse of authority and corruption crimes, it is essential to consider the following issues and remain vigilant in this regard:

A. Concepts of Investigation Planning:

Corruption crimes are inherently complex and require comprehensive investigation efforts. Consequently, effective investigations must be grounded in careful planning and organization.

The investigation plan encompasses a broad range of creative and systematic activities that guide the process from inception to conclusion.

It involves establishing clear objectives, developing appropriate methods and tactics to achieve those objectives, and determining the best strategies for implementation at each stage of the investigation and criminal proceedings.

Additionally, the investigative action plan facilitates case management by balancing workloads and serves as a fundamental requirement for optimizing operational efficiency while ensuring compliance with legal standards.

B. Requirements for the Investigation Plan:

During the investigation process, it is essential to address key questions regarding the operational approach: What actions must be taken, and how should these actions be executed to uncover the truth? The "Criminal Procedure Law" should serve as a structured guide, and investigators must also rely on their analytical reasoning to inform their decisions.

The investigation plan should encompass the following components:

1. Collection and analysis of initial information and materials pertaining to the crime. /This includes assessing the collected evidence critically and aligning it with personal insights and professional judgment/
2. Define the objectives of the investigation and establish the scope of the issues to be addressed.
3. Identify the most effective means for resolving the issues.

The First Stage: Collection and Analysis of Initial Information

This phase involves the systematic collection and analysis of initial information and materials related to the crime, and it is essential for forming hypotheses about potential suspects, the circumstances surrounding the crime, and the physical evidence at hand. It is methodologically critical to approach this stage as a cohesive and integrated activity. By synthesizing the collected facts, investigators can develop informed suspicions and a clearer understanding of the case, laying a strong foundation for subsequent investigative efforts.

When collecting facts and information for the purpose of developing an effective investigation plan, the following factors should be carefully evaluated:

1. Determine which of the gathered facts and pieces of information can be utilized as evidence in the case.
2. Assess which aspects of the crime can be substantiated through physical evidence.
3. Establish which elements of the crime can be conclusively investigated based on the available evidence.
4. Consider how already known evidence can be leveraged to uncover new information or evidence relevant to the investigation.
5. Decide when and how to address any contested facts to facilitate a clear resolution in the investigative process.

The Second Stage: Defining Objectives and Scope of the Investigation

In this stage of the investigation plan, it is crucial to clearly define the objectives and delineate the scope of the issues that must be addressed to conduct a comprehensive investigation of the criminal case. The investigation plan should be designed to encompass all relevant aspects necessary for a thorough resolution of the case.

A scope that is too broad may dilute the focus on the specific nature of the crime, leading to prolonged investigation timelines. Conversely, a scope that is too narrow may restrict the ability to establish a case beyond a reasonable doubt, potentially overlooking important evidence. Therefore, when determining the scope of the problem to be solved, it is imperative to plan with careful consideration of the case's specifics and its temporal and spatial context. This meticulous approach enhances the likelihood of achieving better outcomes in the investigation.

The Third Stage: Identifying and Testing Solutions

In the third phase of the investigation, it is essential to identify and thoroughly test potential solutions. During this stage, the detective must strategically plan operations by formulating effective methods and tactics for execution, as well as selecting the most suitable approach for implementation.

The development of the investigation work plan can be systematically organized as specific investigation operations /such as search, examination, testing, and identification/, comprehensive criminal investigation plans /such as sample and daily plans/, and potential investigation of multiple criminal cases /such as crimes of different or similar nature are investigated tailored to the specifics of the case at hand and techniques suitable for tracking/. For example, the investigation plan can be organized according to the following criteria:

For instance, it can be planned according to:

1. Actions focused on investigating and defining the nature of the crime.
2. Specific suspicions or leads that require further exploration.
3. Events or incidents related to the case.
4. According to the nature and composition of the crime itself.
5. Determinations of culpability or guilt, etc.

In many instances, presumptive planning is employed when a crime has occurred, but the perpetrator has not yet been identified, or when an event has taken place that necessitates determining whether it constitutes a crime.

Event-based planning is utilized when a crime consists of multiple events, each exhibiting characteristics of a distinct criminal act.

Criminal feature-based planning applies when several offenses fall under a single crime category, requiring a comprehensive approach to understanding the different elements involved.

Culpability-based planning is implemented when multiple individuals are accused of committing a crime as part of a group, focusing on establishing the specific guiltiness of each person's actions.

An investigation action plan not only organizes activities in a logical sequence but also enhances outcomes and fosters conditions for the swift resolution of cases. A detective must possess a strong command of scientific cognitive methods, effectively analyze and evaluate evidence, anticipate individuals' actions in various scenarios, and strategically plan their approach while selecting the most effective method.

Principles for Investigation Planning:

An effective investigation plan must be clear, legally compliant, and tailored to the specific nuances of the case. It is insufficient to merely outline general objectives; the plan should be concise, precise, and address specific issues directly. Additionally, it must delineate responsibilities and establish a timeline for completion. A key aspect of the planning principle is the detailed specification of each detective's role during a task force investigation, particularly in cases that are complex and involve multiple actions or contacts. This clarity ensures accountability and enhances the overall effectiveness of the investigation.

The investigation plan should be customized to reflect the unique circumstances of each individual involved in the case. Since every case is distinct, the plan must be specifically designed to address its particularities. This means that it should be based on the information and facts gathered during the investigation, free from stereotypes. The effectiveness of the plan is heavily influenced by the detective's knowledge, expertise, and experience, as well as the uniqueness of the case at hand.

Maintain a dynamic plan. Treat planning as a continuous process, not a one-time task. The plan should evolve consistently to address emerging issues, incorporate new findings, and adapt to additional actions required as evidence from the investigation unfolds.

This change can take many forms, such as recognizing when there's insufficient basis to clarify the initial problem or identifying and planning around a newly discovered issue. Because investigations are ongoing and develop over time, new issues will inevitably arise, be disproved, or be confirmed. To remain effective, incorporate these updates into the plan immediately.

Maintain a realistic plan. The principle encompasses two key points. Ensure the plan is grounded in accurate, realistic assumptions and reliable facts. The tasks and methods outlined should be practical and achievable within the given context. In other words, avoid proposing actions that are impossible to execute under current circumstances. For example, the plan of reconstructing a bribery incident for investigative purposes may be unrealistic and impractical.

Types of Investigation Plans. Investigation planning can take various forms depending on the method, purpose, and content. The main types include:

1. General investigation plan.
2. Collaborative investigation plan for the cases that require coordination with the executive and other departments.
3. Partial investigation plan targeting specific aspects or sections of the investigation.
4. A time-based or calendared investigation plan.
5. Plan for verifying suspicions and assumptions.
6. Sample and Template-Based Plans.

When investigating corruption, it is essential to focus on the following steps:

One. Analyze and draw conclusions on the event /compare events with available information sources to ensure accuracy/

Two. Identify the affected legal relationship based on factual findings /including the sector affected such as education, taxation, customs, or public tenders, and how it was influenced, etc/

Three. Identify the specific legislation that governs the relevant sector /study the sector-related laws and regulations carefully/

Four. Determine which legislative articles and legal principles apply to the case /abuse of authority, misuse of power, failure to act, or undue influence. Refer to Judicial precedents, such as Review Court rulings (e.g., No. 2016-05-20 No. 141; No. 2015-06-26 No. 222), to clarify applicable legal interpretations.

Five. Follow structured stages and steps in classifying the case /propose hypotheses and versions, investigate similar cases, analyze patterns, and address potential dead ends to refine the investigation's focus/.

Six. Define and clarify key legal terms and concepts in classifying the case /For instance, when drafting charges, specify whether the subject qualifies as an "official" under Article 4 of the Anti-Corruption Law and identify relevant provisions in sector-specific laws that pertain to their duties/.

Seven. Review whether other legal norms may apply to the case and evaluate their relevance to ensure comprehensive legal coverage.

Eight. In investigating corruption and money laundering, it is essential to adhere to key legal principles, reasons, and consequences either to aggravate or mitigate, including the Fundamental Legal Principles of Criminal Law, Principles of Justice, and Principles of Guilt while considering the applicability of the Criminal Law both within and outside the territory of Mongolia to determine jurisdiction and carefully identify and analyze all stages of the crime. For example, the following Criminal Code Articles outline key concepts in understanding criminal acts and participant roles must be considered: /Article 2.7. Preparation for a crime: Identifies preparatory actions and assesses

reasons why the crime may not have been fully executed or to impose full criminal responsibility/, /Article 2.8. Attempt to commit a crime, rebuttal to commit a crime: Examines attempts to commit a crime, including cases where the individual voluntarily rebuts to accomplish a crime, as well as the involvement of other participants/, /Article 3.1. Complicity in a Crime/, /Article 3.2. Contractor of a crime/, /Article 3.3. Organizer of a Crime/, /Article 3.4. The instigator of a crime/, /Article 3.5. An accessory of a crime/, /Article 3.6. Act in disagreement/, /Article 3.7. Committing of a crime by a group/, /Article 3.8. Organized criminal group/.

References

- Battseren, B., & Amarbat, E. (2017). *Criminal law /revised/ Teacher's guide*. UB city.
- Bumnanjid, J., & Myagmartseren, Sh. (2011). *"Methodology for investigating abuse of authority and corruption crimes"*. UB city.
- Gereltuya, G et al. (2022). *Issues to be considered in the investigation and processing of abuse of authority and corruption crimes*. State information. UB city.

About the author

Bayarmagnay. R – Head of the Department of the Anti-Corruption Agency of Mongolia, Doctor of Law /Ph.D/, Professor.

Информация об авторе

Баярмагнай. Р – начальник отдела Антикоррупционного агентства Монголии, доктор права /Ph.D/, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 27.10.2024

Одобрена после рецензирования 20.11.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted October 27, 2024

Approved after reviewing November 20, 2024

Accepted December 28, 2024

Обзоры конференций

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-653-663

Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (Обзор международной научно-практической конференции)

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Марина Римантасовна Илакавичус

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
marinaorlova_99@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-4706-2877

Аннотация

В статье представлен обзор третьей международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», прошедшей в октябре 2024 года. Конференция нацелена на расширение и укрепление научного международного и межведомственного сотрудничества, объединение специалистов, работающих в различных сферах психолого-педагогической практики, обсуждение теоретических и практических разработок в области морально-психологического деятельности сотрудников правоохранительных органов. В конференции приняли участие более 200 человек из 50 организаций России и зарубежья, среди которых: представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Академии МВД Республики Узбекистан, Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шпракбека Кабылбаева, Могилевского института МВД Республики Беларусь, Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, института практической психологии «Иматон», Челябинского государственного университета; представители образовательных организаций МВД России, Минобороны России, Росгвардии, ФСИН России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, территориальных органов МВД и ФСО России. На пленарном заседании конференции были представлены доклады и аналитические материалы, характеризующие современное состояние морально-психологического обеспечения служебной

Душкин А. С., Илакавичус М. Р./ Dushkin A. S., Ilakavichus M. R.

деятельности сотрудников правоохранительных органов России и зарубежных государств. В мастер-классах и круглых столах представлен положительный опыт реализации современных психолого-педагогических практик. Результатом конференции стало обсуждение академических и прикладных проблем внедрения теории юридической педагогики и психологии в практику и укрепление научных связей между сотрудниками правоохранительных органов и образовательных организаций силовых структур, а также поиска эффективных психолого-педагогических форм и методов подготовки сотрудников правоохранительных органов. По итогам работы международной научно-практической конференции сформирована и принята резолюция.

Ключевые слова

юридическая педагогика и психология, андрагогика, подготовка кадров, образовательные технологии, психологическая помощь, психолого-педагогическое сопровождение, психолого-педагогическая компетентность

Для цитирования: Душкин, А. С., Илакавичус, М. Р. (2024). Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (Обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 653–663. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-653-663.

Conference reviews

Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice (Review of the international scientific and practical conference)

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Marina R. Ilakavichus

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
marinaorlova_99@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-4706-2877

Abstract

The article provides an overview of the third international scientific-practical conference “Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice” held in October 2024. The conference is aimed at expanding and consolidating scientific international and interdepartmental cooperation, connecting specialists working in different spheres of psychological and pedagogical practice, discussing theoretical and practical developments in the field of moral and psychological activities of law enforcement officers. More than 200 people from 50 organisations from

Russia and abroad took part in the conference, among them: representatives of the People's Police Academy of the Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, the Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Uzbekistan, Kostanai Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbaev, Mogilev Institute of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus, National Research Nuclear University "MEPhI", Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, "Imaton" Institute of Practical Psychology, Chelyabinsk State University; representatives of educational organisations of the Ministry of the Interior of Russia, Ministry of Defence of Russia, Russian Federal Guard, Federal Penitentiary Service of Russia, Ministry of Science and Higher Education of Russia, Ministry of Education of Russia, territorial bodies of the Ministry of the Interior and Federal Security Service of Russia. At the plenary session of the conference, reports and analyses characterising the current state of moral and psychological support of service activities of law enforcement officers of Russia and foreign countries were presented. The master-classes and round tables demonstrated positive experience in the implementation of modern psychological and pedagogical practices. The conference resulted in the discussion of academic and applied problems of introducing the theory of legal pedagogy and psychology into practice and strengthening scientific communications between law enforcement officers and educational organisations of law enforcement agencies, as well as the search for effective psychological and pedagogical forms and methods of training law enforcement officers. Following the results of the international scientific-practical conference, a resolution was formed and adopted.

Keywords

legal pedagogy and psychology, andragogy, training, educational technologies, psychological assistance, psychological and pedagogical support, psychological and pedagogical competence

For citation: Dushkin, A. S., Ilakavichus, M. R. (2024). Pedagogy and Psychology in the Activities of Law Enforcement Officers: Integration of Theory and Practice (Review of the International Scientific and Practical Conference). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 653–663. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-653-663.

24 октября 2024 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась III Международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики». Необходимо отметить, что конференция проводится ежегодно с 2018 года, при этом с 2022 года она получила международный статус.

Конференция является знаковым международным событием для ведущих ученых в области педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Она проводится в рамках реализации приоритетного профиля подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел» и в соответствии с основными направлениями исследований научной школы «Психолого-педагогическая система профессионального становления кадров в органах внутренних дел Российской Федерации».

В работе конференции приняли участие представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Академии МВД Республики Узбекистан, Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, Могилевского института МВД Республики Беларусь, Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, института практической психологии «Иматон», Челябинского

государственного университета; представители образовательных организаций МВД России, Минобороны России, Росгвардии, ФСИН России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, территориальных органов МВД и ФСО России.

Академическую и профессиональную среду представляли более 200 участников 50 образовательных организаций Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

С приветственным словом к участникам конференции обратился начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, генерал-лейтенант полиции **Игорь Филиппович Амельчаков**, отметивший, что прошедший с предыдущей конференции год ознаменовался важными общественно значимыми событиями. 2024 год для России – год семьи и год Российской академии наук, год подготовки к празднованию 80-летия Великой Победы 1945 года. Он прошел в полном соответствии с приданным смыслом возвращения интереса общества и государства к области воспитания и обучения, современному педагогическому и психологическому знанию. Для России, Белоруссии, Азербайджана и Казахстана 2024 г. – год волонтерства. Участие сотрудников органов внутренних дел и членов их семей в решении социально значимых проблем уже стало хорошей традицией в наших странах. Кроме того, в продолжение тематики прошлого Года наставника и педагога в наших странах продолжается реализация запроса общества и государства на разработку, обоснование и внедрение лучших практик наставничества в деятельность разных подразделений министерств и ведомств. Организация наставничества, соответствующего современному уровню развития педагогики и психологии, важна на всем протяжении профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел: от профориентации, которой наш университет традиционно уделяет особое внимание, до сопровождения ветеранов Министерства, также приоритетного для нас. Перечисленное является значимыми составляющими деятельности образовательных организаций правоохранительной направленности, направленной на выполнение Указа Президента России В. В. Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». К ним относятся реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности и принципы патриотизма.

Одной из главных задач, стоявших перед указанным научно-представительским мероприятием, являлся не только обмен накопленными знаниями и опытом между представителями научного сообщества, но и передача этого опыта нашим будущим правоприменителям: курсантам, слушателям, адъюнктам. Участие обучающихся в научных мероприятиях – один из важных этапов формирования психолого-педагогических компетенций, необходимых для успешной будущей практической деятельности.

В программу конференции вошли выступления участников на пленарном заседании, проведение круглых столов и мастер-классов ведущими специалистами и выпуск электронного сборника тезисов докладов участников конференции.

В рамках пленарного заседания прозвучали доклады ученых России и зарубежных стран.

Открыл пленарное заседание начальник кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, полковник полиции **Тимофей Сергеевич Купавцев**, выступивший с докладом «Педагогическая поддержка в управленческой деятельности руководителя в органах внутренних дел». Докладчик раскрыл характеристики педагогической поддержки в деятельности руководителя в системе МВД России как подхода к проектированию профессионально-служебной среды. В основе педагогической поддержки лежит задача актуализации субъектной активности подчиненного сотрудника в его самостоятельном решении служебных задач. Выбор руководителем

тактики педагогической поддержки обоснован решением триединой управленческой задачи: обеспечение эффективной профессиональной деятельности; актуализация субъектной активности сотрудников; непрерывное образование сотрудника в профессиональной карьере (Купавцев, 2024).

С докладом «Формирование мировоззренческих ценностей: интегративный подход в практике подготовки кадров органов внутренних дел» выступил профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, доцент **Геннадий Викторович Марченко**.

Геннадий Викторович раскрыл вопросы реализации различных педагогических технологий в рамках интегративного подхода формирования профессионально-нравственных качеств курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, укреплению государственно-патриотического мировоззрения обучающихся. Он подчеркнул, что обращение к авторскому педагогическому опыту проведения практических занятий по учебным дисциплинам гуманитарного профиля на различных факультетах Санкт-Петербургского университета МВД России и применение этого опыта позволят повысить качество занятий, разнообразить их содержание, создать творческую атмосферу в ходе их проведения (Марченко, 2024).

Доцент кафедры служебно-прикладной подготовки Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат педагогических наук, доцент, старший лейтенант милиции **Елена Петровна Титова** в докладе «Интегративный подход в физической подготовке курсантов военизированных организаций» представила одну из актуальных проблем подготовки кадров для правоохранительных органов. Она отметила, что в настоящее время существует необходимость совершенствования профессиональной подготовки курсантов военизированных организаций. Для этого применяются различные технологии и методики, в том числе интегративный подход, который предполагает применение совокупности различных идей, явлений или процессов, приводящей к созданию нового качества. Реализация интегративного подхода в физической подготовке курсантов осуществляется через использование упражнений, направленных на совершенствование психомоторных функций, что может положительно влиять на развитие физических качеств и усвоение технических и тактических действий (Титова, 2024).

С докладом «Подготовка кадров для органов внутренних дел в условиях противостояния глобальным угрозам и вызовам» выступил начальник кафедры огневой подготовки Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор педагогических наук, профессор, полковник полиции **Николай Вениаминович Астафьев**.

Николай Вениаминович в докладе подчеркнул, что основной составной частью человеческого капитала в настоящее время является экономика знаний, которая включает в себя научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу, образование. В условиях глобальных угроз и вызовов, расширения НАТО на восток, экономических санкций, проведения специальной военной операции и длительного времени после ее окончания подготовка кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в большей мере, чем ранее, должна формировать у сотрудников полиции актуальные профессиональные компетенции и практические навыки, в т. ч. по выполнению оперативно-служебных задач в условиях введения специальных административно-правовых режимов. Необходимо обеспечить общность содержания профессионального образования и оперативно-служебной деятельности полиции. Достичь этого можно посредством сетевой формы реализации профессиональных образовательных программ и формирования образовательных и научных кластеров (Астафьев, 2024).

Доклад преподавателя института практической психологии «Иматон», бывшего начальника кафедры юридической, общей и практической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидата психологических наук, доцента, подполковника полиции в отставке **Марины Васильевны Пряхиной** был посвящен оказанию помощи сотрудникам органов внутренних дел, пережившим боевую психическую травму при выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях, и их семьям. Существует необходимость prognostic evaluation of the state of health of employees of internal affairs agencies in the early and distant period after the completion of operational-service tasks in special conditions. Actual is the development of differentiated programs of psychological correction and rehabilitation of employees of internal affairs agencies taking into account the intensity, complexity and duration of the performed activity, as well as age, social factors and personal peculiarities of specialists.

Марина Васильевна подчеркнула, что своевременно оказанная профессиональная психологическая помощь позволяет повысить эффективность выполнения служебной деятельности сотрудников ОВД (Барина, Пряхина, 2023). При этом значение имеет «эффективная профилактика, раннее начало и адекватность проводимых реабилитационных мероприятий, социальная поддержка со стороны общества, коллег, семьи и близких, а также высокая квалификация оказывающего помощь психолога»¹.

С докладом «Подготовка руководителей органов внутренних дел к профилактике суицидального поведения сотрудников полиции» выступила начальник центра по подготовке специалистов-психологов и проведению социологических исследований Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, кандидат педагогических наук, подполковник полиции **Елена Сергеевна Федотова**.

Елена Сергеевна в своем докладе отметила, что проблема суицидальности полицейских усугубляется тем, что до сих пор не сформирована культура обращения за психологической помощью, и эта предвзятость может быть барьером на пути к получению необходимой поддержки и лечения. В таких условиях важно не только повышать осведомленность о проблеме, но и разрабатывать эффективные меры для ее предотвращения. Структура полицейской иерархии и ожидания руководства могут оказывать психологическое давление на сотрудников. Ожидания от полицейских быть «сильными» и не проявлять слабость, страх показаться «некомпетентным» или недостаточно выносливым заставляют многих сотрудников избегать обращения за помощью. Культура «неуязвимости», существующая в полиции, часто препятствует открытым разговорам о психологических трудностях и создает ощущение изоляции. Это приводит к тому, что сотрудники замыкаются в себе, не получая необходимую поддержку своевременно.

Ключевую роль в профилактике суицида среди сотрудников полиции играют руководители. Их влияние на организационную культуру, атмосферу в коллективе и качество работы по поддержке сотрудников неоспоримо. Эффективная профилактика должна начинаться с верхних уровней управления, которые имеют возможность внедрять программы и инициативы, способствующие сохранению и улучшению психического здоровья полицейских (Федотова, 2024).

В соответствии с программой конференции были организованы круглые столы «Новые подходы, формы и методы в сфере профессиональной ориентации» и «Актуальные психолого-педагогические вопросы правоохранительной деятельности: взгляд молодых ученых».

Ведущими круглого стола «Новые подходы, формы и методы в сфере профессиональной ориентации» выступили начальник кафедры педагогики и психологии учебно-научного

¹ Стрельникова, Ю. Ю., Барина, М. Г., Пряхина М. В. (2023). *Психологическая интервенция (развитие, коррекция и реабилитация)*: учебное пособие. СПбУ МВД России.

комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент, полковник полиции **Антон Сергеевич Душкин** и заместитель начальника отдела – начальник отделения (планирования учебного процесса) управления учебно-методической работы Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции **Андрей Юрьевич Климов**. В рамках круглого стола были обсуждены вопросы взаимодействия образовательных организаций МВД России и общеобразовательных организаций, профессиональных образовательных организаций в сфере профессиональной ориентации, а также условия развития кадетского образования.

Ведущим круглого стола «Актуальные психолого-педагогические вопросы правоохранительной деятельности: взгляд молодых ученых» выступил профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации **Леонид Трофимович Бородавко**. В рамках круглого стола с докладами по актуальным вопросам юридической педагогики и психологии выступили педагоги, сотрудники территориальных органов МВД России и адъюнкты.

Ведущим мастер-класса «Воспитание сотрудников правоохранительных органов на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей: историческое наследие и современность» выступил профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, доцент **Геннадий Викторович Марченко**.

В ходе мастер-класса участники:

- 1) получили представление об основных понятиях и приоритетных подходах в деятельности органов внутренних дел по формированию государственно-патриотического мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- 2) изучили технологии работы и алгоритм действий по организации работы в этой сфере деятельности должностными лицами территориальных органов МВД России и образовательных организаций МВД России;
- 3) практически отработали различные кейсы по вопросам методики проведения учебно-воспитательных мероприятий на основе требований приказа МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов Российской Федерации».

Научно-педагогические работники, адъюнкты, курсанты и слушатели, присутствовавшие на мастер-классе, получили навыки и умения практической работы по организации мероприятий политико-воспитательной и информационно-пропагандистской работы.

В ходе проведения мастер-класса «Специфика организации и применения интерактивного метода “интеллект-карта” в подготовке кадров для правоохранительных органов» участникам был представлен передовой педагогический опыт кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России по применению в учебно-воспитательном процессе современных образовательных технологий.

Ведущим мастер-класса выступила доцент кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент **Тамара Леонидовна Журавлева**.

Участники мастер-класса:

1) получили представление о сущности и предназначении метода «интеллект-карта» в подготовке кадров для правоохранительных органов: для организации обучения; обобщения большого объема изученной информации; конспектирования лекций, статей, проработки развернутого плана или текста, подготовки к выступлению и т.д.;

2) изучили способы работы с различными видами интеллект-карт;

3) самостоятельно разработали «интеллект-карты» на тему: «Преподаватель высшей школы как воспитатель», «Преподаватель высшей школы как методист», «Преподаватель высшей школы как исследователь»; объединили разработанные интеллект-карты в единую интеллект-карту «Преподаватель высшей школы».

Участники мастер-класса получили практическое умение в составлении интеллект-карты, с последующим применением в обучении.

Преподаватель института практической психологии «Иматон», кандидат психологических наук, доцент **Марина Васильевна Пряхина** была ведущей мастер-класса «Методы психологической помощи сотрудникам органов внутренних дел, пережившим боевую психическую травму». Ведущая продемонстрировала возможности использования телесно-ориентированной терапии в коррекции состояний нервно-психической дезадаптации сотрудников органов внутренних дел, переживших боевую психическую травму. Особое внимание было уделено психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел. Следует также учитывать, что негативные предубеждения к посещению психолога, а также психотравматическая стигматизация могут приводить к неудовлетворительным результатам психологической реабилитации.

Доцент кафедры психологии профессиональной деятельности факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат психологических наук **Наталья Олеговна Макух** была ведущей мастер-класса «Выход из кризиса – поиск себя». В ходе мастер-класса участники ознакомились и апробировали на себе психологические техники, направленные на преодоление различных видов психологических кризисов.

Ведущим мастер-класса «Методология противодействия идеологии религиозного экстремизма: в контексте современной парадигмы дигитализации общественных и межличностных отношений» выступил профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор **Сергей Юрьевич Чимаров**.

В ходе мастер-класса участники:

1) получили представление об идеологии, природе и признаках религиозного экстремизма, основных направлениях его продвижения и особенностях онлайн-воздействия цифровой парадигмы религиозно-экстремистских воззрений на массовое и индивидуальное сознание;

2) изучили технологии противодействия идеологии религиозного экстремизма, распространяемой в интернет-пространстве и освоили посредством проработки кейсов методологические подходы к проведению анализа массива электронной научной информации, ориентированной на противодействие религиозно-экстремистской деятельности;

3) практически отработали алгоритм поиска должностными лицами территориальных органов МВД России и образовательных организаций МВД России электронной формы информации, содержащей религиозно-экстремистский контент и его адресную нацеленность на российское общество.

Научно-педагогические работники, адъюнкты, курсанты и слушатели, присутствовавшие на мастер-классе, получили навыки и умения практической работы по организации контрпропагандистской работы по проблеме противодействия религиозному экстремизму.

Круглые столы и мастер-классы были посвящены практическим аспектам морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников правоохранительных органов, подготовки кадров для органов внутренних дел и включали в себя практические рекомендации по применению знаний в области юридической педагогики и психологии.

Всеми участниками дана высокая оценка эффективности проведенных круглых столов и мастер-классов.

После заслушивания и обсуждения докладов пленарного заседания, материалов круглых столов и мастер-классов была принята **резолуция**.

Участники конференции считают, что состоялся плодотворный обмен опытом по теоретическим и практическим проблемам педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов, установлены пути сотрудничества с зарубежными образовательными организациями; следует провести в 2025 году международную научно-практическую конференцию «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», сосредоточив внимание на актуальных проблемах взаимодействия образовательных и научных организаций, а также территориальных органов различных министерств и ведомств.

На пленарном заседании конференции были представлены доклады, характеризующие современное состояние морально-психологического обеспечения служебной деятельности сотрудников силовых структур. В рамках круглых столов и мастер-классов был представлен положительный опыт реализации современных образовательных технологий в системе подготовки кадров для правоохранительных органов, а также психологической работы с сотрудниками правоохранительных органов, выполняющими оперативно-служебные задачи в особых условиях.

В рамках работы конференции были сделаны следующие значимые **теоретические выводы**:

- уточнены методологические подходы к проектированию и реализации андрагогических технологий в правоохранительных органах России и зарубежных государств;
- сформулированы идейные основы оказания психологической помощи сотрудникам правоохранительных органов, выполнявших оперативно-служебные и служебно-боевые задачи в зоне проведения специальной военной операции;
- сформулированы перспективные направления развития эффективных практик психолого-педагогического сопровождения личностно-профессионального развития сотрудников правоохранительных органов России и зарубежных государств;
- расширение возможностей использования в образовательном процессе цифрового образовательного контента на всех уровнях подготовки кадров для правоохранительных органов;
- обоснована необходимость методического обеспечения подготовки психологов для работы с участниками специальной военной операции и членами их семей.

В рамках работы конференции были сформулированы следующие предложения по решению **практических проблем**:

- выявлена необходимость проведения научно-исследовательских работ по заявкам центрального аппарата МВД России и территориальных органов МВД России по вопросам психологической профилактики текучести кадров в подразделениях органов внутренних дел в 2025 году;
- в целях научно-методического обеспечения подготовки начальствующего состава и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России подготовить монографию «Педагогическое сопровождение социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения» в 2025 году;

– в целях научно-методического обеспечения подготовки психологов подготовить методические рекомендации «Развитие эмоционально-волевой саморегуляции сотрудников органов внутренних дел в системе морально-психологической подготовки» в 2025 году;

– в целях укрепления и поддержания международного сотрудничества подготовить совместно с сотрудниками Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева научно-исследовательские работы «Психологическая коррекция и реабилитация сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Казахстан», «Психологическая помощь лицам, освобожденным из пенитенциарных учреждений Российской Федерации и государств – участников Содружества Независимых Государств» в 2025 году.

Список литературы

- Астафьев, Н. В. (2024). Подготовка кадров для органов внутренних дел в условиях противостояния глобальным угрозам и вызовам. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 октября 2024 года, стр. 26–35). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Барина, М. Г., Прякина, М. В. (2023). Методы психологической коррекции сотрудников правоохранительных органов. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года, стр. 26–31). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN: YUNKVL.
- Купавцев, Т. С. (2024). Педагогическая поддержка в управленческой деятельности руководителя в органах внутренних дел. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 октября 2024 года, стр. 227–232). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Марченко, Г. В. (2024). Формирование мировоззренческих ценностей: интегративный подход в практике подготовки кадров органов внутренних дел. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 октября 2024 года, стр. 268–274). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Титова, Е. П. (2024). Интегративный подход в физической подготовке курсантов военизированных организаций. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 октября 2024 года, стр. 431–435). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Федотова, Е. С. (2024). Подготовка руководителей органов внутренних дел к профилактике суицидального поведения сотрудников полиции. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 октября 2024 года, стр. 458–463). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.

References

- Astaf'ev, N. V. (2024). Podgotovka kadrov dlya organov vnutrennih del v usloviyah protivostoyaniya global'nym ugrozam i vyzovam. V *Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov*

- pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2024 goda, str. 26–35). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Barinova, M. G., Pryahina, M. V. (2023). *Metody psihologicheskoy korrekcii sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. V Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda, str. 26–31). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN: YYHKVL.
- Kupavcev, T. S. (2024). *Pedagogicheskaya podderzhka v upravlencheskoj deyatel'nosti rukovoditelya v organah vnutrennih del. V Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2024 goda, str. 227–232). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Marchenko, G. V. (2024). *Formirovanie mirovozzrencheskih cennostej: integrativnyj podhod v praktike podgotovki kadrov organov vnutrennih del. V Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2024 goda, str. 268–274). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Titova, E. P. (2024). *Integrativnyj podhod v fizicheskoy podgotovke kursantov voenizirovannyh organizacij. V Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2024 goda, str. 431–435). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Fedotova, E. S. (2024). *Podgotovka rukovoditelej organov vnutrennih del k profilaktike suicidal'nogo povedeniya sotrudnikov policii. V Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 24 oktyabrya 2024 goda, str. 458–463). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.

Информация об авторах

Антон Сергеевич Душкин – начальник кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Марина Римантасовна Илакавичус – профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук.

About the authors

Anton S. Dushkin – Head of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Docent.

Marina R. Ilakavichus – Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Interior of Russia, Dr. Sci. (Ped.).

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution. The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 10.11.2024

Одобрена после рецензирования 30.11.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted November 10, 2024

Approved after reviewing November 30, 2024

Accepted December 28, 2024

Обзор

УДК 159.9.072.43; 347.61/.64

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-4-664-675

Профилактика домашнего насилия

Валерий Леонидович Ситников

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
sitnikof@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3229-5096

Александр Владимирович Шахматов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
a-shahmatov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1391-7307

Аннотация

Статья содержит обзор научно-практических докладов круглого стола, посвященного психолого-педагогическим и юридическим проблемам профилактики домашнего насилия, организованного 22 октября 2024 года Санкт-Петербургским университетом МВД России. Здесь были обсуждены современные проблемы домашнего насилия и его профилактики, ресурсы защищенности взрослых, переживших насилие в детстве, возможности судебной психологической экспертизы по выявлению скрытого домашнего насилия, психологические предпосылки возникновения насилия в интимно-личностной сфере, аксиологические аспекты регулирования натурализации семей мигрантов, роль религии и информационно-цифрового пространства в сохранении духовно-нравственных ценностей, новые программы обучения полицейских навыкам реагирования на семейное, бытовое и сексуальное насилие.

Ключевые слова

государственная политика, укрепление семьи, профилактика, домашнее насилие, сотрудники полиции

Для цитирования: Ситников, В. Л., Шахматов, А. В. (2024). Профилактика домашнего насилия. *Российский девиантологический журнал*, 4 (4), 664–675. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-664-675.

Review

Domestic violence prevention

Valery L. Sitnikov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
sitnikof@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3229-5096

Alexander V. Shakhmatov

Saint Petersburg University of the MIA
of Russia (Saint Petersburg, Russia)
a-shahmatov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1391-7307

Abstract

The article provides an overview of the scientific and practical reports of the round table devoted to psychological, pedagogical and legal problems of domestic violence prevention, organised by the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia on October 22, 2024. Modern problems of domestic violence and its prevention, resources of protection of adults having suffered from violence in their childhood, possibilities of forensic psychological expertise to detect hidden domestic violence, psychological prerequisites of violence in the intimate-personal sphere, axiological aspects of regulation of naturalisation of migrant families, the role of religion and information and digital space in preserving spiritual and moral values, new programmes for training police officers to respond to family violence were discussed.

Keywords

public policy, family strengthening, prevention, domestic violence, police officers

For citation: Sitnikov, V. L., Shakhmatov, A. V. (2024). Domestic violence prevention. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (4), 664–675. doi: 10.35750/2713-0622-2024-4-664–675.

2024 год в России объявлен Годом семьи в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей. Учебно-научным комплексом по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России по инициативе и под руководством начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидата юридических наук, доцента, генерал-лейтенанта полиции Игоря Филипповича Амелчакова было организовано проведение круглого стола «Государственная политика по сохранению и укреплению традиционной российской духовно-нравственной ценности – крепкая семья. Профилактика домашнего насилия», в котором приняли участие десятки ученых различных вузов и сотрудников правоохранительных органов из разных регионов страны – от Санкт-Петербурга и Москвы до Республики Тува и Восточно-Сибирского региона.

Круглый стол открыл профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, генерал-майор полиции Леонид Трофимович Бородавко, рассказавший присутствующим о целях и задачах мероприятия. Ими выступили расширение и укрепление взаимодействия между образовательными организациями системы МВД России, а также другими органами, организациями в области совершенствования политико-воспитательной работы по сохранению и укреплению традиционной духовно-нравственной ценности «крепкая семья»; обмен педагогическим опытом по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Результатом встречи участников должно было стать выявление успешных практик профилактики домашнего насилия и их дальнейшее распространение; применение научных подходов в вопросах организации и реализации политико-воспитательной работы в образовательных организациях МВД России; представление университета как учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом».

С обращением к участникам и ключевым докладом выступил доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России Валерий Леонидович Ситников, осветивший острые, нетривиальные проблемы домашнего насилия. Считая, что социальные потрясения приводят к обострению эмоционального напряжения психики, росту фрустрации, агрессивности у людей разного возраста и социального статуса, закономерно связать их с ростом и характером домашнего насилия.

Докладчик отметил, что в структуре домашнего насилия за прошедшие тридцать с лишним лет произошли кардинальные изменения. Сегодня как объектами, так и субъектами домашнего насилия нередко являются не только мужья, но и жены, не только родители и представители старшего поколения, но и дети, и внуки, и братья, и сестры (Стреленко, Ситников, 2022). Так, 8 октября 2024 года социальные сети, а затем и другие средства массовой информации сообщили о том, что в Тольятти 13-летняя девочка искусила, а затем убила своих сводных сестер. Это произошло в то время, когда ее сорокалетняя мать и тридцатилетний «отчим» находились на допросе в отделении полиции, куда были вызваны после очередного заявления женщины об избиении своим сожителем – отцом убитых девочек. Представив в презентации широкое разнообразие видов традиционных форм физического, экономического, сексуального и психологического домашнего насилия, профессор особое внимание обратил на то, что сегодня приходится говорить о появлении идеологической формы домашнего насилия, разрушающей воздействующей на традиционные семейные ценности. Наиболее ярко это проявляется в движении «чайлдфри»¹; в размывании гендерной идентичности человека; в моде на «квадроберов», распространяемой, в частности, «Русской службой ВВС»²; в появлении различных, якобы некоммерческих организаций, типа АНО «Защита детства», ранее называвшейся «Стопкинднеппинг» (эпизод деятельности которой осветил Н. С. Михалков в авторской программе). В ходе депутатского расследования О. А. Матвейчева стало ясно, что данная организация осуществляет деструктивную деятельность в отношении семей, в том числе военнослужащих, участвующих в специальной военной операции. О. А. Матвейчевым было проведено расследование, которое показало, что организация «Защитники детства», основанная Александрой Маровой, прошедшей на зарубежные гранты обучение в Великобритании и позиционирующей себя экспертом комиссии по демографии Общественной палаты, членом Координационного совета по реализации семейной политики. Сегодня ее организация, апеллируя к защите детства, немало зарабатывая на зарубежных и отечественных грантах, способствует разрушению семей, в том числе лишая воинов семьи. В частности, ведут курсы развития для замужних женщин, нацеливая их не на семейные ценности, а на ценности самореализации, в том числе, путем развода с мужьями, участвующими в Специальной военной операции. Нужно констатировать, что в современных условиях защита семей и детства обществом и государством должна быть направлена не на спекуляции на семейных проблемах, не на разъединение, а на соединение семей, на оказание психологической, социальной, материальной поддержки. Реальными формами профилактики домашнего насилия является государственная политика разработки и внедрения законодательных мер по предотвращению насилия в семье; обучение людей их правам и возможностям; открытое обсуждение проблем семьи и домашнего насилия; создание безопасных сообществ, горячих линий и служб поддержки, куда жертвы могут обратиться за помощью в кризисных ситуациях; обеспечение доступа к службам медиации и психологической помощи для жертв насилия, а также для агрессоров, чтобы помочь им

¹ В ноябре 2024 года президент Владимир Путин подписал законы о запрете «пропаганды „чайлдфри“». Поправки вносятся в законы, предусматривающие запрет пропаганды педофилии, ЛГБТ («международное движение ЛГБТ» признано в России экстремистским и запрещено) и смены пола: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О СМИ», «О государственной поддержке кинематографии», «Об основных гарантиях прав ребенка», «О рекламе» и «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В каждом из них появится пункт о запрете на распространение информации, «пропагандирующей отказ от деторождения».

² 4 марта 2022 года Роскомнадзор заблокировал доступ к сайту издания из-за внесения его в реестр интернет-ресурсов, «содержащих призывы к массовым беспорядкам, экстремизму и участию в незаконных массовых акциях».

справиться с эмоциями и научиться вести себя иначе. Необходима разработка образовательных программ, направленных на формирование здоровых отношений, уважение и взаимопонимание членов семьи всех поколений.

Доклад Ирины Владимировны Кондаковой, кандидата психологических наук, доцента кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, фокусировался на проблематике ресурсов психологической защищенности взрослых, переживших насилие в детстве.

С позиции ресурсного подхода, ранее представленного докладчиком в соответствующем исследовании (Кондакова, 2012), было проведено эмпирическое исследование психологических оснований состояния защищенности личности, пережившей насилие. В исследовании принимали участие 466 человек, в том числе 130 респондентов, не испытывавших насилия в детстве. Было выявлено, что юноши чаще отмечали факты физического насилия, а девушки в равной степени отмечали факты и физического, и психологического насилия в семье. При этом и те, и другие отмечали, что не было такого, чтобы ребенок пережил насилие только в семье, как правило, оно носило и внесемейные формы. Так, психологическое насилие в период детства в семье отмечали 10,6 % юношей и 15 % девушек, однако если респондент сообщал о насилии в семье, то, как правило, он указывал еще один эпизод насилия вне семьи. Как следствие, практически треть всех респондентов отмечали два и более фактов насилия, пережитые в детстве. Сравнительный анализ самооценки защищенности от психологического насилия в детстве и в момент исследования показал, что и у юношей, и у девушек, переживших насилие в детстве, защищенность от психологического насилия в период ранней взрослости ниже, чем у тех, кто не испытывал психологического насилия в детстве. Был проведен сравнительный анализ характеристик трех групп взрослых: 1) не переживавших насилия в детстве; 2) переживших насилие в детстве и преодолевших полученную травму; 3) переживших насилие в детстве и не преодолевших полученную травму.

Между первой и второй группой респондентов оказалось много общего: интернальный locus контроля, высокий уровень ответственности, доверия к себе и жизнестойкости, стратегия разрешения проблем. Респонденты третьей группы хуже справляются с любыми трудностями, встречающимися при выполнении ответственных поручений, стремятся обратить на себя внимание, зависимы от других людей или обстоятельств, проявляют средний уровень доверия к себе во всех сферах, применяют стратегии разрешения проблем и поиска социальной поддержки, у них нет четко выраженного локуса контроля.

Исследование показало, что защитные ресурсы, активизирующиеся в особо трудной жизненной ситуации, представлены когнитивным, эмоциональным, поведенческим и мотивационным блоками и характеризуется доверием к себе в различных сферах, знаниями о насилии и методах совладания с ним, сбалансированной структурой идентичности, эффективными копинг-стратегиями и интернальным локусом контроля.

Руководитель научного центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, международный эксперт, доктор психологических наук, профессор Вали Фатехович Енгальчев поделился опытом производства судебной психологической экспертизы по выявлению латентного домашнего насилия. Особое внимание он обратил на то, что о насилии и защищенности от него при судебно-психологической экспертизе надо говорить не столько через призму методов и методик диагностики, а в контексте того, как насилие влияет на традиционные духовные ценности жертвы. Среди разных форм насилия – экономического, физиологического, политического, сексуального – особое значение имеет насилие психологическое. Несмотря на многоаспектное влияние

психологического насилия на его жертву, методы его выявления и оценки не получили достаточной разработки к настоящему времени.

Зачастую о психологическом насилии можно судить по видео-, аудиоматериалам, анализ которых может позволить установить характеристики, необходимые и достаточные для уголовной квалификации психологического насилия. Однако методики выявления психологического насилия основываются на теоретико-методологических основаниях, зачастую недостаточно согласующихся друг с другом. К примеру, существуют различные варианты методических рекомендаций, научных публикаций, конкретных экспертных ситуаций, в которых по наблюдаемому поведению высказывались очень точно обоснованные суждения о том, что происходило между людьми на психологическом уровне (Енгальцев, 2017). Существуют экспертизы, где отсутствовала аудиозапись, однако по поведению участников, по их жестам и мимике эксперты формулировали точные суждения о том, что люди сделали друг с другом или с собой. Но несмотря на то, что эксперт определял признаки психологического насилия, находившие в дальнейшем независимое подтверждение в ходе следствия, примененная им методика не получила признания и распространения.

Эксперт-психолог научного центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского Ирина Сергеевна Сабитова характеризовала психологические предпосылки возникновения насилия в интимно-личностных отношениях молодежи. Она отметила потребность в криминализации данного вида насилия, поскольку несмотря на его распространенность и негативное влияние на семью, оно не включено ни в один состав преступления и не рассматривается как отдельный вид преступления. В поиске психологических причин семейного насилия были докладчиком обследованы не только сформировавшиеся семьи, но и пары, не узаконившие свои отношения. При этом, на досемейной стадии отношений, формы насилия зачастую включают причинение тяжкого вреда здоровью и убийства. И. С. Сабитова предполагает, что возможными причинами возникновения насилия в интимно-личностных отношениях могут быть опыт переживания жестоких наказаний в детстве, механизм отчуждения моральной ответственности и негативно прагматическая направленность личности. Опрос обучающихся образовательных организаций высшего образования, сотрудников органов внутренних дел, регионального управления Росгвардии, международного аэропорта «Калуга» имени К. Э. Циолковского и материалов судебных решений по проблематике насилия позволил выявить представления о нем у юношей и девушек (Сабитова, 2024). Было выявлено, что основными мотивами вступления в близкие отношения у юношей и у девушек являются страх одиночества, потребность в поддержке и опоре, не связанные с более глубокими мотивами. Ими могут выступать обретение духовной близости как психосоциальная задача развития; образование семьи как условие продолжения рода; рождение и воспитание детей как выполнение личной жизненной задачи.

Типичными установками юношей является представление о том, что перед образованием семьи необходимо достичь определенного уровня достатка и развития («...прежде чем завести семью, у меня должны быть деньги, дом» «...добиться много-много всего того, что сейчас мешает задуматься о серьезном построении отношений...»), «...смотреть на свою девушку не как на временную партнершу, а как на будущую супругу и мать моих детей...»). Типичная установка у девушек об образовании семьи предполагает построение карьеры как гарантии будущей безопасности, нередко понимаемой как обретение экономической, социальной, психологической независимости. Можно заключить, что большой процент психологического, физического, сексуального насилия в романтических интимно-личностных отношениях молодежи отмечается из-за противоречий между стоящими перед ними жизненными, семейными

ми и личными задачами и установками на самореализацию во внесемейных сферах, обретение различных форм финансового, социального, психологического благополучия.

В целом, социальные представления студентов о насилии в интимно-личностных отношениях отражают три уровня отношений (когнитивный – мысли и образы, эмоциональный – эмоции и состояния, поведенческий – действия) и имеют эмоциональный, негативно окрашенный характер, затрагивают юридические проблемы, культурно-исторические особенности, семейные взаимоотношения. Представления содержат в себе оценочный и прогностический компонент, описание конкретных действий, отражающих проявления психологического и физического видов насилия. Анализ представлений позволил получить закономерности связей опыта насилия в разные возрастные периоды. В частности, у людей, которые переживали опыт насилия в молодом возрасте, был опыт переживания насилия в детстве. В результате у них формировалось негативное восприятие мира и соответствующее представление о мужчинах и женщинах, враждебно-оборонительные отношения к социуму, прагматические ценности, потребность поддержки, стремление быть как все и страх одиночества. Поведенческие особенности копинг-стратегий соответствовали данным представлениям и выражались, например, у девушек в виде избегания, у мужчин в отчуждении моральной ответственности.

Старший преподаватель кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции Екатерина Александровна Дрогавцева в своем выступлении «Семья как аксиологическая составляющая при регулировании вопросов натурализации» осветила юридические проблемы натурализации семей мигрантов. В начале доклада она отметила, что институт семьи находится под защитой Конституции Российской Федерации. Анализ изменений статьи 67 Конституции в 2020 году показывает значение традиционных духовных нравственных ценностей Российской Федерации, подчеркивается их приоритет для государственной политики. Проблематика защиты семьи и семейных ценностей проработана и на уровне федерального законодательства, в том числе в стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В контексте анализа государственной политики по защите семьи актуальным является вопрос приобретения гражданства России. Так, в 2023 году был принят новый Федеральный закон о гражданстве Российской Федерации, и в этом законе впервые было закреплено определение родителей, в соответствии с которым указано, что родители – это мужчина и женщина, что является существенным шагом в противодействии иным интерпретациям роли родителя. Вместе с тем, в данном Федеральном законе прием в гражданство допускает, например, в качестве основания состояние в браке с гражданином Российской Федерации при наличии общего ребенка, причем ребенка, в том числе усыновленного и удочеренного (Дрогавцева, 2022). Данное упрощение имеет двоякие последствия для защиты семьи. Во-первых, данное изменение направлено на исключение фиктивного гражданства. Но это только одна сторона вопроса, вторая сторона вопроса заключается в том: а не нарушает ли это права семьи? Некоторые семьи физиологически не могут иметь детей, а на законодательном уровне это не регламентировано, что, в свою очередь, может спровоцировать усыновление и удочерение детей без целей их воспитания, что создает предпосылку насилия в семье. Решение проблемы докладчику видится в установлении ценза, который не позволял бы приобретать российское гражданство сразу после усыновления или удочерения ребенка, а воспитание этого ребенка должны контролировать органы опеки и попечительства. С учетом этих обстоятельств видится целесообразным ведение статистики натурализации, особенно в части учета семей с приемными детьми. Подобная практика позволит защитить права детей, находящихся в семьях, созданных для приобретения гражданства Российской Федерации.

Проблема информационно-цифрового пространства как инструмента реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей была рассмотрена заместителем руководителя Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики КГУ им. К. Э. Циолковского Дианой Роландовной Белодед, которая отметила рост популярности онлайн-образования, объем российского рынка которого достиг 120 миллиардов рублей.

Особенно популярен рынок психологических образовательных услуг, где учат побеждать абьюзивные отношения, способствуют снижению чувства вины и стыда, учат противодействовать социальному контролю, устанавливать личные границы. Наряду с этим, в онлайн курсах редко пропагандируется дружба, честность, любовь, забота. На примере судебно-психологической экспертизы клиента Ч. из Санкт-Петербурга докладчик продемонстрировала, к чему приводят онлайн курсы. Клиент столкнулся с деструктивным влиянием курсов саморазвития и самореализации женщин в лице его супруги, попавшей под их влияние. В процессе их посещения супруга провоцировала его на насилие свой адрес, обманным путем подписала дарственную на собственный дом, в дальнейшем она с ребенком ушла в некоммерческую благотворительную организацию «Детская деревня – SOS». Подводя итоги, докладчик подчеркнула, что необходимо совершенствовать государственное регулирование онлайн-услуг, онлайн-образования в части их соответствия традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Безусловно, важен контроль психологических тренингов, кризисных центров и центров психологической помощи женщинам и детям в части формирования ими ценностей, которые действительно нужны российскому обществу. В настоящее время помимо индивидуальности и личных границ российскому обществу нужны любовь, забота и умение прощать, являющиеся основанием крепкой семьи, крепкого общества крепкого государства».

Проблематика заботливой семьи – основы крепкого общества – была продолжена в докладе Аии Михайловны Салчак, кандидата психологических наук, доцента кафедры психологии и руководителя психологической службы Тувинского университета. Выступая с докладом «Буддизм и крепкая семья», она ознакомила присутствующих с особенностями буддизма – единственной из мировых религий, не являющейся теократической. В центре этой религии – не Бог, а человек. И сам Будда говорил, что человек в процессе своего развития должен стремиться достичь своих целей, но сможет добиться этого, лишь когда будет свободен, в том числе и от семьи. Но он понимал, что далеко не каждый человек способен на это, но тот, кто не может жить без семьи, тот обязательно должен заботиться о том, чтобы его семья, большая семья – его родители, его дети, его супруга, супруг – были счастливы.

А. М. Салчак рассказала о результатах исследования, которое проводилось при поддержке фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям. Целью исследования было изучение роли буддизма, его влияния на семейные ценности именно в Республике Тыва. В исследовании использовались методики диагностики структуры и ценностных ориентаций личности, смысложизненных ориентацией, ролевых ожиданий и притязаний.

Особенности ценностных ориентаций тувинской молодежи, выявленные в ходе их обследования 160 девушек и 148 юношей, могут быть объяснены сохранением и поддержкой культуры и буддийских религиозных традиций в семье и в ближайшем окружении. Сохранение и поддержка национальной культуры буддийских религиозных традиций в семье проявляется в том, что молодежи нравится буддистская философия и базовые буддийские религиозные идеи и этические нормы являются регулятором семейных отношений (Салчак, 2023). Особенности ценностных ориентаций раскрываются в различиях семейных функций тувинских мужчин и женщин. В тувинской культуре мужчина является связующим звеном между обществом и семьей. Этим объясняется высокое значение ценностей просвещения и социальной

активности в жизни, продемонстрированные опрошенными мужчинами. В отличие от мужчин, роль женщины в семье заключается в сохранении культуры и религии буддизма, культурном и религиозном воспитании детей. Этот вывод эмпирически был поддержан результатами оценки жизненных ценностей, показавшем, что тувинским женщинам важны такие ценности как осмысленность жизни и целеустремленность. В целом, анализ показывает, что специфика ценностных ориентаций тувинской молодежи нацеливает их на формирование семьи и воспитание детей, сохранение и передачу тувинской культуры и религии.

Доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции Виталий Андреевич Садков рассмотрел проблемы личности в сфере семейных отношений через призму взглядов известного российского юриста, социолога конца XIX – начала XX века И. А. Покровского. Его идеи актуальны до сих пор, а его труд «Основные проблемы Гражданского права», изданный в 1916 году, изучают и сегодня. И. А. Покровский рассматривал семью как важнейший социальный институт, играющий ключевую роль в формировании личности. Он исходил из того, что семейные правоотношения как бы устанавливают нормы поведения человека в семье, при этом семья закладывает базовые представления о праве и фундамент для дальнейшего развития человека как личности, а гармоничное развитие личности возможно лишь в атмосфере любви, заботы и взаимопонимания. Эмоциональная поддержка членов семьи дает ребенку возможность ощущать себя в гармонии, в любви, в безопасности. Глядя на родителей, дети учатся строить отношения, решать повседневные проблемы, разрешать конфликты, управлять своим будущим. Семью Иосиф Алексеевич рассматривает как передачу ценностей, поэтому очень важно, чтобы семья была благополучна и давала ресурсы для полноценного развития.

Наталья Анатольевна Калинина, библиотекарь Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД Российской Федерации, посвятила свое выступление тому, как реализуется воспитательный потенциал в организации культурно-досуговой деятельности суворовцев.

Затем Александра Михайловна Иванова, заместитель начальника кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент, полковник полиции рассказала о системе обучения полицейских навыкам реагирования на семейное, бытовое и сексуальное насилие. Несмотря на то, что семья является одной из важнейших ценностей личности, а семейное окружение – это место, где человек чувствует себя защищенным, в настоящее время данное представление не всегда подтверждается. Статистика показывает, что вероятность стать жертвой насилия в семье выше, чем оказаться жертвой уличной преступности. И первыми, к кому обращаются жертвы домашнего насилия, являются сотрудники полиции. От того, как они будут реагировать на это первое обращение, зависит дальнейшее развитие уголовного преследования виновного лица и общественное доверие к правоохранительной системе и к государству в целом. Тем не менее эксперты указывают на слабую подготовленность сотрудников полиции в вопросах пресечения случаев домашнего насилия (Иванова, Тавилова, 2024). Далее в своем весьма содержательном выступлении докладчик вскрыла ряд серьезных проблем в подготовке сотрудников полиции к этой деятельности, обозначила разноуровневые причины такого положения и рассказала о накопленном обширном отечественном и зарубежном опыте превенции домашнего насилия.

Этот опыт показывает, что для эффективного предотвращения случаев семейно-бытового насилия сотрудники полиции, во-первых, должны признать, что такая проблема существует.

Во-вторых, реагировать на факты домашнего насилия должным образом. В-третьих, необходимо осуществление профилактической работы полиции в семейной сфере и, прежде всего, борьба с гендерными предрассудками в правоохранительной сфере.

Разрабатываемые учебные программы нацелены на поддержание сензитивности сотрудников полиции по отношению к жертвам домашнего насилия. Такие учебные программы для отдельных категорий сотрудников полиции должны носить комплексный характер и включать две части: базовую и специальную. Базовая часть нацелена на повышение общей информированности по проблеме домашнего насилия. Специальная часть – это тренинги и стажировка. Она направлена уже на конкретное владение приемами работы с фактами домашнего насилия, инструментами преодоления кризисных состояний. Опыт и исследования показывают, что с жертвами домашнего насилия лучше работают женщины-полицейские, чем мужчины. Женщины оказываются более отзывчивыми, более чуткими и более разделяющими переживания жертв насилия.

В Санкт-Петербургском университете с этого года приступили к реализации в образовательном процессе программы профессиональной психологической подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов по превенции домашнего насилия. Предполагается преимущественно применение педагогических методов ситуационного реабилитационного моделирования в обучении, а также серия социально-психологических тренингов.

Инспектор отдела исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений Управления научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент Александра Александровна Гайворонская представила фундаментальный, насыщенный конкретными примерами, доклад на тему «Психосемантический портрет жертвы семейного насилия». «Психосемантический портрет жертвы семейного насилия – это описание семантической структуры слов, содержащих свойства-признаки, при помощи которых можно охарактеризовать виктимное поведение личности» (А. А. Гайворонская). Методология разработки психосемантического портрета личности представлена докладчиком ранее в соответствующей публикации [2].

На первом этапе исследования в результате ассоциативного эксперимента на слова-стимулы («насилие», «жертва», «семья»), от 155 испытуемых было получено более 600 ассоциаций-дескрипторов, ядро которых составили 55 слов: страх, жестокость, истязание, применение силы, притеснение, расправа, испытание боли, унижение, издевательство, нарушение закона, чувствительность, тирания, беззащитность, злодеяние, бессердечность, беспощадность и др. Также были выделены три ключевых ситуации, связанных с насилием: ситуации обусловленные поведением жертвы; ситуации насилия, возникающие спонтанно; ситуации, когда насилие продолжается длительное время.

В результате экспериментальной работы появилась возможность описать ассоциативное поле иерархически подчиненных уровней портретов жертв домашнего насилия. Факторный анализ результатов ассоциативного эксперимента и метода семантического дифференциала (в ходе которого 55 дескрипторов оценивались по пятибалльной шкале Лайкерта) позволил выявить факторную структуру группового сознания женщин, переживших насилие: 1) характеристики жертвы, подвергавшейся насилию в семье; 2) виктимизация (предикторы виктимного поведения); 3) манипуляционное поведение; 4) причины насилия в семье; 5) поиск идеальных отношений.

Проведенный анализ показал, что объяснение насилия, представленное в исследовании, демонстрирует особый вид общественного группового сознания, в котором зафиксировано пра-

во мужчины на насилие и место женщины как жертвы. Традиционные установки порождают восприятие ситуации насилия и формируют представление о том, что женщина сама виновата в произошедшем.

Старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции Алексей Салихзянович Нурисламов в своем докладе «Правонарушения в семейно-бытовой сфере в контексте общего понятия правонарушения» обратил внимание на то, что подход и характеристики причин и условий совершения правонарушений в семейно-бытовой сфере представителями административного и уголовного права в наиболее общих вопросах сходятся. Однако в особенных и специальных вопросах в значительной степени расходятся, что ведет к сложностям понимания природы этого феномена. Алексей Салихзянович на конкретных примерах из практики правоохранительных органов Башкирии детально рассмотрел особенности правоприменения в отношении различных видов правонарушений в семейно-бытовой сфере. Он отметил, что в законодательстве Российской Федерации нет единого определения семейно-бытового насилия, и данный вопрос отнесен компетенции законодательства субъектов Российской Федерации, что приводит к тому, что санкции субъектов за аналогичные деяния порой значительно отличаются.

Доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, полковник полиции Алла Васильевна Вашкевич в завершение круглого стола рассмотрела проблематику воздействия информационной среды на формирование идеалов современной молодежи. Эмпирическим примером выступило пренебрежительное и неуважительное отношение к Государственному Гимну и Флагу Российской Федерации, продемонстрированное обучающимися одной из школ. В ходе доклада предметом обсуждения стала роль семьи в воспитании ценностей, которые сегодня особенно значимы для общества, для нашей страны.

Завершая обсуждение материалов круглого стола «Государственная политика по сохранению и укреплению традиционной российской духовно-нравственной ценности – крепкая семья. Профилактика домашнего насилия» следует отметить актуальность, научную и практическую значимость обсуждаемых в ходе мероприятия проблем психологического сопровождения современной российской семьи, отражение в семье проблем и трудностей, переживаемых российским обществом в настоящее время. Мероприятие позволило докладчикам познакомиться присутствующих с разными подходами к решению актуальных проблем профилактики домашнего насилия, с результатами отдельных фундаментальных исследований процессов, определяющих пути профилактики домашнего насилия, обсудили юридические и психолого-педагогические аспекты подготовки сотрудников полиции к работе с «трудными» семьями.

Список литературы

- Гайворонская, А. А. (2023). Портрет личности и его исследование психосемантикой. *Психолог*, 5, 138–145. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.5.39269>.
- Дрогавцева, Е. А. (2022). Натурализация как форма реализации права на гражданство в современной. В *Уральский Форум конституционалистов: материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов* (Екатеринбург, 04-09 октября 2021 года, выпуск 7, часть 1, стр. 26–32). Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет.
- Енгальчев, В. Ф. (2017). Психологический анализ поведения, зафиксированного на видеозаписи, как новое направление судебной психологической экспертизы. В *Судебно-*

психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: сб. науч. ст. (стр. 11–16). Москва: РГУП.

- Иванова, А. М., Тавилова, Н. Н. (2024). Отношение сотрудников полиции к домашнему насилию: обзор зарубежных исследований. *Прикладная юридическая психология*, 1 (66), 73–83. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.1\(66\).073-083](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.1(66).073-083)
- Кондакова, И. В. (2012). *Личностные ресурсы психологической защищенности взрослых, переживших насилие в детстве*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Сабитова, И. С. (2024). Способность жертвы насилия в интимно-личностных отношениях понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 250–261. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-250-261>
- Салчак, А. М. (2023). Социально-психологические особенности готовности к браку и семейной жизни у тувинской молодежи. В *Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития*: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17-20 октября 2023 года, стр. 97). Москва: ООО "Союзкниг", ООО «Кириллица».
- Стреленко, А. А., Ситников, В. Л. (2022). Современное состояние экспертной работы психолога с дисфункциональной семьей и ее виктимизацией. В *Современное состояние, проблемы и перспективы развития судебно-экспертной деятельности частных экспертов*: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 28 января 2022 года, стр. 270–276). Москва: РГ-Пресс.

References

- Gajvoronskaya, A. A. (2023). Portret lichnosti i ego issledovanie psihosemantikoj. *Psiholog*, 5, 138–145. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.5.39269>.
- Drogavceva, E. A. (2022). Naturalizaciya kak forma realizacii prava na grazhdanstvo v sovremennoj. V *Ural'skij Forum konstitucionalistov*: materialy sed'mogo Ural'skogo Forum konstitucionalistov (Ekaterinburg, 04-09 oktyabrya 2021 goda, vypusk 7, chast' 1, str. 26–32). Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet.
- Engalychev, V. F. (2017). Psihologicheskij analiz povedeniya, zafiksirovannogo na videozapisi, kak novoe napravlenie sudebnoj psihologicheskoy ekspertizy. V *Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza i kompleksnye sudebnye issledovaniya videozapisej*: sb. науч. ст. (стр. 11–16). Moskow: RGUP.
- Ivanova, A. M., Tavtilova, N. N. (2024). Otnoshenie sotrudnikov policii k domashnemu nasiliyu: obzor zarubezhnyh issledovaniy. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1 (66), 73–83. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.1\(66\).073-083](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2024.1(66).073-083)
- Kondakova, I. V. (2012). Lichnostnye resursy psihologicheskoy zashchishchennosti vzroslyh, perezhivshih nasilie v detstve: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg.
- Sabitova, I. S. (2024). Sposobnost' zhertvy nasiliya v intimno-lichnostnyh otnosheniyah ponimat' harakter i znachenie sovershaemyh s nej dejstvij i okazyvat' soprotivlenie. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 4 (2), 250–261. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-250-261>
- Salchak, A. M. (2023). Social'no-psihologicheskie osobennosti gotovnosti k braku i semejnoy zhizni u tuvinskoj molodezhi. V *Anan'evskie chteniya – 2023. Chelovek v sovremennom mire: potencialy i perspektivy psihologii razvitiya*: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 17-20 oktyabrya 2023 goda, str. 97). Moskow: ООО "Soyuzkniг", ООО «Kirillica».
- Strelenko, A. A., Sitnikov, V. L. (2022). Sovremennoe sostoyanie ekspertnoj raboty psihologa s disfunkcional'noj sem'ej i ee viktimizaciej. V *Sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy*

razvitiya sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti chastnyh ekspertov: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 28 yanvarya 2022 goda, str. 270–276). Moscow: RG-Press.

Информация об авторах

Валерий Леонидович Ситников – профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Александр Владимирович Шахматов – профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

About the authors

Valery L. Sitnikov – Professor at the Department of Legal Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Dr. Sci. (Psy), Professor. Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Alexander V. Shakhmatov – Professor at the Department of Operational and Investigative Activities in Internal Affairs Bodies of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Dr. Sci. (Jurid.), Docent.

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution. The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 25.10.2024

Одобрена после рецензирования 21.11.2024

Опубликована 28.12.2024

Submitted October 25, 2024

Approved after reviewing November 21, 2024

Accepted December 28, 2024